АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ
ОКУ «ГОСАРХИВ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ»

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ

Сборник статей

Выпуск XIV

75-летию образования
ОКУ «Госархив Курской области» посвящается

КУРСК
2016

УДК 908
ББК 63.3 (2 Рус – 4 Курск)
С 55

С 55 **События и люди в документах курских архивов. Выпуск XIV** [Текст] / под ред. В.Л. Богданова. – Курск: ООО «Центр рекламы «Лоцман», 2016. – 128 с.

Редакционная коллегия: Богданов В.Л. (гл. редактор) – начальник архивного управления Курской области; Карманова Л.Б. (зам. гл. редактора) – зам. начальника архивного управления Курской области; Елагина Н.А. – директор ОКУ «Госархив Курской области»; Пешехонова О.В. – зам. директора ОКУ «Госархив Курской области»; Раков В.В. – зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области», канд. ист. наук.

Научный редактор: Раков В.В., канд. ист. наук.

В сборник вошли исследования ученых-историков, преподавателей, аспирантов и студентов курских учебных заведений, сотрудников архивов, посвященные различным проблемам истории края XVIII–XX вв. Опубликованные в сборнике работы будут полезны широкому кругу читателей, интересующихся нашей историей. Все материалы опубликованы в авторской редакции. XIV выпуск сборника посвящен 75-летию образования ОКУ «Госархив Курской области».

На 1-й странице обложки: Здание Воскресенской церкви, в котором в 1920-х гг. размещались фонды государственного архива Курской области. Фото 1958 г.

© Архивное управление Курской области, 2016
© ОКУ «Госархив Курской области», 2016
© Авторы статей, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУРСКОГО РЕГИОНА

Абрамов И.О.	Проблема отношения церкви к большевистскому правительству (на материалах Курского чрезвычайного епархиального собрания 1918 года) ……..	5–10
Кононов Н.Г.	Первые шаги к возрождению (из истории восстановительных работ на Щигровском фосфоритном руднике и заводе по производству фосфоритной муки 1943–1945 гг.	10–16
Кононов Н.Г.	Из истории восстановления Щигровского механического завода 1943–1945 гг. …….....	16–24
Масленников И.П.	Действия администрации Вооруженных сил на Юге России по борьбе с «заразными болезнями» на территории Курской губернии...	24–28
Навоева И.В.	Органы исполнительной власти Курской области и стройотрядовское движение: поиски взаимодействия (середина 1960-х – середина 1970-х годов) ……	28–34
Петраков Ю.С.	Водопроводное хозяйство г. Курска в 1929–1941 гг. (по источникам Государственного архива Курской области) ……	35–39
Сахневич И.В.	Стационарная торговая сеть в Курской губернии начала XX века ……	39–45
Харсеева О.В.	Применение к несовершеннолетним наказания в виде тюремного заключения в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. ……	45–52

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Палий Л.В.	Организация общедоступного досуга детей в Пушкинском саду г. Курска (на материалах Государственного архива Курской области)…..	53–59
Пинаева И.В.	Свято-троицкий монастырь в XIX – начале XX века ……	60–64

БИОГРАФИСТИКА И ПРОСОПОГРАФИЯ

Абакумова Е.А.	Деятельность старосты Обоянской мещанской управы Курской губернии А.И. Пенушкина в 80-х гг. XIX века ……	65–67
Борисов А.М.	Быть верным присяге – быть победителем!.....	68–73
Цепляева Н.Е.	Священник М.И. Полищук – пример беззаветного служения церкви ……	73–76

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Аргунов О.Н.	Источники по истории восстановления разрушенного в годы Великой Отечественной войны сельского хозяйства в фондах Государственного архива Курской области……	77–85
Ефремова И.С.	О подготовке губернии к проезду ее императорского величества самодержицы всероссийской Екатерины II: Материалы Курского наместнического правления ……	85–95
Сойников А.А.	Источники по истории культурно-просветительской работы в Курской области (1960-е – 1970-е гг.): на материалах Государственного архива Курской области…	95–101

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА

Виноградова В.К., Резникова С.В.	Из истории комплектования научно-справочной библиотеки Государственного архива Курской области ……	102–108
Друговская А.Ю.	Из истории формирования личного фонда академика Н.М. Дружинина в Государственном архиве Курской области ……	108–114
Раков В.В.	Деятельность Курской губернской ученой архивной комиссии в 1917–1921 гг. ……	115–121
Тимофеенко О.В.	Исследователи и архив: страницы истории…..	121–125

Сведения об авторах …… 126-127

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ КУРСКОГО РЕГИОНА

И.О. Абрамов

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ К БОЛЬШЕВИСТСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ (НА МАТЕРИАЛАХ КУРСКОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ЕПАРХИАЛЬНОГО СОБРАНИЯ 1918 ГОДА)

В 1917 г. в России произошла Октябрьская революция, в ходе которой к власти в стране пришла партия большевиков. С первых дней советское правительство проводило политику, направленную на уменьшение влияния религии и церкви в обществе и государстве. В числе первых советских законодательных актов были: Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, Декларация прав народов России, содержавшая норму об отмене всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния, Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря. Все эти и последующие декреты, так или иначе, затрагивали Русскую Православную Церковь (далее РПЦ).

Проблема взаимоотношений Церкви и государства исследована достаточно глубоко, однако ряд вопросов, связанных с положением РПЦ на местах в первый год советской власти, не получили должного освещения в научных публикациях. В данной статье предпринята попытка определить отношение представителей Курской епархии, мирян к правительству большевиков и проводимой ими политике весной–летом 1918 г.

В объединенном фонде Р-750 «Учреждения церковного управления и суда Курской епархии, созданные после отделения церкви от государства» Государственного архива Курской области содержится стенограмма заседаний Курского чрезвычайного епархиального собрания от 21–24 мая (3–6 июня) 1918 г. 21 мая (3 июня) 1918 года после торжественной речи епископа Феофана (Гаврилова) состоялось открытие Курского Чрезвычайного Епархиального Собрания. В своей речи епископ Феофан отметил, что Россия переживает очень сложные времена, и участники собрания должны принимать судьбоносные решения, которые в прежние времена никогда не рассматривались [1, л.1–4].

В свою очередь, после вступительного слова епископа и объявления всех прибывших (на собрание явилось 152 человека) Н.Н. Лоскутов заявил: «Весьма вероятно, что по условиям переживаемого времени представители целых уездов не могли прибыть в Курск. Неизвестно, останется ли Курская епархия в том виде как она существует, ныне в составе Великороссии и части ее, какая именно часть отойдет к Украине. Решать Собранию вопросы при отсутствии представителей некоторых уездов невозможно. Поэтому при неявке некоторых уез-

дов, Собрание должно быть отложено и собрано вновь, когда политическое положение губернии определится окончательно» [1, л. 1]. Собрание не поддержало заявления Лоскутова и признало себя правомочным.

Это говорит о том, что ситуация была чрезвычайной и многие вопросы, касающиеся как реорганизации епархиального управления, так и отношения к советской власти требовали немедленного решения.

Затем последовало обсуждение вопроса реорганизации Собрания. По предложению Г. Мусатова и дьякона П.К. Зиновьева избираются два председателя, причем один из них является мирянином. Результаты голосования неизвестны, так как часть листов стенограммы заседания не сохранилась, но можно сделать вывод, что Курская епархия была готова к реформам и даже более того, готова была их проводить при непосредственном участии гражданского населения [1, л. 4].

Утром 22 мая (4 июня) 1918 года начинается обсуждение вопроса о духовных учебных заведениях. Особо интересным представляется выступление протоирея Петра Адвокатова. Священнослужитель говорит о том, что «поход на духовные школы нашей империи не в первый раз» [1, Л. 6]. В пример он ставит деятельность Александра I, и то, что Закон Божий во время его правления был необязателен для учебных заведений, и в последующем это привело «к повальному неверию русской интеллигенции» [1, л. 6].

Однако простого народа по его словам это не затрагивало, и он продолжал жить христианскими идеалами своих предков до настоящего момента (1918 года). «Лишь сегодня он зашатался, но далеко не весь» [1, л. 6]. Относительно реформы духовных учебных заведений он предложил временно, до «успокоения» отложить этот вопрос [1, л. 6]. Из речи Петра Адвокатова можно сделать вывод, что вопрос содержания, строительства и приведения в порядок духовных учебных заведений долгое время привлекал к себе внимание Церковь. Но в 1918 году сложилась ситуация, при которой решение этого вопроса откладывалось из-за опасных тенденций, таких как: захват огромных европейских пространств Российской Империи Германией, угроза гонений на Церковь со стороны большевиков, угроза назревающей гражданской войны и т. д.

Вопрос отношения РПЦ к новой власти невозможно рассматривать без изучения настроений священнослужителей. В выступлении 23 мая (5 июня) 1918 года по вопросу о духовных учебных заведениях священник В. Поляков говорит, что, как и для прочих естественных наук нужны отдельные кабинеты, так и для «преподавания Закона Божия необходима отдельная комната» [1, л. 4]. Из выступления В. Полякова становится ясно, что он отрицательно относится к «Октябрьскому перевороту» [1, л. 4].

24 мая (6 июня) 1918 года началось обсуждение вопроса о миссионерах. Из доклада протоирея Николая Булгакова следует, что сектантство в Курской епархии распространяется очень быстро. Священник говорит о «Льговском уездном союзе так называемых «евангельских христиан», делающем «выпады против православия» [1, л. 19–21]. Однако далее он сообщает, что благодаря деятельности миссионеров количество отпадений значительно уменьшилось [1,

л. 19–21]. Важно отметить, что не все разделяли точку зрения Булгакова относительно влияния сектантства на православие в Курской губернии. Так священник Гавриил Рождественский заявил, что «всякая истина должна всесторонне освящаться» [1, л. 21–22] , и пусть большинство присутствующих не были согласны с его мнением, однако даже такое мнение имело место в рядах РПЦ.

В дальнейшем после напряженной дискуссии относительно содержания и задач миссионеров была принята резолюция, по которой следует:

1) принять основные положения о внутренней миссии, выработанные на Всероссийском Церковном Соборе и постепенно проводить их в жизнь;

2) оставить в епархии двух епархиальных миссионеров: противосектантского и противораскольнического и, кроме того, учредить должность третьего миссионера для борьбы с неверием и безбожием;

3) временно, на один год отнести расход на содержание всех этих миссионеров на епархиальные средства по расчету 4 200 рублей в год каждому с разъездными и канцелярскими [1, л. 30];

Все эти меры были направлены как на традиционную борьбу с еретиками, так и на новую угрозу – неверие простого населения. Эти действия не могли не затрагивать большевиков, так как их атеистическая идеология, таким образом, вступала в прямую борьбу с РПЦ, что требовало более активной пропагандистской деятельности прежде всего в среде крестьян.

23 мая (5 июня) 1918 года началось обсуждение одного из самых важных вопросов, рассматриваемых на собрании и непосредственно затрагивающего отношения церкви и советского правительства, а именно «вопроса преподавания Закона Божия в связи с декретом об отделении церкви от государства». Присутствующими рассматривались разные пути выхода из сложившейся ситуации. Так протоирей Иван Чеканов призвал Собрание ввести преподавание Закона Божьего в храмах. В качестве примера он привел опыт Пруссии и Польши, где в воскресенье после богослужения в храм являются дети для обучения [1, л. 30–32].

Очень интересно высказывание Т.Г. Суринова по тому же вопросу. Он говорит: «Вопрос этот существенно важный. Это собрание малого Собора – мы представители многомиллионного православного населения, и нам хотят сказать, чтобы мы молчали. Нет, мы обязаны сказать о том, что важно. Кто создал государство? Мы, – русский народ, а теперь нас отталкивают. Россия для русских. Может быть, здесь есть интернационалисты, для которых нет отечества, то им здесь не место. Я умру за Русь и православие… Что касается защиты прав церкви и имущества – посторонние не касайтесь. Так сказал Собор… И нам с вами все это нужно сохранить». Относительно вопроса преподавания Закона Божия Суринов говорит, что это наука наравне с другими и об этом нельзя поспорить. Далее он говорит, что если убрать этот предмет из школы, то церковь все равно найдет, где обучать ему. «Так как без Закона Божия может насаждаться безнравственность и неверие» [1, л. 33–34]. В ответ на заявление последовала просьба епископа Феофана не затрагивать политических вопросов [1,

л. 34]. Это говорит о нежелании многих священнослужителей и представителей церкви связывать себя с происходящими в стране политическими процессами.

Определённое поле для рассуждений дает и высказывание протоирея Петра Адвокатова. Он заявил, что декреты подобные тем, что объявляла советская власть, в западных странах издавались еще в XVIII веке, однако там и религиозная жизнь сложилась иначе, «а у нас этот декрет не может иметь серьезного значения» [1, л. 34]. То есть выступающий уверен в том, что историческая роль и культура стран запада и России различаются настолько, что не имеют схожих путей развития.

Отлично от других выступлений звучат слова священника Гавриила Рождественского. Он говорит: «А все-таки революция идет и идет, что бы тут не говорили, и она начертала на своих знамёнах великие идеалы: свободы, братства и равенства» [1, л. 35]. Рождественский считает, что декрет по поводу упразднения преподавания Закона Божия в учебных заведениях целесообразен, и объясняет это тем, что Закон Божий нельзя преподавать в классах со смешанным конфессиональным составом [1, л. 35]. Он говорит, что преподавание этого предмета должно быть там, где все население православное [1, л. 35]. Следует отметить, что мнение Гавриила Рождественского не встретило широкой поддержки среди присутствующих [1, л. 35].

В продолжение рассмотрения вопроса прозвучало выступление священника Пыхтина. Он предложил «действовать через массу народную и обратиться к содействию родительских комитетов», также он предложил по примеру того, что «сектанты широко используют у себя грамоту» издать «книгу православного христианина» в живом, литературно-народном изложении и раскрывающую православно-христианское вероучение [1, л. 35–36]. Затем прозвучало предложение докладчика протоирея Чеканова. Оно содержало в себе несколько пунктов:

1. Обратиться с ходатайством к власти о разрешении преподавания Закона Божия на прежних условиях.

2. Устраивать законоучительские братства.

3. Организовывать внешкольное обучение детей Закону Божию [1, л. 37–38].

Приняв во внимание это предложение и всёпредыдущееобсуждение 24 мая (6 июня) 1918 года Собранием была принята резолюция, в которой постановили:

1. Сохранить в школах всех типов преподавание Закона Божьего, изменив характер преподавания.

2. Просить Всероссийский Священный Собор, чтобы он, являясь воплощением религиозной совести всей верующей России, ходатайствовал перед Центральной Властью Российской Республики о необходимости сохранения в школах преподавания Закона Божьего в качестве обязательного предмета.

3. Ходатайствовать перед той же властью в том же смысле от имени Епархиального Собрания.

4. Осведомить православных христиан Курской епархии через церковно-приходские Советы и сельские исполнительные комитеты о состоявшихся постановлениях Епархиального Собрания по вопросу об устранении из школы Закона Божьего и предложить им:

а) обсудить этот вопрос на своих собраниях;

б) при разрешении его в положительном смысле ходатайствовать перед местной гражданской властью о его невмешательстве в дело религиозного обучения в школе, а также перед Центральной гражданской властью об отмене 9 пункта декрета СНК об отделении церкви от государства.

5. Обратиться от имени Епархиального Собрания с призывом к педагогическим и родительским организациям в пределах епархии о поддержке с их стороны постановления Епархиального Собрания соответствующими ходатайствами пред Центральной Властью гражданской и церковной.

6. В целях наиболее плодотворной постановки преподавания Закона Божия признать желательным открытие Епархиального Законоучительского Братства и поручить ему разработать соответствующие уставы [1, л. 39–40].

Интересна поправка, внесённая Н.Н. Лоскутовым и принятая Собранием по которой выражение «ходатайствовать» в 2 и 3 пунктах резолюции заменялось выражением «заявить» [1, л. 39–40]. Это говорит о том, что РПЦ считает себя структурой равной государственной власти и поэтому «ходатайствовать» перед ней не собирается.

В тот же день 24 мая (6 июня) был поднят вопрос о выделении Белгородского викариатства в самостоятельную епархию. Н.Н. Мавровским были предложены следующие тезисы: признать благовременным преобразование Белгородского викариатства в самостоятельную епархию; осуществить это преобразование по выяснении политического положения; сохранить единство обеих епархий в финансово-экономическом отношении; до того как проявится политическое положение провести в жизнь те положения о викарях и уездных собраниях, какие приняты на Соборе.

Предложение Мавровского не получило у Собрания поддержки, особенно много выступлений было против разделения на епархии. Г.И. Булгаков также высказался против тезиса Мавровского о разделении и предложил:

1. Вопрос о выделении Белгородской епархии отложить до выяснения политического положения Курского края.

2. В Белгородском викариатстве неотложно ввести в жизнь постановления Священного Собора о викарных епископах [1, л. 44–45].

После чего данные тезисы были приняты Собранием, что говорит о первоочередности проблемы взаимоотношений с советской властью.

Далее на собрании рассматривался вопрос избрания кандидатов в члены Епархиального Совета [1, л. 40–49], вопрос содержания Епархиального Совета [1, л. 50–52] и вопрос использования средств для Комиссии по сохранению и перевозке имущества [1, л. 53–56]. Однако в силу того, что эти вопросы имеют организационный характер и результатов их рассмотрения неизвестно (часть

листов не сохранилась), значения для рассмотрения вопроса отношения РПЦ к советской власти они не имеют.

На основе проведённого анализа заседания Курского Чрезвычайного Епархиального Собрания можно сделать вывод, что проблема взаимоотношений церкви и государства в 1918 году была сложна и требовала ее безотлагательного решения. Многие священнослужители отрицательно относились к происходящим политическим процессам в стране, но были и те представители Церкви, которые, так или иначе, поддерживали советскую власть, считая, что все те меры, принимаемые новым правительством, послужат фундаментом обновленного государства. Дальнейшее развитие событий показало, что данные представители Церкви способствовали созданию условий для обновленческого раскола.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 6.

Н.Г. Кононов

ПЕРВЫЕ ШАГИ К ВОЗРОЖДЕНИЮ (ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ НА ЩИГРОВСКОМ ФОСФОРИТНОМ РУДНИКЕ И ЗАВОДЕ ПО ПРОИЗВОДСТВУ ФОСФОРИТНОЙ МУКИ 1943–1945 гг.)

История Щигровского фосфоритного завода весьма слабо изучена в нашей краеведческой исторической литературе. Специально истории этого завода посвящен один из разделов коллективной монографии «Предприятия химической индустрии Курского края в XX веке. Опыт становления и организации производственной деятельности» (под ред. доктора ист. наук, профессора ЮЗГУ В.В. Коровина. Курск: ЮЗГУ, 2014), а также статья С.С. Коптева «Развитие химического производства на базе Щигровского фосфоритного месторождения (Научные труды молодёжной секции отделения РОИА. Курск, 2013. Вып. 5. С. 24–27). В вышеуказанном разделе монографии (См. С. 34–49) рассмотрена история становления завода в довоенный период времени, представлены итоги временной немецкой оккупации. Что же касается вопросов, связанных с восстановлением предприятия в 1943–1945 гг., то они рассмотрены в общих чертах.

В данной статье автор попытался восполнить этот пробел в истории Щигровского фосфоритного завода.

Щигровский фосфоритный завод был построен и сдан в эксплуатацию в 1929–1931 гг. на базе Щигровского месторождения фосфоритов. Его проектная мощность по добыче фосфоритов определялась в 200 тыс. тонн в год, по вы-

пуску фосфоритной муки – в 120 тонн в год (по другим источникам в 100 тонн фосфоритной муки). Фактически же до войны завод производил 70–80 тыс. тонн фосфоритной муки. Продукция завода поступала на удобрения полей Курской и Воронежской областей, а также Украинской ССР. Общая численность рабочих, ИТР и служащих до войны достигала 1000 человек.

Запасы фосфоритов Щигровского месторождения составляли 6 941 тыс. тонн.

К заводу тяготело Трухочевское месторождение фосфоритов (в 14 км от завода), запасы которого определялись в 25 млн тонн.

Таким образом, сырьевая база завода превышала 30 млн тонн.

Щигровксий фосфоритный завод был одним из крупнейших в стране, имеется ввиду, что общее производство фосфоритной муки в предвоенные годы в стране составляло около 600 тыс. тонн [7, л. 41].

В связи с военной обстановкой в ноябре 1941 г. все основное оборудование предприятия было эвакуировано на Верхне-Камский фосфоритный рудник Кировской области.

За время оккупации завод был разрушен и сожжен немецко-фашистскими бандитами. Из общей площади промышленных зданий и сооружений, составлявших к моменту эвакуации 6 524 кв. метров, полностью разрушены 4 154 кв. метра. Оставшиеся здания размольного цеха, электростанции, механического цеха и компрессорной находились в полуразрушенном состоянии.

Все жилые здания и пристройки подсобного хозяйства полностью разрушены и сожжены [7, л. 41–42].

Восстановление завода начато с августа 1943 г. Непосредственно же к восстановлению рудника первой очереди приступили с ноября 1944 г. согласно постановлению ГКО от 11 мая 1944 г. № 5861с «О неотложных мерах по восстановлению и строительству заводов по производству минеральных удобрений, фосфоритных рудников и комбината «Апатит».

В соответствии с данным постановлением ГКО 17 мая 1944 г. нарком химической промышленности М.Г. Первухин издал приказ за № 86с «О мерах по восстановлению и строительству заводов по производству минеральных удобрений и фосфоритных рудников Главгорхимпрома».

Считая решение этой задачи делом чрезвычайно государственной важности, Наркомхимпром наметил целый ряд мероприятий по восстановлению фосфоритных рудников и заводов по производству минеральных удобрений. В их числе определялись и меры по восстановлению Щигровского фосфоритного рудника и завода по производству фосфоритной муки. В частности, предписывалось начальнику Главгорхимпрома Б. Гуджеджиани и директору Щигровского фосфоритного рудника С.Н. Струкову под их личную ответственность восстановить рудник и цех фосфоритной муки на мощность 70 тыс. тонн в год в III квартале 1945 г. и обеспечить ввод 1-й очереди фосрудника и цеха фосфоритной муки на мощность 35 тыс. тонн в год к 1 мая 1945 г.

Предложено директору Щигровского фосрудника Струкову разработать график выполнения строительных монтажных работ по восстановлению рудни-

ка и цеха фосфоритной муки в сроки, установленные настоящим приказом, и в месячный срок представить их в ОКС НКХП для рассмотрения и утверждения зам. наркома Голованoвым.

Было также предписано заключить договор с институтом «Механобр» Наркомцветмета на изготовление к августу 1944 г. проекта флотационной фабрики Щигровского фосрудника.

Приказано директору Государственного института горно-химического сырья (ГИГХса) Ульянову закончить разработку технического восстановления Щигровского фосфоритного завода к 15 августа 1944 г.

Для реализации указанной задачи Щигровскому руднику и заводу планировалось выделить необходимые материальные, финансовые и людские ресурсы. В частности, рекомендовано Управлению по мобилизации рабочей силы при СНК СССР к 15 июля 1944 г. направить для работы на заводе 200 рабочих из числа трудоспособного населения Курской области.

Для работающих на предприятиях по добыче фосфоритов и по производству фосфоритной муки выделялись необходимые продовольственные пайки, спецодежда, а также денежные ссуды на обзаведение хозяйством в размере 3000 рублей каждому с погашением в течение года.

Управлению Лесоохраны и Лесонасаждения при СНК СССР предложено выделить для завода лесосеку в Брянском лесу в количестве 15 тыс. кубометров (далее – кбм) деловой древесины.

В соответствии с постановлением ГКО Щигровскому фосфоритному заводу выделялись соответствующие оборудование и материалы: рельсы, чугун, трубы, инструментальная сталь и т.п.

Партийным, советским и военным организациям предложено оказывать всяческую помощь в восстановлении фосфоритных рудников и заводов, и запрещалось отвлекать на другие цели рабочую силу и транспорт, занятых на их восстановлении [3, л. 5–10, 12, 14–22; 41–42].

В июне 1944 г. во исполнение постановления ГКО от 11 мая 1944 г. Главпроформом было дано указание начальникам штабов и военных округов за № М/3/6277 освободить от мобилизации в Красную Армию рабочих, ИТР и служащих, работающих на заводах по производству минеральных удобрений, на фосфоритных рудниках [1, л. 27, 29].

Однако, несмотря на постановление ГКО, приказ наркома химической промышленности М.Г. Первухина, разработанные мероприятия по восстановлению Щигровского фосфоритного рудника и завода не всегда выполнялись в установленные сроки. Отметим, что представленный заводом график восстановительных работ еще 8 августа 1944 г. был утвержден заместителем Наркомхимпрома Ф.Т. Голованoвым. К ноябрю 1944 г. не был получен проект восстановления 1-й очереди рудника и завода. Тем самым строительство завода не было обеспечено и технической документацией. Завод и рудник не получили предназначенные для них автомашины, лошадей, гужевой транспорт, кирпич, цемент, спецодежду и обувь. Не выполнен и наряд по мобилизации рабочей силы (вместо 200 человек завод получил только 83 человека). Главхимпром не

оказал необходимой помощи в скорейшем восстановлении завода, не требовал от поставщиков, согласно решению ГКО, своевременной отгрузки для завода необходимых материалов и оборудования.

Ход восстановительных работ замедлял тот факт, что значительная территория завода и рудника еще была не разминирована.

Из перечисленных обязательств, в срок были выделены только лесосеки в Брянском лесу, что позволило заводу уже с 1 июля 1944 г. приступить к лесозаготовкам, а также – к горно-восстановительным работам, к строительству электростанции 1-й очереди, водокачки, здания конторы горного цеха и др. [3, л. 31–32; 41–42].

И, тем не менее, рабочие завода провели значительную работу по очистке территории и цехов завода от мусора, лома и т. п. Произведена очистка фундаментов разрушенных промышленных зданий. Многое было сделано по очищению штолен от завалов и т. п.

28 октября 1944 г., протокол № 293/17, бюро Курского обкома ВКП(б) заслушало вопрос о восстановлении Щигровского фосфоритного завода и констатировало, что строительно-монтажные работы по восстановлению завода организованы неудовлетворительно. Несмотря на то, что прошло значительное количество времени с начала восстановительных работ на заводе, техническая готовность по цехам предприятия составляла: по механическому – 10,0 %, горному – 14,9 %, подсобных предприятий – 34,0 % и складского помещения – 33,0 %.

К восстановлению обогатительной фабрики, а также жилищно-бытовых помещений до сих пор не приступали. Сам директор фосфоритного завода С.Н. Струков не организовал должным образом работы по установленному Наркомхимпромом графику и не проявил настойчивости в получении материалов и оборудования.

Такое неудовлетворительное положение с ходом строительно-восстановительных работ на фосфоритном заводе, отметило бюро обкома партии, является нетерпимым и потребовало от директора завода Струкова в ближайшее время устранить допущенные недочеты в строительстве и организовать выполнение утвержденного Наркомхимпромом графика работ.

Рекомендовано также организовать на заводе подготовку квалифицированных кадров и к 1 февраля 1945 г. обеспечить выпуск 100 подготовленных специалиста, в т. ч.: плотников 16 человек, каменщиков – 10, забойщиков – 20, крепильщиков – 25, слесарей – 10, машинистов – 19 человек.

Бюро обкома партии потребовало от директора завода в срок до 15 января 1945 г. подготовить общежитие для рабочих на 150 человек, а также обязало председателя облплана А.Т. Галкина выделить фосфоритному заводу необходимые местные строительные материалы: красный кирпич, известь, деловую древесину и т. п. Были намечены и другие меры по оказанию помощи заводу в его скорейшем восстановлении [5, л. 134–136].

Благодаря настойчивой требовательности Курского обкома ВКП(б) уже к началу 1945 г. Главгорхимпромом было рассмотрено и принято расширенное

проектное задание завода. Для рабочих, работающих на лесозаготовках, получено 50 ватных костюмов и 30 ватных телогреек. Кроме этого, заводу направлено: х/б тканей и изделий 1000 м, шерстяных – 50 м, брезента – 100 м, валенок 50 пар, мануфактуры на постельные принадлежности – 500 м.

Что же касалось основного технологического оборудования, то оно было заказано на импорт и планировалось его поставить в I квартале 1945 г. Приняты меры к обеспечению в I квартале 1945 г материалами восстановительных работ [6, л. 6].

К апрелю 1945 г. Наркомхимпром выделил Щигровскому фосфоритному заводу на I квартал 1945 г. следующее оборудование: 16 электромоторов, 2 импортных дизеля мощностью по 690 л. с., 3,5 км кабельной продукции, 8 тонн сортировочного железа и т.п. [7, л. 21].

Однако, отмечал директор Щигровского фосфоритного завода Струков в справке, направленной наркому химической промышленности М.Г. Первухину, копия начальнику Главхимпрома М.Ф. Денисову, начиная с III квартала 1945 г. проявилась тенденция к снижению темпов восстановления завода. Заводу было дано указание сдать Главснаблесу 2000 кбм деловой древесины, заготовленной и вывезенной на станцию Клюковкино для отправки на завод, откомандировать на Алексеевский Серный рудник 20 квалифицированных рабочих. Отпущенный на IV квартал 1945 г. в сумме 200 тыс. рублей лимит средств не позволял предприятию сохранить имеющуюся в наличие рабочую силу. К тому же в наметках пятилетнего плана развития народного хозяйства восстановление завода и пуск его в эксплуатацию предусматривался к концу пятилетки. Директор Щигровского фосфоритного завода Н.С. Струков просил вышестоящие инстанции все же ускорить восстановление завода, чтобы не замораживать уже освоенные капиталовложения, что могло привести к потере установленного оборудования, а также учитывая острую потребность колхозов и совхозов в удобрениях [7, л. 41–42].

Об этом же просил Государственную комиссию при СНК СССР и Наркомхимпрома М.Г. Первухина и заместитель уполномоченного Госплана СССР по Курской области А. Татарин [2, л. 33–34].

Несмотря на сложившуюся ситуацию в соответствии с приказом Наркомата химпрома от 20 августа 1945 г. за № 313 «О вводе мощностей на электростанциях» Щигровский фосфоритный завод обязывался IV квартале 1945 г. смонтировать дизель-генераторную станцию мощностью 480 квт.

Однако решение этой задачи было, по существу, невыполнимо.

Как 10 сентября 1945 г. информировал директор Щигровского завода Н.С. Струков заместителя наркома химической промышленности Ф.Т. Голованова, копия Главхимпрома М.Ф. Денисову, здание центральной электростанции Щигровского фосфоритного завода после немецкой оккупации не имело перекрытия и кровли на площади 670 кв. метров, оконных переплетов площадью 124 кв. метра, подъемных средств. Не было и проектного материала по восстановлению электростанции.

Для выполнения приказа М.Г. Первухина и немедленного начала работ, отмечал Струков, заводу необходимо получить сметный материал и в первую очередь чертежи фундамента под дизель-генератор, необходимое количество стройматериалов, инструмента, подъемных средств и т. п. [7, л. 25].

И все же, несмотря на многие трудности, с которыми столкнулись рабочие фосфоритного рудника и завода, было сделано немало для их возрождения.

Каковы же итоги восстановительно-строительных работ, выполненных на Щигровском фосфоритном руднике и заводе за период 1944 г. и десять месяцев 1945 г.?

По проекту стоимость всех восстановительных работ на руднике и заводе предусматривалось в размере 20 млн рублей, а на ноябрь 1945 г. выполнено в сумме 2,26 млн рублей. По другим данным из планируемых на 1944–1945 гг. 2 748 тыс. рублей к ноябрю 1945 г. освоено было 2 741 тыс. рублей, или почти 100,0 % к выделенной суммы. В том числе на строительстве при плане 1 500 тыс. рублей освоено 1 325, тыс. рублей, на монтаже – соответственно 450 и 176,1 тыс. рублей.

Произведено разминирование площади завода и прилегающей к нему территории.

По горноспасательным работам перекреплено с поддиркой кровли до нормального сечения 560 погонных метров штолен № 1 и 2 по сплошным завалам; восстановлено 6 вентиляционных шурфов с общей протяженностью 132 погонных метра; расчищены дренажные канавы на поверхности штолен на протяжении 1 378 погонных метров; произведена засыпка провалов и воронок над штольнями в количестве 32 194 кубометров.

Восстановлена 1-я очередь электростанции мощностью 150 квт и пристройка здания ЦЭС с общим объемом 3 350 кубических метров; заготовлены деревянные конструкции для перекрытия здания ЦЭС; отремонтирован и введен в действие локомобиль ЛМ-УШ мощностью 195 л. с. с генератором и распределительным устройством. Произведены устройство и монтаж электросиловой линии на протяжении 2000 погонных метров.

Введена в эксплуатацию водокачка № 3 производительностью 15 кубометров воды в час. Восстановлен ж. д. путь широкой колеи протяженностью 750 погонных метров. Также восстановлены и сданы в эксплуатацию временная механическая мастерская; здание компрессорной, в которой установлен и пущен в работу нефтяной двигатель «Червонный прогресс» мощностью 22 л. с.; смонтированы 3 металлообрабатывающих станка: токарный, сверлильный и точильный. Введены в строй ремонтно-механический цех, временная кузница на одно горно. Была отремонтирована и деревообделочная мастерская.

Многое было сделано и для подсобного хозяйства завода: восстановлены силосные ямы для засолки овощей, временная пекарня, построено овощехранилище на 70 тонн, временное зернохранилище на 30 тонн и т. п.

Были восстановлены 4 жилых дома с общей площадью в 319 кв. метров.

Заготовлено деловой древесины 10 945 кубометров и вывезено на станцию Клюковники 3 691 кубометр [4, л. 31–32; 21–23, 33; 13–15].

И все же, несмотря на значительный объем работ, выполненных коллективами фосфоритного рудника и завода по производству фосфорной муки к концу 1945 г., все же постановление Государственного Комитета Обороны во многом по причинам, не зависящим от них, не было выполнено. Завершение восстановления рудника и завода было отнесено к концу первой послевоенной пятилетке.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-363. Оп. 4. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-363. Оп. 4. Д. 2.
3. ГАКО. Ф. Р-363. Оп. 4. Д. 1; Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее: ГАОПИКО). Ф. П-1. Оп.1. Д. 3684.
4. ГАКО. Ф. Р-363. Оп. 4. Д. 1; Д. 2; ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3226.
5. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3214.
6. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3235.
7. ГАОПИКО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3684.

Н.Г. Кононов

ИЗ ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЩИГРОВСКОГО МЕХАНИЧЕСКОГО ЗАВОДА 1943–1945 гг.

История государственного союзного подчинения Щигровского механического завода бурового оборудования весьма слабо исследована в нашей краеведческой исторической литературе. К столетнему юбилею данного предприятия вышла написанная его коллективом брошюра «Щигровское производственное объединение геологоразведочного оборудования 1885–1985» [5, 28 с.], в которой дан сжатый очерк истории этого предприятия. По существу, этот очерк повторен в статье Ю.Ф. Огнева и А.Н. Струкова в статье «Общая история становления компании ОАО «Геомаш» как одного из первых предприятий разрабатывающего и выпускающего геологоразведочное буровое оборудование в России (Известия КГТУ, 2009. № 4).

В основном эти факты имеются и в статьях Н. Сухомлинова «Щигровскому механическому заводу 75 лет» (Курская правда. 1961. 9 сент.), Л. Лейбельмана «След на земле» (Курская правда. 1961. 6 нояб.), Л. Клеймана «У истоков нашей индустрии» (Курская правда. 1967. 5 авг.) и Н. Савченко «Динамика развития» (Курская правда. 1985. 29 сент.).

Что же касается истории восстановления завода после изгнания фашистских оккупантов с курской земли, то она до сих пор остается не изученной. В данной статье автор попытался устранить этот пробел.

В адресе-календаре Российской империи за 1912 г. издателя А.С. Суворина сказано: «Щигровский чугунно-литейный и механический завод основан в 1885 г. в с. Сныткино Троицкой волости Щигровского уезда». Открыл его разночинец Померанцев Николай Иванович. Работало на заводе 25–30 человек. Они ремонтировали молотилки и др. сельскохозяйственный инвентарь.

В 1892 г., в связи с предстоящей постройкой ж.д. Курск–Воронеж, завод был переведен в Щигры, где стал собственностью предпринимателя Д.В. Бобровского. С этого времени завод начал выпускать более сложную продукцию: маслодельные прессы, приводы к машинам и т. п. В 1896 г. были построены первые кирпичные помещения для механического цеха и деревянные – для кузнечного и литейного.

В 1910 г. завод попадает в руки местного купца Щеглова.

После Великой Октябрьской социалистической революции завод был национализирован и стал общенародной собственностью.

В 1922 г. по указанию В.И. Ленина в Щиграх была организована особая комиссия при Высшем Совете народного хозяйства, сокращенно именовавшаяся «БурКМА». Геологоразведочные работы по поиску руд Курской магнитной аномалии велись под руководством известного ученого-геолога Ивана Михайловича Губкина. Для ее освоения требовалось дешевое отечественное оборудование. И рабочие предприятия, не имея надлежащего оборудования и станков, сделали собственный станок, который оказался лучше шведского станка «Крелиус» и в 3,5 раза дешевле. Героями дня стали кузнецы Прыгаев и Барков, литейщики Смахтин, Бондарев и технорук В.А. Яковлев. С этого времени завод и начал специализироваться на производстве бурового оборудования и стал называться Щигровским механическим заводом.

В 1924 г. заводом была выпущена первая копровая лебедка для ударного бурения. В 1926 г. впервые в СССР по собственной технологии завод начал вырабатывать чугунную буровую дробь. Дорогостоящее алмазное бурение ушло в прошлое. Технорук Владимир Анисимович (брошюре – Онисимович) Яковлев изобрел корончатое сверло, с введением которого рабочий мог сверлить в день до 200 отверстий. До этого с перистого или спирального сверла сверлили в день 6–8 отверстий. В 1927 г. были выпущены первые буровые станки типа «Крелиус» КМА-300 (в источнике Ка-300, К-500). В 1935 г. завод освоил выпуск станков ударного бурения типа УА-75, насосных лебедок типа НГ, названных именем создателя Николая Гамова, насосные лебедки «Бурвод III», «Пионер», насосные цилиндры двойного и одинарного действия – 6 типов, копровые лебедки однотонные и полуторатонные, домкраты бутылочные 10 и 15-тонные, домкраты типа «Эмпайр» грузоподъемностью 50 тонн. Кроме того, в 1938 г. по заданию Наркомата завод успешно и в короткий срок выпустил опытный сложный комбинированный буровой агрегат ударно-вращательного бурения, смон-

тированный на автомашине. Так уже до войны завод приобрел славу предприятия, выпускающего буровое оборудование для геологов страны.

С началом оккупации Курской области гитлеровцами завод в ноябре 1941 г. по решению советского правительства был эвакуирован в г. Оркс Чкаловской (ныне Оренбургской) области. При эвакуации завод полностью вывез станочное и энергетическое оборудование, ценный инструмент, различные приспособления. С оборудованием завода в Орск прибыли 65 рабочих – кузнецы, литейщики, слесари, токари. В течение двух дней в складских помещениях МТС было установлено и налажено оборудование. Завод начал выдавать первую оборонную продукцию, вносить свой вклад в нашу Победу. Там же завод освоил и производил выпуск ручных метанговых насосов, мелкотрубчатых колодцев, насосов БКФ-4 и т. п.

Люди сутками не покидали цеха, валились от усталости с ног. Общая беда заставляла всех работать по 18–20 часов. Именно в это время на заводе под руководством главного конструктора Н.Г. Гамова и инженера М.Ф. Смахтина был создан высокопроизводительный автомат, выпускавший более 6 тыс. деталей в сутки (в сравнении с действующим в то время автоматом «Индекс», выпускавшем всего 350 деталей). В кратчайший срок автомат освоил комсомолец Т. Гололобов, за что Наркомат присвоил ему звание «Отличник-автоматчик». Благодаря этому производство корпусов для боеприпасов было быстро налажено.

Самоотверженно трудились кузнецы Прыгаев, Гончаров, литейщики Золототрубов, Смахтин, токари Андреев, Воробьев, Кряжков и др. Их имена золотыми буквами вписаны в Книгу летописи завода.

Более года спустя после освобождения в феврале 1943 г. города Щигры от фашистских оккупантов, 13 мая 1944 г., завод возвратился в родной город. Сразу же началось его восстановление. Восстановительными работами руководили Русанов Митрофан Васильевич и Владимир Анисимович Яковлев. Одновременно завод налаживал выпуск мирной продукции [5, с. 3–6; 1, л. 172, 243].

В соответствии с приказом Комитета по делам геологии при СНК СССР от 24 апреля 1944 г. № 286 устанавливалась очередность восстановления цехов и введение завода в эксплуатацию.

Первая очередь предусматривала: восстановление к 1 июля 1944 г. ремонтного цеха в сохранившемся здании кузницы, введение в строй к 1 августа 1944 г. первой очереди временной силовой станции, временной насосной станции, первой очереди водопровода к 1 сентября этого же года. Предполагалось также ввести в эксплуатацию литейный, включая вагранку, и дробильный цеха к 1 октября, первую очередь кузнечного цеха на два горна, комнаты и здания заводоуправления, деревообделочный цех и т. п.

Во вторую очередь планировалось ввести в строй к 1 ноября 1944 г. вторую очередь кузнечного цеха с вводом в действие фрикционного молота и нагревательной печи, первую очередь механического цеха с установлением металлорежущих станов к 15 ноября, вторую очередь силовой станции с доведе-

нием мощности до 135 л. с. к 1 декабря 1944 г., 4 жилых дома, произвести ограждение территории завода.

Третья очередь предусматривала завершить восстановление завода с доведением его годовой выработки в 2,5 млн рублей.

Уже в III и в IV кварталах 1944 г. предписывалось изготовить 900 штук геологических молотков, 30 тонн буровой дроби, 15 тонн литья для запчастей к нефтедвигателям и т. д. [1, л. 312–313, 315–316].

К началу восстановительных работ за заводом числилось 26 станков: 16 токарных, 1 фрезерный, 1 зуборезный, 2 сверлильных, 1 продольно-строгальный, 2 поперечно-строгальных, 1 круглошлифовальный, 2 заточных, молот «Беше» и др. 10 единиц оборудования, 4 человека ИТР, в т. ч. главный инженер, главный технолог, начальник ОТК, мастер механического цеха и 7 кавлифицированных рабочих еще находились в Орске. Директор завода просил возбудить ходатайство перед правительством о возвращении этих специалистов на родное предприятие [1, л. 174].

14 мая приступили к разгрузке оборудования, материалов и их доставке на предприятие. 15 мая начали расчистку площади завода от мусора и подготовку к восстановительным работам. Они производились силами рабочих, прибывших по реэвакуации из Орска в количестве 13 (по другим источникам 12) человек, в т. ч. 8 рабочих и 5 человек ИТР и служащих. Одновременно было привезено электросиловое оборудование в составе нефтедвигателя «Силач» мощностью 45 л. с., 2-х генераторов 3-х фазного тока по 25 квт, 34 электромотора, часть необходимых на первое время металла, инструмента и прочее в количестве 4 вагонов.

К моменту приезда рабочих в Щигры завод представлял собой полуразрушенные стены цеховых корпусов, значительная часть зданий была совершенно уничтожена.

Для успешного проведения восстановительных работ пришлось набирать рабочую силу. В течение первой недели было принято 85 человек, из них 70 были подростками. Все они были прикреплены к квалифицированным рабочим и распределены по бригадам. Созданы бригады каменщиков, штукатуров, столяров, плотников, электромонтёров, литейщиков, слесарей, кровельщиков, бригада по выработки кровельной щепы. На 1 января 1945 г. на предприятии уже работало 136 рабочих, ИТР и служащих.

Этими силами завод развернул восстановительные работы и к 1 декабря 1944 г. первая очередь восстановительных работ в основном была закончена.

Из выделенных заводу материальных средств был получен только один вагон леса-кругляка. Поэтому заводчане вынуждены были сами заниматься заготовкой строительного материала во Льговском районе. Для распиловки кругляка смонтировали трофейную лесопильную раму, которая обслуживала нужды не только завода, но и города. Для кровли крыш организовали производство кровельной щепы [1, л. 53, 64–65, 182].

Особой вехой в восстановлении завода стал досрочный пуск в июне 1944 г. вагранки. 20 июня 1944 г. Председатель Государственного Комитета

Обороны И.В. Сталин поздравил рабочих, ИТР, служащих и руководство завода с одержанной победой и выразил уверенность, что в недалёком будущем в цехах механического завода начнётся выпуск его основной мирной продукции – геологоразведочного оборудования.

В ответ на поздравление И. Сталина, коллектив предприятия в своей телеграмме от 21 июня 1944 г. обещал ему приложить все силы и знания для восстановления всех объектов завода в максимально короткие сроки и тем самым ускорить выпуск новейшего оборудования геологоразведочным партиям [1, л. 309].

Благодаря трудовому энтузиазму коллектива за IV квартал 1944 г. литейный цех провел 9 плавок чугуна, в процессе которых выдал 5 126 кг чугунного литья в основном для капитального строительства и для самого цеха. Одновременно завод выпускал и другую продукцию. Только в сентябре 1944 г. выпущено 40 запальников, 62 корпуса к насосам, 38 запальных шаров. Все это изготовлялось за счет чугуна, привезенного из Орска. Но вскоре он закончился.

И, тем не менее, на 1 декабря 1944 г. на восстановительных работах было освоено 465,7 тыс. рублей при годовом плане освоения 485 тыс. рублей, в т. ч. на строительных работах при плане в 215 тыс. рублей освоено 223,3 тыс. рублей, на монтаже оборудования – соответственно 50 тыс. и 17,7 тыс. рублей.

Как информировал директор завода М.В. Русанов председателя облисполкома В.В. Волчкова, к декабрю 1944 г. завод в основном восстановлен и приступил к выполнению государственного задания.

В 1945 г. по плану Комитета по геологии завод предстояло значительно расширить путем постройки нового крупного механического цеха и ряда вспомогательных зданий. Общий объём работ на эти цели предусматривался в сумме 1400 тыс. рублей.

Для успешного восстановления завода необходимо было вернуть его территории, занятые ещё в 1943 г. Щигровской машинно-тракторной мастерской (МТМ). Несмотря на неоднократные просьбы директора мехзавода освободить эти территории, вплоть до конца 1944 г. МТМ продолжала занимать здания кузницы и литейного цеха [1, л. 58, 61–63, 186, 311, 318].

На 1 января 1945 г. завод добился следующих результатов по восстановительным работам. В литейном цехе восстановлена вагранка с укладкой футуровки, установлен вентилятор, подведен воздухопровод, подшит потолок, оборудовано сушильное отделение, застеклены рамы. 13 июня 1944 г., т. е. на полтора месяца раньше установленного срока, цех дал первую отливку и вступил в эксплуатацию.

Первая очередь кузнечного цеха вступила в строй 20 июня 1944 г. К 1 ноября цех полностью отремонтирован и утеплен.

В силовой станции смонтирован первый двигатель, генератор и распределительный щит. Станция введена в строй 10 июня 1944 г. Полностью же восстановлено здание силовой станции к 7 ноября. Второй дизель мощностью в 50 л. с. с генератором смонтирован к 1 января 1945 г.

К 5 ноября 1944 г. полностью восстановлено здание под механический цех. Остальное оборудование планировалось восстановить в I квартале 1945. В действительности же оно было восстановлено в октябре–декабре 1944 г.

К 4 октября 1944 г. полностью восстановлен столярный цех на 6 верстаков и с циркулярной пилой.

В июне–декабре вступили в эксплуатацию насосная станция и водопроводная сеть протяженностью 900 метров с 6 разборными колонками, электросеть протяженность 2 км, здание конторы, капитально отремонтированы 4 жилых дома, построено котельное помещение, введено в строй паровое отопление механического цеха, проведено полное ограждение территории завода и т.п.

Всего по плану в 1944 г. завод должен был освоить 1 285 тыс. рублей капиталовложений, фактически же освоено 1 560 тыс. рублей, или 146,0 % к плану, в т. ч. по строительно-монтажным работам освоено 269 тыс. рублей, или 102,0 % к плану, по прочим видам работ и приобретению оборудования израсходовано 1 290 тыс. рублей, или 125,6 % к плановому заданию [1, л. 64–66].

За успешное восстановление завода первой очереди приказом Комитета по делам геологии при СНК СССР от 17 июля была объявлена благодарность директору завода М.В. Русанову, главному инженеру Н.Г. Гамову, главному механику П.П. Смахтину и др. (в списке значится 40 человек). Они были также премированы костюмами, ботинками, часами и т. п. [1, л. 320].

На 1945 г. по сметной стоимости на восстановительные работы заводу планировалось выделить 1 393 тыс. рублей, в т. ч. на строительные работы 343 тыс. рублей, на оборудование – 1 050 тыс. рублей [1, л. 121, 124].

В первом полугодии 1945 г. завод имел следующие производственные мощности.

1. Литейный цех с формовочным залом 170 кв. метров, сушильным отделением и вагранкой производительностью 1 тонны в час. Плавка чугуна производилась в мае через два дня на третий, а с мая – через день.

2. Кузнечный цех с одним двойным горном и фрикционным молотом. В конце июня смонтировано второе двойное горно.

3. Механический цех со станочным парком: токарных станков 10, револьверных – 1, фрезерных – 1, шлифовальных – 2, зуборезных – 1, заточных – 1, а всего 16 станков.

4. Деревообделочный цех на 6 верстаков, лесопильной рамой и механической циркулярной пилой.

5. Силовая станция с мощностью двух силовых машин в 90 л. с. Мощность двух генераторов составляла 50 квт.

Механический цех и силовая станция со второй половины февраля работали в две смены, а остальные цеха – в одну смену.

Завод выпускал запчасти к станку КАМ-300, КА-500, к насосу 75/25, к двигателю в 22 л. с., различные части бурового инструмента, а также для тракторов и др. сельхозмашин [4, л. 91, 9].

В силу ряда причин в 1945 г. коллектив завода не смог выполнить установленные задания. Об этом свидетельствует таблица № 1.

Таблица № 1.

Итоги работы завода в 1945 г. (в тыс. рублей и в %%) [1, л. 26].

	Единица измерения	По плану	Фактич.	В %% к плану
Валовая продукции в неизм. ценах 1926/27 г.	Тыс. руб.	1083,5	794,1	73,3
Товарный выпуск	-	1048,5	676,3	64,5
в т.ч.				
По заказам Комитета геологии	-	932,5	523,8	56,2
По заказам местной пром. и с/х-ва	-	151,0	271,0	178,0
По заказам обкома ВКП(б)	-	63,5	63,7	100,3
Запчасти к тракторам	-	50,0	48,6	97,2

Причинами невыполнения плана были следующие.

Силовая станция завода на протяжении 10 месяцев располагала совершенно недостаточной силовой мощностью. В результате завод был обеспечен электрической энергией всего на 25,0 %. Отсюда, как следствие, большие простои оборудования.

Большинство запчастей завод осваивал впервые в условиях резкого недостатка квалифицированной рабочей силы.

В первом полугодии станочный парк механического цеха был некомплектным. Отсутствовали сверлильный, строгальный и зуборезный станки, что привело к большому росту незавершённого производства.

На протяжении всего года завод испытывал острую нужду в металле и инструментах. Отсутствие проекта не позволило заводу организовать выпуск запчастей к станку КАМ-300 и бурового инструмента. Завод испытывал острую нужду в коксе, угле, литейном чугуне, сортовом прокате.

Кузнечный цех при наличии 1 кузнеца и 1 учащегося-подростка при отсутствии молота «Беше» и нагревательной печи не справлялся с поставленными перед заданиями.

Предприятию не хватало производственных квалифицированных рабочих. Среднегодовая укомплектованность завода производственной рабочей силой составляла 85,0 % к плану. При этом значительная часть рабочих имела низкую квалификацию. Как правило, это были подростки, прошедшие обучение на заводе или в школах ФЗО. К тому же на заводе наблюдалась большая текучесть рабочей силы: за 1945 г. убыло 46 рабочих, вновь поступило 108.

Что касалось выполнения заданий Курского обкома партии и облисполкома в части изготовления запчастей к тракторам и сельхозмашинам, то тут заказчик представлял чертежи деталей поздно, иногда в конце квартала и тем самым срывал выполнение квартального задания [2, л. 28–30].

Несмотря на невыполнения плановых заданий в целом по заводу, многие рабочие, и в первую очередь работавшие на сдельщине, не только выполняли, но перевыполняли установленный план. Росла и производительность труда, хотя и оставалась ниже плановой (см. таблицу № 2)

Таблица № 2.

Среднегодовая производительность труда (выработка в рублях)
в расчете на 1 работника [1, л. 30 (об.), 39].

	За 1944 г	План 1945 г.	Фактич 1945 г.	В %% к 1944 г.
Рабочего	7692	10621	8359	108,6
в.т.ч. производительного	10000	15934	13622	136,2

За добросовестный труд ряд рабочих был переведён с повышением на другую работу. Так, токарь Захаров стал сменным мастером механического цеха, литейщик Бондарев – мастером литейного цеха, кузнец Сергеев – мастером кузнечного цеха.

Среднегодовая зарплата производственных рабочих в 1945 г. составляла 3 460 рублей при плане 4 015 рублей, или 84,6 % к плану и 127,1 % к 1944 г.

Завод занимался подготовкой своих кадров методом индивидуально-бригадного ученичества, а также путем проведения краткосрочных курсов. При плане подготовки 45 человек подготовлен 51, в т. ч. станочников 30, электромонтёров 2, машинистов 2, формовщиков-литейщиков 7 и т. д.

На заводе были созданы определённые жилищно-бытовые условия. Работала столовая с двухразовым питание, большинство руководящих работников предприятия получали помимо рабочих карточек дополнительную карточку, лит. Б или СП. Завод обеспечивал ремонт квартир, подвоз топлива для их отопления. Не имевшие квартир получали или комнаты в общежитии, или в арендуемых заводом домах. На 01.01.1945 г. в общежитии проживало 52 человека. В собственности завода находилось 4 жилых дома, в которых проживало 63 человека [2, л. 31–33].

Из транспортных средств завод располагал 5 грузовыми и одной легковой машинами, одним трактором и 2 рабочими лошадьми.

В сентябре 1945 г. слесарное отделение механического цеха выделено в самостоятельный слесарно-сборочный цех.

В течение 1945 г. на заводе проводилось социалистическое соревнование между цехами, отдельными рабочими и ИТР за лучшее выполнение производственного план. На 01.01.1946 г. соцсоревнованием в честь предстоящих выборов в Верховный Совет СССР был охвачен 121 человек, что составляло 100,0 % к общему числу производственных рабочих и ИТР. К этому времени на заводе имелось 29 стахановцев, выполнивших норму от 120,0 до 200,0 % и выше, ударников – 7 человек. Токарь Андреев в декабре 1945 г. выполнил свой план на 194,0 %, токарь Овчинников – на 207,0 %, токарь Орифанов – на 248,0 %, литейщик Бондарев – на 248,0 % и т.д. [2, л. 35–36, 40].

Об итогах работы завода за 1944–1946 г. свидетельствует таблица № 3.

Таблица № 3.

Валовой выпуск продукции завода за 1944–1946 гг.
(в тыс. рублей и в %%) [3, л. 257].

Годы	План	Факт.	% к плану	В %% к 1940 г
1944	167,0	100,4	60,2	4,4
1945	1084,0	794,0	73,3	34,8
1946	2105,0	2993,0	142,1	131,8

Итак, Щигровский механический завод к началу Великой Отечественной войны был крупным производителем бурового оборудования в стране. Он вы-

пускал самое современное буровое оборудование по тому времени. С началом оккупации Курской области гитлеровцами значительную часть оборудования предприятия удалось эвакуировать в тыл страны, где рабочие завода, не призванные в Красную Армию, продолжали работать на оборону, внося свой вклад в нашу Победу.

Вернувшись в 1944 г. в родной город, заводчане приступили к возрождению своего предприятия. За короткое время первая очередь завода была в основном восстановлена. Кстати, в этом году завод работали на своём сырье, привезённом из тыла. Однако в 1945 г. темпы восстановления предприятия были замедленны из-за отсутствия квалифицированной рабочей силы, сырья, электроэнергии и по др. причинам. К концу 1945 г. валовая продукция завода составила 34,8 % к 1940 г. Но, тем не менее, темпы развития предприятия были более высокими по сравнению с 1944 г. В этом был залог того, что при благоприятных условиях заводчане в кратчайшие сроки не только восстановят довоенные показатели, но и превысят их. И в 1946 г. они почти на треть превысили показатели довоенного времени.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 11.
2. ГАКО Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 16.
3. ГАКО Ф. Р-161. Оп. 2. Д. 19.
4. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 3684.
5. Щигровское производственное объединение геологоразведочного оборудования 1885–1985. Щигры: Щигровская типография, Упрполиграфиздат Курского облисполкома, 1985.

И.П. Масленников

ДЕЙСТВИЯ АДМИНИСТРАЦИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ЮГЕ РОССИИ ПО БОРЬБЕ С «ЗАРАЗНЫМИ БОЛЕЗНЯМИ» НА ТЕРРИТОРИИ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Тиф и холера стали самыми смертельными заболеваниями периода Гражданской войны, лишая жизни представителей всех противоборствующих сторон, создавая тем самым многократные т.н. «небоевые потери». Главным образом от эпидемий умирали сторонники двух главных антагонистических лагерей – белые и красные. В результате, непримиримые противники неизбежно вынуждены были бороться с заболеваниями подобного рода. В данном исследовании мы ставим цель показать, как происходила борьба, главным образом, с ти-

фом и холерой, на территории Курской Губернии, подконтрольной с июня 1919 г. одной сторон – Белому движению, осуществлявшейся как гражданской, так и военной властью.

Основой для написания работы послужили материалы из фонда Р-1010 «Учреждения периода оккупации Курской губернии немецко-гайдамацкими войсками и армией Деникина».

Согласно информации, содержащейся в указанном выше фонде, 1 августа 1919 г. было опубликовано «Обязательное постановление Курского губернатора, изданное в целях предупреждения и борьбы с заразными болезнями на основании ст. 63 п. 1. Временного положения о гражданском управлении в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России» [3, л. 31]. Документ содержал 17 пунктов, в каждом из которых на конкретном примере прописывалось, какие санитарно-эпидемиологические нормы следует соблюдать, чтобы не возник очаг как тифа, так и холеры.

Например, в постановлении говорилось, что здания, пригодные для жилья, улицы, площади и дворы должны содержаться в чистоте, а все нечистоты и мусор должны вывозиться только в специально отведенные для этого места [3, л. 31]. То же постановление категорически запрещало загрязнять водоемы и колодцы общественного пользования. Последние должны были быть тщательно очищены, а также ограждены перилами от хозяйственного скота, водопой которого следовало произвести за оградой из особых колод. Как только какой–либо общественный колодец оказывался зараженным или возникало на то малейшее подозрение, согласно постановлению, он подлежал немедленному закрытию [3, л. 31].

Особенно важным в деле борьбе с так называемыми «заразными болезнями», на наш взгляд, является 4-й пункт постановления, запрещающий «в реках, прудах и ручьях мытье белья из домов, где имеются заразные заболевания» [3, л. 31]. Одна из причин заражения какой-либо из вышеназванных эпидемий была некачественная вода, поэтому в постановлении предписывалось покрасить в разные, установленные городским управами цвета бочки водовозов для питьевой и непитьевой воды [3, л. 31].

Примерно в таком же контексте было оговорено в постановлении и о еде, в частности, запрещалась продажа испорченных съестных припасов [3, л. 31]. Ввиду опасности распространения болезни, о каждом лице, которое заболело холерой или другой «заразной болезнью», хозяин помещения, где это лицо находится, обязан был немедленно сообщать санитарному врачу и даже служащим Государственной стражи. Если подобный случай происходил в деревне, то хозяин дома сообщал о заражении сельским властям [3, л. 31].

Для борьбы с эпидемиями при «заразных» больницах и бараках в обязательном порядке декретировалось устроить особые экипажи с целью перевозки больных, причем, если зараженный был доставлен на частном экипаже, то лечебному учреждению, куда привозили пациента, предписывалось продезинфицировать транспортное средство [3, л. 31]. Кроме того, в постановлении было

указано следующее: помещение, где находился больной, а также его вещи подлежали дезинфекции, и что самое характерное, непродезинфицированные вещи заразного больного запрещалось как покупать, так и раздавать [3, л. 31].

Возвращаясь к вопросу о сохранности еды, укажем, что для упреждения возникновения тифа и холеры, равно как и другой болезни, постановлением Курского губернатора А.С. Римского-Корсакова в пекарнях, булочных, колбасных, квасных и иных местах приготовления «съестных припасов» воспрещалось спать, помещать постельное белье и одежду рабочих [3, л. 31].

Не обошла вниманием Курского губернатора и проблема безалкогольных сильногазированных веществ, в т. ч. кваса. Его изготовление должно было производиться на кипяченой воде. Этой же водой необходимо было ополаскивать посуду для хранения и употребления газированных напитков [3, л. 31]. Остановившись на основных положениях данного постановления, укажем теперь, какое наказание следовало за нарушение этого нормативно-правового акта: виновные либо подвергались тюремному заключению на срок до 6 месяцев, либо денежному взысканию до 20 тыс. рублей [3, л. 31].

Выборка архивных материалов позволила нам найти циркуляр исполняющего делами губернатора А.С. Римского-Корсакова от 30 сентября 1919 г. с характерным названием «О мерах борьбы с заразными болезнями» [1, л. 2]. Курский губернатор в своем циркуляре, препровождая рассмотренное нами выше «обязательное постановление», изданное в целях предупреждения и борьбы с «заразными болезнями» предлагал организовать и открыть уездно-санитарно-исполнительные комиссии под руководством председателей земских управ в следующем составе: председатель от начальника уезда, местный (в оригинале «податный». – *И.М.*) инспектор, уездный и городовой врачи, представители Русской православной церкви, уездная земская управа в полном составе, а также все земские врачи, но только в том случае, если они находились на месте заседания комиссии [1, л. 2]. А.С. Римский–Корсаков дополнительно предлагал включить в комиссии других лиц, участие которых председатели комиссии сочтут нужным, однако Курский губернатор, оговаривался при этом, что данные представители будут иметь лишь право совещательного голоса [1, л. 2]. В том же циркуляре А.С. Римский-Корсаков обращал внимание на то, что в городах, где население превышает 20 тыс. чел. следует образовать городские санитарно-исполнительные комиссии под председательством городского головы «в составе выше вышеупомянутых членов с городскою управою в полном составе и с представителями от земства в лице председателя земской управы» [1, л. 2].

На первом заседании вышеобозначенных комиссий А.С. Римский-Корсаков предлагал обсудить план борьбы с сыпным тифом и эпидемией холеры. Кроме того, А.С. Римский-Корсаков указал в своем циркуляре, что за прошедшую зиму сыпной тиф распространился во многих уездах Курской губернии, и предложил принять неотложные меры против распространения эпидемии сыпного и возвратного тифа, обследовав через врачей очаги наличия болезни, о чем впоследствии земская управа должна была представить врачебно-

санитарному отделу губернского управления подробный отчет с указанием статистических данных с количеством больных и умерших [1, л. 2–2 об.].

Тем не менее, не следует полагать, что А.С. Римский-Корсаков только приказывал и предлагал сделать что–либо в контексте борьбы с эпидемиями. При анализе указанного циркуляра мы обнаруживаем тенденцию А.С. Римского-Корсакова к оказанию помощи земствам, а именно в рассматриваемом циркуляре есть отдельное место, где А.С. Римский-Корсаков акцентирует внимание на том, что есть возможность передать земским управам из Врачебно-санитарного отдела губернского управления небольшое, но все-таки определенное количество дезинфекционных средств, таких как: сулемы, очищенная и неочищенная карболовая кислота, марганце-кислый калий и сера [1, л. 2 об.].

Как мы можем проследить, высшая власть Вооруженных сил на юге России, несмотря на продолжающиеся активные боевые действия, в тот момент носившие решающий характер, имела и время, и возможности для осуществления, пусть даже декларативно-приказных действий на почве борьбы с тифом и холерой.

Но борьба с вышеотмеченными эпидемиями велась не только посредством издания Курским губернатором циркуляров и постановлений. Для просвещения населения в области борьбы с эпидемическими заболеваниями в начале октября 1919 г. по распоряжению врачебно-санитарного отдела Курского губернского управления был напечатан листок, называвшийся «Краткое постановление по борьбе с сыпным и возвратным тифом» [3, л. 36], В данном документе содержался целый комплекс советов, как бороться с тифом. В первую очередь, составители «краткого наставления» писали о том, что нужно особенно тщательно осматривать постельное белье больных тифом, и если в результате осмотра произойдет обнаружение вшей или клопов, то белье следует немедленно заменить, а насекомых уничтожить [3, л. 36].

В этом же документе наличествовал целый ряд способов по уничтожению зловредных насекомых, а равно указанных нами выше вшей и клопов. Последних, например, можно было ликвидировать ошпариванием кипятком или смазыванием предметов быта различными веществами, где водились клопы: керосином со скипидаром, жидкостью некоего доктора Малинина и карболовой кислотой [3, л. 36]. Еще одним вариантом ликвидации как вшей, так и клопов было использование сернистого газа, образующегося при сжигании серы, но практическую реализацию такого способа, как было отмечено в «кратком наставлении», рекомендовалось применять под руководством фельдшера [3, л. 36].

Особое внимание отводилось вопросам личной гигиены. Неизвестные авторы-составители рекомендовали чаще мыть тело, менять белье и следить за чистотой жилища [3, л. 36]. Если же все-таки человек оказывался заражен тифом, его следовало положить в больницу. Одновременно допускалось лечение больного на дому, однако предусматривалось его нахождение в отдельной комнате при полном отсутствии общения с остальными здоровыми членами семьи

[2, л. 36]. Вполне очевидно, что такая мера предосторожности была направлена на то, чтобы больной не заразил окружающих лиц.

Крайне важно отметить, что во исполнение циркуляра исполняющего делами губернатора А.С. Римского-Корсакова от 30 сентября 1919 г. председатель Курской уездной земской управы назначил на 9 октября 1919 г. в 14.00 заседание Курской уездной санитарно–исполнительной комиссии «для обсуждения плана борьбы с остро-заразными болезнями в Курском уезде, главным образом с сыпным и возвратным тифом» [4, л. 12]. Заседание должно было состояться в г. Курске на улице Верхне-Гостинной в доме № 1 [4, л. 12].

В условиях Гражданской войны и без того сложная социально-экономическая ситуация значительно ухудшилась, что в первую очередь сказалось на положении наиболее уязвимых сторон человеческого бытия, в том числе качестве питания, медицинском обслуживании, лекарственном обеспечении и т. п. Ужасная антисанитария в населённых пунктах и на транспорте создавали все условия для роста эпидемических заболеваний, неизбежно затрагивающих вооруженные силы всех противоборствующих сторон. Небоевые (в том числе – санитарные потери) составляли среди военных значительную долю общих потерь, а среди гражданского населения были преобладающими. Военному командованию белых приходилось обращаться (с разной степенью конечного успеха) к несвойственным для них вопросам борьбы с эпидемическими («заразными») заболеваниями, о чем и свидетельствует приведённый выше документ.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 56.
2. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 115.
3. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 155.
4. ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 157

И.В. Навоева

ОРГАНЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ И СТРОЙОТРЯДОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ: ПОИСКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (СЕРЕДИНА 1960-х - СЕРЕДИНА 1970-х ГОДОВ)

Масштабность планов социально-экономического развития страны при наличии дефицита трудовых ресурсов в строительстве, желание и готовность молодежи участвовать в созидательном процессе формирования нового общества, существенные для них материальные стимулы являлись основными фак-

торами, способствующими зарождению массового движения студенческих строительных отрядов (ССО) в середине 1960-х гг. Общим для этого движения стали такие определения, как динамизм и инициативность, способствовавшие росту числа социально-экономических объектов, в строительстве которых принимала участие студенческая молодежь.

Использование студенческих отрядов в строительстве нашло массовое применение в Курской области в середине 1960-х гг. при строительстве упрощенного варианта типовых домов культуры – бригадных кинотеатров-клубов «Спутник».

26 октября 1963 г. газета «Курская правда» в статье «Пусть будет больше “Спутников”» рассказала о строительстве кинотеатра-клуба в с. Верхняя Медведица, центральной усадьбе колхоза «Путь Ленина» [7, 26 окт.]. В связи с публикацией возникла идея создания бригадных клубов и в других населенных пунктах. Инициатива была обсуждена и поддержана на пленуме Курского обкома КПСС, сформировавшего штаб культурно-бытового строительства в селах области. Клуб, являвшийся филиалом городского или районного Дома культуры, получил название «Спутник», ведь вся страна в те годы «болела» космосом. Был разработан типовой проект клуба «Спутник», который предусматривал просторное фойе, киноустановку, зрительный зал до 150 мест со сценой, помещение для библиотеки.

Партийное руководство Курской области поставило перед обкомом ВЛКСМ задачу привлечь молодежь региона к строительству клубов «Спутник», а в марте 1966 г. вузовские комитеты комсомола получили разнарядки по созданию студенческих строительных бригад. За одно лето 1966 г. 700 курских студентов построили 32 «Спутника» в различных районах области [9, с. 156].

Положительный опыт Курской области, ведущей большую стройку, был отмечен и на сессии Верховного Совета РСФСР 1966 г., хотя в целом по стране состояние и достигнутый уровень культурно-бытового обслуживания сельских тружеников были оценены как явно недостаточные.

В 1967 г. студенческие стройотряды использовались и на строительстве других объектов хозяйственного и культурного назначения. В 1968 г. ССО сосредоточили свои усилия на выполнении постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 27 мая 1967 г. № 483 «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов», которым работа студенческих отрядов в период каникул рассматривалась как одно из эффективных средств трудового воспитания молодых специалистов. Постановление урегулировало такие важные для студенческих строительных отрядов вопросы как медицинское обслуживание студентов, первоочередное обеспечение студенческих строек материалами и механизмами, строгое соблюдение правил и норм охраны труда [8, с. 272–273].

Отряды в этот год выросли количественно и качественно. Тысячный отряд курских студентов работал на строительстве специализированных хозяйств, школ, больниц и других культурно-бытовых объектов. В 1968 г. студенческими строительными отрядами в области было освоено 456 тыс. руб.

Параллельно со становлением массового стройотрядовского движения шел процесс нормативно-правового обеспечения ССО. 3 ноября 1969 г. ЦК ВЛКСМ утвердило «Положение о студенческом строительном отряде» и «Положение об областных, краевых, республиканских штабах» [6, л. 125–133].

Но до 1969 г. работа ССО в Курской области не координировалась органами исполнительной власти: договора на строительные работы заключались отрядами напрямую с хозяйствующими субъектами, общего планы работ в «третьем трудовом семестре» не разрабатывалось. Вместе с тем в 1969 г. исполком Курского областного Совета депутатов трудящихся констатировал, что «участие студентов вузов и техникумов области в строительных работах в период летних каникул превратилось в массовое движение» [2, л. 52]. Это означало настоятельную необходимость включения ССО в решение более широких задач, стоявших перед областью.

31 января 1969 г. было принято совместное постановление бюро Курского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся «О плане капитального строительства в колхозах и совхозах области на 1969 г.». В нём отмечалось, что в предшествующем году было освоено 50,1 млн руб. капитальных вложений, что позволило ввести в эксплуатацию 1 092 объекта производственного, жилищного и культурно-бытового назначения [1, л. 44].

Однако, отмечалось в постановлении, в целом план ввода в эксплуатацию отдельных объектов специализированных ферм не был выполнен. Причин на то было достаточно много: несвоевременное обеспечение строек материальными и техническими ресурсами, неудовлетворительное использование механизмов, нарушение сроков поставок, монтажа и наладки оборудования, нехватка рабочих рук и распыление людских ресурсов по многим объектам. Последняя позиция ставила вопрос о дополнительном привлечении рабочих в строительство.

Одной из мер по решению кадрового вопроса стало поручение Курскому обкому комсомола «взять шефство над строительством специализированных ферм, направив на них в период летних каникул лучшие студенческие строительные бригады» [1, л. 31]. С этой целью в состав оперативной группы для организации контроля и руководства строительством птицефабрик и свиноферм при обкоме КПСС и облисполкоме (руководитель – И.А. Сечков, второй секретарь обкома КПСС; заместители: А.Ф. Гудков, секретарь обкома КПСС и Ф.И. Будянский, зам. председателя облисполкома) был включен А.А. Даньшин, секретарь обкома ВЛКСМ [1, л. 32].

Учитывая, что широкое участие студентов в строительных и других летних работах имеет важное народнохозяйственное значение, а также в целях улучшения организации, руководства и повышения эффективности летних работ студентов, исполком Курского областного Советов депутатов трудящихся принял решение от 27 июня 1969 г. № 370 «Об организации работ студенческих отрядов на сельских стройках в период летних каникул 1969 года» [2, л. 52–54].

Приоритетным направлением в производственной работе строительных студенческих отрядов в летний период 1969 г. было определено строительство на селе. Усилие отрядов сосредотачивалось на сооружении школьных объектов

в рамках двухлетней программы «Комсомол – сельской школе» и на строительстве специализированных птицефабрик и свиноферм в колхозах.

Юридической базой взаимоотношений ССО и хозяйствующих субъектов определялись хоздоговора, регламентирующие обязательства двух сторон. Оплата труда студентов, стоимость их проезда к месту работы и обратно, выплата суточных производилась в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 20 ноября 1963 г. № 2344. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 26 мая 1967 г. № 483 строительные и другие организации, для которых студенческие строительные отряды производили работы, обязывались отчислять на текущий счет обкома ВЛКСМ средства, необходимые для организации работы отрядов, в размере до 1 % сметной стоимости работ, выполняемых отрядами. Указанные средства производились за счет накладных расходов строительных организаций.

Руководители предприятий и организаций, в распоряжение которых направлялись в установленном порядке студенты вузов и учащиеся сузов для выполнения строительных и сельскохозяйственных работ, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 26 сентября 1968 г. № 2012, могли применять для оплаты труда студентов и учащихся пониженные нормы выработки, но не более, чем на 20 %. Расходы, связанные с применением пониженных норм выработки для студентов и учащихся, производились в пределах фондов заработной платы соответствующих предприятий и организаций [2, л. 54].

Производственная деятельность студенческого строительного отряда осуществлялась на основе типового договора, утвержденного президиумом ВЦСПС 23 сентября 1967 г., заключаемого отрядом с хозяйственной или строительной организацией и утверждаемого областным (краевым, республиканским) штабом студенческих строительных отрядов и соответствующим органом хозяйственной или строительной организации [6, л. 127]. Выбор объектов или видов работ при заключении хозяйственных договоров производился с учетом важности стройки и возможностей выполнения планируемых работ силами студентов, вплоть до ввода конкретного объекта в эксплуатацию.

Основными строительными и иными организациями, привлекавшими к строительным работам в 1969 г. студенческие строительные отряды, являлись Облмежколхозстрой, трест «Курсксовхозстрой», СМУ-105 «Связьстрой», СМУ облпотребсоюза и областное управление сельского хозяйства. В их задачу входила подготовка необходимого фронта работ, организация бесперебойного снабжения строек строительными материалами, механизмами, транспортными средствами, инструментом, бытовым инвентарем и спецодеждой по действующим нормам, а также создать условия для безопасной работы студенческих строительных отрядов.

Райисполкомам, районным управлениям сельского хозяйства, строительным организациям, руководителям хозяйств вменялось в обязанность оказывать на местах студенческим стройотрядам всестороннюю помощь для обеспечения высокой эффективности их труда.

Вопросами обеспечения медицинского обслуживания студентов занимался областной отдел здравоохранения, выделявший необходимые медикаменты, медико-санитарное оборудование и инструменты. В условиях нехватки квалифицированных медицинских специалистов в сельской местности было принято решение привлекать для этих целей студентов-выпускников, ординаторов и аспирантов Курского медицинского института.

Студенческие строительные отряды планировалось сформировать в Курском педагогическом институте (6 отрядов численностью 173 чел.), Курском политехническом институте (9 отрядов численностью 194 чел.), Курском медицинском институте (14 отрядов численностью 280 чел.), Курском сельскохозяйственном институте (5 отрядов численностью 100 чел.), Курском электромеханическом техникуме (2 отряда численностью 65 чел.), Курском монтажном техникуме (5 отрядов численностью 170 чел.), Рыльском сельскохозяйственном техникуме (отряд численностью 60 чел.), Хомутовском сельскохозяйственном техникуме (отряд численностью 60 чел.). Кроме того формировался объединенный отряд «Дружба» (12 чел.), состоявший из студентов медицинского и политехнического институтов.

Таким образом к летнему сезону формировалось 44 студенческих строительных отряда в составе 1 140 бойцов. Они должны были освоить 805 тыс. руб. на строительстве 46 объектов: школ (9), птицефабрик (9), свинарников (7), клубов «Спутник» (3), больниц (3), телефонных линий (3), гаражей (2), детских яслей (2), радиолиний (2), а также теплиц, аптек, автобаз, спортзалов, зерноочистительных пунктов, учебных корпусов – все по 1 [2, л. 55–59].

В 1971 г. студенческие строительные отряды работали уже на 62 стройках, в том числе на 30 специализированных животноводческих и птицеводческих комплексах. За летний период был выполнен объем работ на сумму 2 млн руб., что на 1 млн 195 тыс. руб. превышало показатели 1969 г. и на 900 тыс. руб. – 1970 г. [3, л. 37].

Вместе с тем, на ряде строек студенческие строительные отряды использовались не в полной мере. Руководители отдельных строительных организаций, колхозов и совхозов не представляли своевременно отрядам фронта работ, не обеспечивали их материально-техническими ресурсами, не создавали нормальных условий труда и быта. Особенно неблагополучно обстояли дела в отрядах, работавших на объектах передвижных механизированных колонн № 19, 530, 531, 704 треста «Курсксовхозстрой», Октябрьского и Железногорского раймежколхозстроев.

Начиная с 1972 г. в практику организации стройотрядовского движения прочно вошли совместные постановления бюро Курского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся. Несомненно, это повышало статус принимаемых решений, ставило их выполнение под дополнительный партийный контроль. Вместе с тем в стройотрядовском движении усиливалась идеологическая составляющая, что особо отмечалось в совместных постановлениях. Так, например, в постановлении от 7 марта 1971 г. № 148 указывалось: «Подготовить студентов к лекционной, пропагандистской и культурно-

массовой работе среди местного населения, обеспечить их необходимыми материалами и наглядными пособиями… В целях повышения политической и производственной деятельности обратить особое внимание на подбор и расстановку руководителей отрядов, практиковать назначение руководителями отрядов молодых коммунистов-преподавателей и аспирантов» [3, л. 38].

Решения облисполкома с каждым годом принимали всё более конкретный характер. Так, например, в 1974 г. при рассмотрении вопроса о направлении студенческих строительных отрядов на стройки области были определены основные этапы подготовки ССО к летним работам: руководство ВУЗов и техникумов совместно с комсомольскими организациями должно было до 20 марта утвердить командиров и комиссаров линейных ССО; производственные организации, принимающие ССО, до 25 марта должны были заключить договора на все виды работ, подлежащих выполнению ССО, а также до их прибытия на объекты подготовить необходимый фронт работ, создать на строительных площадках безопасные условия труда, решить вопросы размещения отрядов, обеспечения их питанием, культурно-бытовым и медицинским, обеспечить снабжение строек необходимыми строительными материалами, конструкциями, оборудованием и транспортом; областному отделу здравоохранения – обеспечить санитарно-гигиенический контроль и медицинское обслуживание студентов по месту дислокации отрядов; исполкомам городских и районных Советов поручалось установить контроль и оказывать практическую помощь стройотрядов, своевременно принимать необходимые меры по повышению ответственности строительных и хозяйственных организаций за обеспечение эффективности использования стройотрядов.

Кроме того, редакциям газет «Курская правда» и «Молодая гвардия», а также областному комитету телевидения и радиовещания поручалось систематически освещать как ход подготовки к третьему «трудовому» семестру», так и работу ССО на народнохозяйственных объектах [4, л. 132–133].

Масштабы участия студенческой молодёжи в строительстве сельскохозяйственных, промышленных и культурно-бытовых объектов росли с каждым годом. В 1975 г. силами ССО было освоено 7 млн руб. капитальных вложений. В решении Курского облисполкома Совета депутатов трудящихся «О направлении студенческих строительных отрядов на стройки области в 1976 году и мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов» от 25 февраля 1976 г. № 97 содержались новые позиции в мероприятиях по организации студенческих работ. В частности, комплектование отрядов предполагалось завершить к 25 февраля, а до 10 мая провести обучение бойцов ССО правилам техники безопасности с обязательной сдачей экзамена. При исполкомах местных Советов образовывались оперативные группы для оказания помощи штабам ССО. Особое поручение получало УВД облисполкома: установить строгий контроль за техническим состоянием и использованием автотранспорта в стройотрядах, перевозкой студентов, создав при областном штабе студстройотрядов общественную автоинспекцию. Впервые в распоряже-

ние областного штаба на период с 15 мая по 10 сентября выделялась санитарная машина. [5, л. 106–109].

Вероятно, именно в силу прагматических причин (свободные рабочие руки, занятость молодежи, идеологическая составляющая трудового воспитания и пр.) движение студенческих отрядов сразу попало «под опеку» партийно-государственного руководства страны. Не случайно в 1967 и 1976 годах ЦК КПСС и Совет Министров СССР принимали специальные постановления, направленные на повышение экономической и воспитательной эффективности третьего трудового семестра. Но усиление внимания к стройотрядам со стороны партийно-государственных структур различного уровня объективно способствовало развитию этой социальной инициативы молодёжи, создавало необходимые предпосылки организационного, финансового и иного укрепления ССО.

Вместе с тем, все решения облисполкома принимались практически без обсуждения. Допуская высокую степень предварительной проработки вопроса, выражавшуюся в согласовании областным штабом ССО основных позиций будущего объема летних работ с принимающими организациями, достаточно кропотливой работе руководства учебных заведений и первичных комсомольских организаций по подбору бойцов и управленческого звена линейных стройотрядов, круглогодичной работе обкома и райкомов ВЛКСМ по всем направлениям организации стройотрядовского движения, нельзя не признать, что исполнительные органы Советов выступали больше как координирующий центр, нежели реальный инициатор развития этой важной социальной и политической инициативы. Определённый анализ эффективности студенческого движения, конечно, облисполкомом проводился, но он ограничивался лишь констатацией фактов, останавливаясь на этой стадии, без принятия опережающих перспективных решений.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2039.
2. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2059.
3. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2370.
4. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2554.
5. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2721.
6. Государственный архив общественно-политической истории Курской области. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 78.
7. Курская правда. 1963.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). М., 1986. Т. 11. 1966–1970. 573 с.
9. Макухин В.И. Социально-экономические условия развития материально-технической базы сельских и городских учреждений культуры Курской области в 1960–1991 годах // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2008. № 1. С. 154–156.

Ю.С. Петраков

ВОДОПРОВОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО г. КУРСКА В 1929–1941 гг. (ПО ИСТОЧНИКАМ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Курский городской водопровод был основан в 1872 г. и вплоть до установления советской власти не подвергался никакому существенному ремонту и развитию [1, л. 29]. В конце 1918 г. было созвано специальное межведомственное совещание при горсовете, посвященное переустройству водопровода г. Курска. После заслушивания и обсуждения докладов, вынесенных на повестку, участники данного совещания констатировали катастрофическое состояние рассматриваемой отрасли коммунального хозяйства. Было принято решение о необходимости ремонта и усовершенствования водопровода [3, л. 5–5 об.]. Однако эти меры не могли коренным образом улучшить ситуацию с водообеспечением, и в результате принимается постановление о создании новой водопроводной сети в городе.

Строительство нового курского водопровода намечалось в одни и те же сроки, что и реализация первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1929–1933 гг.). Как следует из объяснительной записки к данному плану по водопроводу г. Курска, ставилась задача увеличения водопроводной сети в городе до 35,3 % (60 000 м при учитывающийся протяженности улиц в 170 000 м) [4, л. 40]. Помимо этого, необходимо было повысить число гидрантов и колодцев, связанных с водопроводом, а также произвести бурение нескольких артезианских скважин.

Среди изученных документов по данной тематике был обнаружен подробный план проведения строительных работ по курскому водопроводу. Так, в 1929 г. предполагалось: смонтировать 2 электронасоса на станции 1-го подъема и такое же количество насосов на станции 2-го подъема; пробурить 2 артезианские скважины, закончить работы по возведению железобетонных резервуаров; проложить 600 м трубопровода; установить 39 гидрантов и 2 колодца. За 1930 г. рассчитывали выполнить следующее: увеличить трубопроводную сеть на 10 000 м; поставить 80 гидрантов и 80 колодцев. В 1931 г. должно было появиться еще 7 000 м трубопровода, 60 гидрантов и столько же колодцев. На 1932–1933 гг. было намечено установить по 1 электронасосу на станциях 1-го и 2-го подъема, 40 гидрантов и 40 колодцев; пробурить 1 артезианскую скважину, провести 4 200 м труб. В общем итоге за данную пятилетку предполагалось смонтировать 6 электронасосов на 2-х станциях подъема (по 3 на каждой), про-

бурить 3 артезианские скважины, поставить 219 гидрантов и 182 колодца, проложить 21 800 м трубопроводной сети [2, л. 2].

Перед реализацией намеченного был изменен тариф для некоторых категорий потребителей воды: для нетрудового элемента и лиц вольных профессий плата была увеличена на 10 коп. и составила 1 руб. 10 коп. за 100 ведер (1 200 л); учреждения вместо 50 коп. должны были теперь оплачивать воду по варьирующемуся тарифу (50 коп. или 80 коп.); рабочих и служащих это изменение не коснулось, они продолжали платить по 30 коп.; для пенсионеров плата была снижена и также установлен дифференцированный тариф – вместо 30 коп. предписывалось платить 13 коп. или 15 коп. Вода из пока еще существовавших разборных будок стоила также по-разному: 25 коп., 50 коп., или 1 руб. 00 коп. за 1 200 л воды [5, л. 31]. Критерии, по которым определялась варьирующаяся цена для соответствующих категорий населения, найдены, к сожалению, не были. Данное изменение тарифов преследовало задачу снизить размер платежей за воду для пенсионеров и одновременно (с целью недопущения возможных в связи с этим убытков) повысить тариф для граждан, которые не относились к трудовому элементу и вышеупомянутым лицам пенсионного возраста (что также отвечало и классовой политике советского режима).

Что же касается результатов первого пятилетнего плана по курскому водопроводу, то в источниках приводилась следующая информация: к старой сети водопровода равной 41 000 м, была присоединена построенная новая сеть протяженностью 28 000 м, что в совокупности дало ее увеличение до 69 000 м или же до 40,6 % от общей протяженности городских улиц, следовательно, по данному показателю разработанный план удалось не только выполнить, но и превзойти на 15,0 %.

К сожалению, в исследованных документах по планируемым результатам первого пятилетнего перспективного плана не было найдено информации по таким важным составляющим как общий и суточный объем поставляемой воды, но при этом есть сведения о фактически достигнутых данных по этим показателям. К началу 1929 г. количество поставляемой воды было равным 658 842 024 л в год или 1 845 047 л в сутки, к концу того же года общая величина составляла 660 404 000 л, а суточная – 1 809 326 л. На 1931 г. величина данных показателей возросла до 1 078 918 000 л и 2 955 940 л соответственно. К 1932 г. общее количество поставленной воды за год было равно 1 275 000 000 л, что давало 3 493 151 л за сутки в среднем [7, л. 93]. В начале 1933 г. годовой объем отпускаемой воды достиг 1 350 000 000 л, а среднесуточный – 3 698 630 л [8, л. 70]. Таким образом, по сравнению с началом 1929 г., к концу первой пятилетки годовая поставка воды повысилась на 691 157 976 л (104,9 %). Учитывая, что население г. Курска к 1933 г. также увеличилось с 71 982 чел. до 83 792 чел. (на 16,4 %) [9, л. 41], необходимо отметить следующее: среднее количество воды на 1 жителя в сутки выросло до 44,1 л, составив прирост по данному показателю в размере 76,0 %. Сведения, касающиеся неучтенной воды, а также и построенных элементов данной части городской инфраструктуры (исключение – трубопроводная магистраль) за данный период

времени в архивных документах отсутствуют. В целом, рассмотренный пятилетний план дал существенные положительные сдвиги в развитии курского водопровода, по результатам которых была запущена в действие его первая очередь. Однако, при этом в источниках присутствуют и некоторые негативные элементы, которые были найдены в его осуществлении: отмечалось недостаточно эффективное функционирование транспорта, обеспечивающего строительство, дефицит необходимых материалов, а также «слабое руководство социальным производством, неумение быстро и хорошо освоить новую технику и новые методы работы» [6, л. 12].

Если говорить о втором пятилетнем плане по развитию курского водопровода (1933–1937 гг.), то в пояснительной записке были высказаны следующие замечания по его состоянию: несмотря на введение в строй первой очереди водопроводной сети, окраина города, значительная часть промышленных предприятий и железнодорожный узел не могли еще пользоваться хорошей питьевой водой от новой магистрали. В связи с этим необходимо было приступить к работам второй очереди по расширению производительности станций для полного обеспечения городского населения водой [7, л. 42].

В отличие от архивных источников о первой пятилетке, по второй приводился общий перечень работ, а не за каждый год отдельно: по итогам второго перспективного плана предписывалось произвести, помимо капитального ремонта изношенных элементов сети, устройство 4 новых скважин глубиной 150 м каждая, 7 напорных «колонн», установку оборудования для них; присоединение 3 электронасосов, 3 компрессорных агрегатов; длина водопровода должна была значительно увеличиться (на 119 000 м, или на 172,5 %) и составить 188 000 м.

Что касается объемов подачи воды, то в отличие от первого пятилетнего плана, по данному показателю сведения приводились и причем за каждый год. Так, к концу 1933 г. годовая мощность водопровода должна была резко возрасти и составить 2 524 000 000 л в год или 6 915 069 л в сутки. В 1934 г. предполагалось дальнейшее повышение данных: до 3 000 000 000 л и 8 219 178 л соответственно. На 1935 г. объем поданной воды закладывался в величине равной 3 128 000 000 л за 1 год (8 569 863 л за 1 сутки). В 1936 г. предписывалось также сохранить прогрессивный вектор увеличения мощности водопровода, который должен был достичь следующих результатов: годовое количество поставляемой воды – 3 906 000 000 л, среднесуточное – 10 701 370 л. К 1937 г., предполагалось, что курский водопровод поставит 4 600 000 000 л в год и, как следствие, 12 602 740 л за сутки в среднем [10, л. 57]. Как итог, за время второй пятилетки годовую мощность водопроводной сети планировалось увеличить на 3 250 000 000 л (8 904 110 л за 1 сутки), что в процентном выражении составило 240,7 %. Также известна и планируемая суточная норма на каждого курского жителя, определявшаяся в размере 84 л на 1 чел. Подобные стремительные темпы развития водопроводной сети объяснялись руководством региона как необходимые вследствие начала строительства в городе канализации, включе-

ние и эксплуатация которой неизбежно потребует большего количества используемой воды.

По факту же оказалось, что к концу второго перспективного пятилетнего плана мощность водопровода выросла на 621 000 000 л в год (на 46,0 %) [12, л. 2] и стала равняться 1 971 000 000 л в год. Население г. Курска к тому времени значительно возросло с 83 792 чел. до 159 000 чел., или на 89,8 % [15, л. 43]. Одной из причин такого резкого увеличения населения стало включение в городскую черту нового района с входившей в него Стрелецкой слободой. Это привело к падению среднесуточного объема потребления воды на 1 чел. с 44,1 л до 34,0 л, которое в процентном выражении равнялось 23,1 %.

Предполагаемая норма потребления воды (84 л на 1 чел.) была не только не достигнута, но и произошло ее уменьшение до 24 л в сутки, однако, ненадолго [14, л. 3]. По введенным в строй объектам водопроводной сети, на основании изученной отчетной документации известно лишь, что к 1937 г. ее протяженность увеличилась всего на 1 000 м (1,5 %) и составила 70 000 м, а число колонок было равно 64 шт. [13, л. 4].

По выполненным ремонтным работам за вторую пятилетку сведения не приводились.

Содержание третьего пятилетнего плана развития курского водопроводного хозяйства (1938–1942 гг.) носило еще более общий характер. За 1938–1940 гг. основные работы должны быть направлены на увеличение мощностей существующих насосных станций и строительство новых водоразборных сооружений (колонок), но при этом предписывалось не забывать и о расширении сети, которая обеспечивала распределение всей подаваемой воды. Помимо названного, в программу работ 1938 г. было включено бурение 2 разведочных скважин на Почтовой улице и близ Стезевой дачи, где в последующем предполагалось устройство новых колонок. В 1941 г. предусматривалось бурение 3 артезианских скважин с целью уточнения возможности использования для водоразборных сооружений участков в районе Ямского болота. Предполагалось, что за указанное время получится довести норму воды на душу населения до 90 л в сутки (вместо 24 л) и увеличить водопроводную сеть еще на 35 000 м (на 50,0 %) от существующей длины [14, л. 9–10].

Однако этот план выполнить не удалось. В августе 1941 г. территория г. Курска подверглась первому авиаудару со стороны немецко-фашистских сил, а в ноябре вражеские войска смогли полностью захватить город, в результате чего все мероприятия по развитию водопроводной сети были свернуты.

К моменту начала боевых действий в Курске успели пробурить 6 скважин (вместо планировавшихся 5), построить здание компрессорной станции и установить в ней 3 компрессора, возвести здание насосной станции, резервуар на 300 000 л. Что касается магистрали водопровода, то к 1941 г. было проложено лишь 25 000 м (71,4 % от запланированного), что дало общую протяженность водопроводной сети в размере 95 000 м [16, л. 25], причем годовой объем поданной воды возрос на 1 333 000 000 л (67,6 %) и достиг 3 304 000 000 л. Вследствие мобилизации и эвакуации население г. Курска резко уменьшилось до

142 553 чел. [11, л. 3] в результате чего произошло увеличение среднего объема воды для 1 чел. за сутки до 63,5 л (на 28,5 л, или на 81,6 %). Однако последние цифры в этот раз не в полной мере отражают истинную картину дел. Население получало гораздо меньшее количество воды по причине боевых действий со стороны вражеской армии на территории города, которая причиняла значительный урон водопроводному хозяйству Курска и вызывала серьезные затруднения с поставкой воды гражданам.

Таким образом развитие водопроводной сети г. Курска за 1929–1941 гг., несмотря на достигнутые положительные результаты, нельзя назвать полноценным, ввиду частого несоответствия запланированных показателей реальным достижениям. Состояние данной отрасли коммунального хозяйства резко ухудшилось в связи с немецко-фашистским вторжением на территорию города и последующим оккупационным режимом.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 9.
2. ГАКО. Ф. Р-413. Оп. 1. Д. 143.
3. ГАКО. Ф. Р-770. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 89.
7. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 119.
8. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 120.
9. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 173.
10. ГАКО. Ф. Р-2868. Оп. 1. Д. 174.
11. ГАКО. Ф. Р-3191. Оп. 2. Д. 66.
12. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 40.
13. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 80.
14. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 82.
15. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 83.
16. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 1. Д. 156.

И.В. Сахневич

СТАЦИОНАРНАЯ ТОРГОВАЯ СЕТЬ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Стационарной называется торговля из постоянных, приспособленных для этого помещений, благодаря чему покупатель имеет возможность удовлетворить свои потребности в товарах ежедневно и в удобное для него время. В ис-

следуемый период в Курской губернии происходил переход от традиционных форм товарообмена, к каковым относились передвижная и ярмарочно-базарная, к более современным, одной из которых и являлась стационарная торговля.

Напомним, что согласно нормам «Положения о государственном промысловом налоге» 1898 г. стационарные торговые предприятия распределялись по 4 разрядам, в зависимости от размера оборота и других признаков: от первого разряда, куда входили самые крупные предприятия, до четвертого, к которому относились ларьки и палатки, без использования труда наемных приказчиков [16].

В Курской губернии в 1901 г. действовало 7 127 торговых предприятий I, II, III разрядов с общим оборотом 52 031 952 руб. Наибольшее количество торговых предприятий этих трех разрядов приходилось на г. Курск – 564 и 7,9 % от общего количества указанных торговых предприятий губернии, на втором месте среди уездных городов находился г. Белгород – 314 и 4,4 %. Курск вместе с уездом также доминировал по количеству торговых заведений среди других городов вместе с уездами – 979 и 13,7 %. А вот сельские торговые предприятия Курского уезда хоть и незначительно, но уступали аналогичным заведениям Грайворонского уезда: 415 и 5,8 %, 432 и 6,1 % соответственно. Наименьше число городских торговых предприятий насчитывалось в г. Тиме – 45 и 0,6 %, а сельских – в Фатежском уезде – 209 и 2,9 %.

Общее количество городских торговых предприятий первых трех разрядов в губернии в 1901 г. составило 2 384 заведения и 33,5 %, а сельских – 4 743 и 66,5 % [2, л. 1].

В 1901 г. в Курской губернии проживало 2 534 285 человек, из которых 212 441 и 8,4 % составляло городское, а 2 321 844 и 91,6 % – сельское население [7, с. 156].

Таким образом, плотность стационарной торговой сети в Курской губернии в 1901 г. составляла одно торговое предприятие первых трех разрядов на 355,6 человека, или 28,1 торговых предприятий на 10 000 населения.

Плотность городской торговой сети составляла 112,2 торговых заведений данных разрядов на 10 000 человек или 89,1 жителя на одно предприятие. Густота сельской торговой сети была значительно ниже: 20,4 торговых предприятия на 10 000 жителей или 489,5 человека на одно торговое заведение.

Необходимо отметить, что в данные подсчеты вошли предприятия I разряда, основную часть которых составляли оптовые, не имеющие непосредственного контакта с потребителями, но не вошли предприятия IV разряда, которые представляли собой лавки и ларьки, другие мелкие предприятия. Согласно данным обзора Курской губернии за 1901 г., общее количество торговых предприятий всех четырех разрядов составляло 11 713 [11, с. 27], следовательно, численность населения на одно торговое заведение в среднем по губернии была 216,4 человека, а без учета предприятий I разряда (которых насчитывалось 30) 217 человек.

Таким образом, сосредоточение значительной массы стационарных торговых заведений в городских центрах имело своим следствием сравнительно

слабое обслуживание сельского населения, которое значительно превосходило по своей численности городское. В то же время, для Курской губернии было характерно такое интересное явление, как стремление владельцев городских торговых заведений обслуживать сельское население «как бы даже вопреки интересам городских жителей» [8, с. 139]. Об этом свидетельствовало, в частности, размещение значительной части торговых помещений на базарных площадях городов – в местах наибольшего скопления «деревенских обывателей».

Из имевшихся в 1907 г. в Курске 994 торговых помещений 428, или 43,1 %, располагались на базарных площадях. Первое место среди базарных площадей по числу находившихся на них торговых помещений принадлежало Красной площади – 290 помещений. В районе, прилегавшем к Красной площади, было сосредоточено 231 помещение, что вместе с помещениями самой площади составляло 521 и 52,4 % всех торговых помещений Курска [8, с. 139].

В Белгороде, втором по значению торговом центре Курской губернии, из 535 торговых помещений на базарной площади было расположено 324, или 60,6 %; в г. Рыльске из 211 торговых помещений на базарной площади располагались 74 и 35,1 %. Остальные уездные города по значению базарной площади, как места сосредоточения торговых помещений, можно условно разделить на 3 группы: в Грайвороне и Тиме на ней было сосредоточено от 92,2 % до 76,3 % торговых помещений (в среднем – 87,1 %); в Дмитриеве, Короче, Новом Осколе, Путивле и Щиграх – от 66,7 % до 59,5 % (в среднем – 62,7 %); во Льгове, Обояни, Старом Осколе, Судже и Фатеже – от 44,4 % до 32,0 % (в среднем – 37,2 %) [9, с. 82; 10, с. 97; 11, с. 134–135]. То есть, наблюдалось весомое различие в значении базарных площадей по городам губернии. В некоторых торговцы еще крепко держались за место на базарной площади, видя лишь в ней залог успешной деятельности своих предприятий, но были и такие города, где совершался переход центра торговой деятельности в прилегавшие к площади жилые кварталы. Тем не менее, базарная площадь продолжала оставаться центральной торговой частью города, что подтверждается размером арендной платы за торговое помещение. Так, например, в городах Старый Оскол и Обоянь средняя плата за 1 куб. саж. помещения за пределами центра, прилегающего к базарной площади, была вдвое ниже, чем в самом центре: 6 руб. 34 коп. и 12 руб. 74 коп. соответственно [11, с. 136]. Столь резкое различие объяснялось тем, что торговцы окраинных районов не могли рассчитывать на широкий сбыт своих товаров деревенским жителям, массами стекавшимися в города в базарные дни, и вынуждены были довольствоваться лишь ограниченным контингентом городских обывателей, проживавших в ближайших кварталах.

В тоже время, следует отметить, что, несмотря на заметную долю торговых помещений, располагавшихся на 6 базарных площадях Курска (43,1 % от общей их численности в городе), преобладающая часть из них представляла собой мелкие по размеру помещения (до 10 куб. саж.) – 73,6 %, в то время как в жилых кварталах, прилегающих к центру города, удельный вес таких торговых помещений составлял 29,4 %, а всего в жилых кварталах Курска доля мелких помещений составляла 58,6 %. Размеры помещений характеризовали, до из-

вестной степени, размеры и самих предприятий. Таким образом, на базарных площадях доминировали мелкие лавки и ларьки, в то время как в жилых кварталах, особенно в центре города, преобладали крупные торговые помещения размером свыше 20 куб. саж., т. е. магазины.

Но различия касались не только размера торговых помещений. Большинство деревянных торговых строений на базарных площадях были построены из легкого леса, и применять отопление в них не было возможности. Отапливалось всего 16, или 3,7 % от числа помещений, расположенных на базарных площадях Курска (причем все такие помещения находились на Красной площади). В жилых кварталах соответствующие показатели составляли 229 и 40,4 %, а всего по городу число отапливаемых торговых помещений составляло 245 и 24,6 %. Материалом для стен, при постройке торговых помещений, в равной мере служили кирпич и дерево (от простого теса для постройки ларьков до крупных бревенчатых сооружений). Однако, если обратиться к распределению числа деревянных и кирпичных сооружений в разных частях города, то можно увидеть следующую картину: на базарных площадях 77,8 % помещений были деревянными, а остальные 22,2 % – кирпичными, тогда как в жилых кварталах эта пропорция была обратной – 28,4 % и 71,6 % соответственно. Заметим также, что в центральной части города (исключая базарные площади) торговые помещения располагались только в каменных (кирпичных) зданиях, а чем далее от центра, тем заметнее этот материал заменялся более дешевым – деревом, и на окраинах Курска их доля доходила до 84,0 % [8, с. 139–143].

Следовательно, на обслуживание сельского населения, прибывавшего в город, были нацелены мелкие торговые заведения, располагавшиеся в незначительных по размерам и неблагоустроенных помещениях.

На долю городских торговых предпринимателей приходилась большая часть оборотов. В 1901 г. торговые предприятия городов первых трех разрядов давали в сумме 33 034 622 руб. или 63,5 % годовых оборотов, а сельские – 18 997 330 руб. и 36,5 % [2, л. 1]. Следует учесть, что значительная часть торговых заведений вне городов также принадлежала городской буржуазии. Так, например, курский купец первой гильдии Г.А. Новосильцев в 1899 г. владел 21 винной лавкой в различных волостях Тимского уезда [5, л. 1–17, 19–27, 28–48, 50–67, 99–110, 111–151, 153–172, 175–197, 199–215, 217–230].

По сумме оборотов торговых предприятий первых трех разрядов в губернии лидировал губернский центр (12 792 019 руб.). Объяснялось это не только самым большим количеством торговых заведений, но и наличием в Курске наибольшего по губернии числа торговых заведений I разряда, средние обороты которых были, разумеется, самыми высокими. 15 предприятий этого разряда в г. Курске давали суммарный оборот 3 259 491 руб., что составляло в среднем 217 299 руб. на 1 предприятие. Оборот курских заведений II и III разряда суммарно составлял 7 706 448 и 1 826 080 руб. соответственно. Средние показатели выражались в следующих цифрах: для II разряда – 33 800 руб., а для III разряда – 5 689 руб. [2, л. 1].

Рассмотрим динамику изменения количества городских предприятий на примере г. Суджи. В 1901 г. там действовало предприятий: I разряда – 1, II разряда – 46, III разряда – 74, а всего было 121. К 1914 г. общее количество предприятий первых трех разрядов увеличилось до 133, причем число перворазрядных заведений не изменилось, количество заведений второго разряда сократилось до 43, а третьего – увеличилось до 89. Таким образом, выросло, в первую очередь, число торговых заведений небольших размеров, обслуживавших наиболее широкие слои населения. Заметим, что 31 суджанское заведение к этому времени торговало по IV разряду, что составляло 18,9 % всех предприятий. Необходимо отметить, что к 1914 г. выросли средние показатели оборотов для предприятий всех трех разрядов. Наиболее значительным был этот рост у предприятий I разряда – так, если в 1901 г. размер оборота составлял 85 537 руб., то в 1914 г. – 185 200 руб. Средний показатель оборота за 1901 и 1914 годы соответственно составлял: для предприятий II разряда – 25 994 руб. и 32 051 руб., III разряда – 2 609 руб. и 5 740 руб. [2, л. 1; 6, л. 1–49]. Рост этот был вызван во многом тем, что к 1914 г. страна находилась в полосе повышения товарных цен.

В целом по губернии с 1901 по 1909 гг. наблюдалось сокращение числа торговых заведений четвертого разряда. Предприятия второго и третьего разрядов, наоборот, демонстрировали увеличение количественных показателей, а перворазрядные предприятия при увеличившемся абсолютном показателе сохранили стабильное относительное значение своего числа (0,3–0,4 %).

Данные процессы происходили в течение исследуемого периода постепенно, с некоторыми колебаниями как в одну, так и в другую сторону. Связано это было с экономической и политической ситуацией в губернии и в стране в целом. Прежде всего, сюда относились успехи или неудачи губернского сельского хозяйства. От хорошего или плохого урожая напрямую зависела покупательная способность подавляющего большинства населения губернии [1, л. 33–34; 3, л. 1–16; 4, л. 10–11]. Так, неурожайный 1906 г. привел к падению в целом спроса на товары, но особенно заметное влияние оказал на мелких торговцев, которые вследствие отсутствия денежных средств и сокращения кредита вынуждены были оставить занятия торговлей. Сокращение числа выбранных свидетельств на торговые предприятия IV разряда было бы еще значительнее, если бы не одно обстоятельство. Владельцы части предприятий III разряда, производящих торговлю сахаром и чаем, получили разрешение торговать по четвертому разряду, чем и воспользовались, перейдя в низший разряд. На экономическую ситуацию в губернии также повлияли политические события 1905 г., повлекшие сокращение промышленного производства.

Хороший урожай хлебов в 1909 г. привел к заметному оживлению курской торговли. Наиболее чутко на рыночную конъюнктуру отреагировали владельцы мелких торговых заведений. Число последних по сравнению с 1907 г., увеличилось на 13,9 %. Наиболее крупные торговые предприятия первого разряда, очевидно, не подчинялись этой тенденции: в неблагоприятный в целом для курской торговли 1906 г. количество их составило 52, уменьшившись к

«благоприятному» 1909 г. на 9, или 17,3 %. Доля этих предприятий в общем количестве торговых заведений губернии оставалась практически неизменной, что было связано с определенным запасом прочности оптовых предприятий, обусловленным наличием у них больших запасов товаров [2, л. 1; 13, с. 47; 14, с. 47; 15, с. 39].

Развитие торговых процессов в губернии определялось и новыми явлениями, входившими в жизнь курского населения. Так, в 1911 г. появление некоторых мелких и средних предприятий связывалось с оживлением экономической жизни в Грайворонском, Льговском, Обоянском и Суджанском уездах, через которые прошла новая линия Северо-Донецкой железной дороги [16, с. 45].

Выявленные тенденции соответствовали общероссийским процессам. В целом по стране, к 1912 г. число предприятий I разряда составляло 0,9 %, II – 14,9 %, III – 52,9 % и IV – 31,3 % [18, с. 4]. Сравнивая эти данные с курскими, можем отметить, что доля предприятий II разряда в Курской губернии была равна среднероссийской, IV разряда – несколько ниже, а предприятий III разряда – заметно выше, что свидетельствует о развитии торговых предприятий в губернии преимущественно за счет открытия лавок. В то же время удельный вес предприятий I разряда (оптовой торговли) уступал аналогичному показателю по стране. Это объяснялось тем, что Курская губерния не была регионом с развитой промышленностью, а также не имела в своем составе крупные потребительские и торговые центры и важнейшие порты империи.

Таким образом, характерной чертой стационарной торговой сети в Курской губернии в изучаемый период являлось преобладание лавок как типа коммерческих заведений. Эта особенность объяснялась привлекательностью мелкой розничной стационарной торговли, не требующей значительных капиталов и профессионального образования, но приносящей определенный, пусть и небольшой доход. Значительная масса стационарных торговых заведений была сосредоточена в городских центрах, хотя сельское население губернии намного превосходило по своей численности городское. Соответственно, плотность городской торговой сети была значительно выше, чем сельской. В то же время, городская стационарная торговля в губернии развивалась в направлении охвата своими услугами не только горожан, но и сельского населения.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8160.
2. ГАКО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 128.
3. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 515.
4. ГАКО. Ф. 143. Оп. 1. Д. 517.
5. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 8550.
6. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 12863.
7. Курский сборник. Курск: Изд. Курск. губ. стат. к-та, 1902. Вып. 2. 197 с.
8. Материалы к оценке недвижимых имуществ Курской губернии. Ч. 1. Города. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1907. Вып. 1.

9. Материалы к оценке недвижимых имуществ Курской губернии. Ч. 1. Города. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1907. Вып. 2.
10. Материалы к оценке недвижимых имуществ Курской губернии. Ч. 1. Города. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1907. Вып. 3.
11. Материалы к оценке недвижимых имуществ Курской губернии. Ч. 1. Города. Курск: Тип. Кур. губ. земства, 1907. Вып. 4.
12. Обзор Курской губернии за 1901 год. Курск: Губерн. тип., 1902. 86 с. с прилож.
13. Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск: Губерн. тип., 1907. 140 с.
14. Обзор Курской губернии за 1907 год. Курск: Губерн. тип., 1908. 151 с.
15. Обзор Курской губернии за 1909 год. Курск: Губерн. тип., 1910. 156 с.
16. Обзор Курской губернии за 1911 год. Курск: элект. типо-литография губ. правл., 1912. 173 с. с прилож.
17. Положение о государственном промысловом налоге. СПб.: Изд. гос. канцелярии, 1899. 483 с.
18. Устинов В.М. Эволюция внутренней торговли СССР в 1913–1924 г. М.: Экономическая жизнь, 1925. 103 с.

О.В. Харсеева

ПРИМЕНЕНИЕ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Период второй половины XIX – начало XX вв. стал временем формирования в России новой уголовной политики в сфере юридической ответственности несовершеннолетних. Были пересмотрены ранее незыблемые постулаты, в числе которых была убежденность законодателя в том, что преступник должен нести полную ответственность за содеянное, невзирая на любые обстоятельства. Поэтому возраст правонарушителя практически не влиял на его судьбу.

Однако в период либеральных преобразований такой подход был подвержен критике со стороны передовой общественности, и законодатель, действуя в рамках политики европеизации, уступил по ряду позиций. В частности, очевидной стала неприемлемость широкого применения к несовершеннолетним наказания в виде тюремного заключения. Особо подчеркивалось разлагающее влияние тюрьмы на нравственность несовершеннолетних, негативное воздействие тюремного заключения на здоровье подростков: усугубляюще действовали на детский организм холод, недоедание, недостаток воздуха из-за переполненности тюрем. В отчете Главного тюремного управления за период с 16 июня 1880 г. по 1 января 1882 г. указывалось, что переполнение тюрем в этот период по отношению к действительному количеству тюремных мест составляло

24,0 % [28]. Так, в Курском губернском тюремном замке, устроенном на 180 человек, в 1861 году содержался 321 арестант [13, л. 17].

Положение заключенных не изменилось и к началу XX в. По мере увеличения их числа из-за роста преступности, все острее становилась проблема переполненности тюремных помещений. В отчете тюремного инспектора, составленном в 1909 г., отмечалось чрезвычайное переполнение помещений Курской губернской тюрьмы. Здесь вместо 300 арестантов содержалось 500. Переполнено было и женское отделение, в котором в трех камерах размещалось 47 женщин и 14 детей, находившихся при них. На ночь им приходилось занимать холодный коридор и спать на полу. Кроме того, это отделение тюрьмы не имело двора для прогулки [4, л. 1–1 об., 33 об.]. Проверка состояния тюрем Курской губернии, проведенная в 1910 г., выявила те же нарушения. В Белгородской тюрьме вместо 74 человек, на которых были рассчитаны помещения, содержалось 158 человек, в Дмитриевской тюрьме вместо 65 – 78 человек, в Обоянской вместо 41 – 126 человек, в Суджанской вместо 45 – 83 человека, в Курской губернской тюрьме вместо 453 – 553 человека, в Корочанской вместо 75 – 95 человек, в Новооскольской вместо 80 – 99 человек [7, л. 5, 15, 21, 27, 31, 41, 47, 53, 72, 74, 114,120; 4, л. 89 об.].

Наряду с переполнением тюрем существовала еще более острая проблема, связанная с состоянием их зданий и помещений, условиями содержания заключенных. В 1867 г. директор департамента полиции обращал внимание курского губернатора на состояние Фатежского тюремного замка. Он отметил, что двор тюрьмы и здание содержатся очень грязно; на здании тюрьмы обвалилась штукатурка; некоторые печи разломаны; арестанты ходят в баню раз в месяц [1, л. 12–12 об.]. При осмотре тюрем Курской губернии в 1908 г. тюремный инспектор В.Н. Свентицкий отмечал, что «тюремные помещения вообще не отвечают требованиям гигиены. Световая поверхность в камерах недостаточная, вследствие чего они полумрачные. Вентиляция камер производится через оконные форточки, которые не могут достаточно освежить воздух, особенно при большом скоплении арестантов...» [4, л. 115].

Сложно стоял вопрос с питанием заключенных, который в течение долгого времени решался исключительно местными тюремными властями. Это обуславливалось общей политикой правительства, проводившего жесткую линию по экономии расходов на содержание заключенных. Достаточно отметить, что в 80-х годах XIX в., после начала реализации тюремной реформы, бюджетные ассигнования на продовольствие по тюремному ведомству были уменьшены на 11,0 %, а сумма, запрошенная на изготовление одежды – на 12,0 %. Местным тюремным властям предлагалось использовать запасы старой одежды, а сапоги заменить лаптями [28].

В Курской губернии тюремное начальство чаще всего вовсе не заботилось о приготовлении пищи, а просто отдавало кормовые деньги на руки заключенным. В экономии на питание заключенных тюремное начальство порой доходило до крайностей. Так, при осмотре в 1891 г. товарищем прокурора Курского окружного суда Тимской тюрьмы выяснилось, что арестанты уже второй месяц

не получают горячей пищи, ежедневная порция хлеба уменьшена, сам же хлеб печется из недоброкачественной муки. В свое оправдание начальник тюрьмы заявил, что денег, отпускаемых на питание арестантов, едва хватает на хлеб [2, л. 1–1 об.]. Однако, несмотря на нехватку «кормовых» денег, в следующем, 1892, году их объем был уменьшен на 1/5 часть [3, л. 5].

Сокращалось финансирование и на одежду арестантов. Так, в 1867 г. курский губернатор, следуя пожеланиям Министерства внутренних дел, предлагал Курскому губернскому попечительному о тюрьмах комитету заменить, по примеру Орловской тюрьмы, кожаную обувь лаптями, а армяки шить не из фабричного, а крестьянского сукна [1, л. 15а–18]. Данное предложение вызвало возражения со стороны тюремного начальства. В письмах из Суджанской и Щигровской тюрем отмечалось низкое качество крестьянского сукна и его плохая носка. Говорилось и о промокаемости лаптей и отсутствии условий для их сушки [14, л. 25], обращалось внимание на то, что арестанты не умеют обращаться с лаптями, а необходимая для закрепления лаптей бичева вряд ли будет уместна в тюрьме [14, л. 30–30 об.]. Но были и противоположные отзывы. Ряд тюремных начальников отметили, что данная одежда и обувь для арестантов вполне пригодны [14, л. 31].

Таким образом праздное пребывание несовершеннолетних в ужасных условиях вместе со взрослыми заключенными в тюрьме не могло способствовать реализации идеи их исправления и перевоспитания. Законодатель, обращая внимание на данную проблему, в объяснительной записке к изданию Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. отмечал: «Тюремное включение, в тех условиях, в каких оно исполняется над взрослыми, в отношении к ребенку, едва вступившему на путь порока, очевидно, имело бы последствием окончательную его порчу и гибель» [26, с. 31].

Еще ранее в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г. обращалось внимание на то, что несовершеннолетние должны содержаться в тюрьмах «отдельно от прочих заключенных» [23, ст. 149]. Данная норма также была включена в Устав о содержащихся под стражею [21, ст. 98]. Кроме того, законодатель утвердил положения, позволявшие судьям избегать применения к несовершеннолетним данного вида наказания. Для этого в 1855 году в Уложение были включены нормы, согласно которым наказание в виде тюремного заключения для правонарушителей 14–17 лет за неспособность заплатить денежное взыскание в размере менее пяти рублей, а также для несовершеннолетних в возрасте от 14 лет до 21 года, неспособных заплатить денежное взыскание в размере менее трех рублей заменялось выговором, «с предостережением виновных, что в случае повторения преступления или проступка, за которые следовало бы подвергнуть их денежному взысканию, они, сверх выговора, будут подлежать надзору полиции на время от 3-х месяцев до 1 года» [24, ст. 94].

Серьезные изменения в системе наказаний, применяемых к несовершеннолетним, произошли в ходе реформы в области уголовной ответственности несовершеннолетних 1897 г. Основные ее положения были закреплены законом

от 2 июля 1897 г. «Об изменении форм и обрядов судопроизводства по делам о преступных деяниях малолетних и несовершеннолетних, а также законоположений о их наказании». Законодатель попытался свести до минимума возможность помещения несовершеннолетнего в тюрьму. Отдача под ответственный надзор родителей или «лиц, изъявивших на то согласие», помещение в монастыри, содержание в особых помещениях при тюрьмах и арестных домах, помещение в воспитательно-исправительные заведения несовершеннолетних правонарушителей в возрасте до 17 лет взамен тюремного заключения были признаны приоритетными.

Такое направление политики законодателя встретило горячую поддержку со стороны передовой общественности. Так, С.В. Познышев отмечал: «Из года в год наши тюрьмы воспитывают нам из детей тысячи профессиональных преступников, в отношении которых потом, - когда уже затвердеют привитые им тюрьмой характеры и склонности, - будут бессильны всякие тюрьмы» [29, с. 62]. Д.А. Дриль, исследуя данную проблему, приводил слова полицмейстера одного из губернских городов о том, что некоторые из «постоянных граждан» местной тюрьмы на его глазах выросли, а некоторые и родились в ней, «с тех пор они приходят в родное гнездо, не имея сил, а, быть может, и возможности уже разорвать свою крепкую связь с ним» [27, с. 35].

Согласно нормам 1897 года, несовершеннолетние теперь могли содержаться в тюрьмах и арестных домах только в особых помещениях, создаваемых при них [25, ст. 137]. Однако попытки создать такие помещения были единичными. К 1917 г. их было только два: особое отделение для малолетних в Москве при исправительной тюрьме в Сокольниках и при Царскосельской тюрьме [22, с. 96]. В частности, заметим, что приемоспособность первого была небольшой. В 1910 году в нем содержалось 40 человек. В отделении московским мужским благотворительно-тюремным комитетом была открыта школа. Но, в сущности, это «учреждение» представляло лишь особое отделение тюрьмы с тюремным режимом и с неполной изоляцией от остальной тюрьмы: несовершеннолетние работали вместе с взрослыми, баня и прачечная, где работали взрослые арестанты, находилась во дворе данного отделения.

По данным С.В. Познышева, в 1905 г. в общих со взрослыми преступниками камерах продолжали содержаться 456, в 1908 г. – 1517, а в 1912 г. – 3049 несовершеннолетних в возрасте от 10 до 17 лет [30, с. 44].

Главной причиной, по которой особые помещения при тюрьмах и арестных домах в том виде, в котором они предусматривались законодателем, распространения не получили, стала необходимость значительных финансовых затрат на их устройство. Обязанность создания особых помещений для несовершеннолетних при тюрьмах лежала на тюремном ведомстве, так как устройство и содержание тюрем происходило за счет государственного казначейства; создание особых помещений при арестных домах должно было стать обязанностью земств, так как они устраивали и содержали арестные дома. Однако ни земства, ни города не спешили решать данную проблему.

Существенной причиной была нехватка помещений. Не хватало специально построенных для содержания осужденных зданий. Повсеместно практиковалась аренда помещений для размещения арестантов. Поэтому правоприменитель, в лучшем случае, заменял размещение несовершеннолетних в специальных помещениях при тюрьмах на размещение их в отдельных от взрослых тюремных камерах.

В Курской губернии специальные помещения для несовершеннолетних правонарушителей при тюрьмах и арестных домах к концу 1909 г. были созданы только при арестных домах в Путивле, предполагалось их создание в Рыльске и Старом Осколе [9, л. 43–64; 11, л. 1]. По запросу Главного тюремного управления в 1909 г. только несколько земских управ Курской губернии, на содержании которых находились арестные помещения, высказались за создание подобных помещений для несовершеннолетних. Остальные оправдывали отсутствие таковых малым числом осужденных подростков, а, следовательно, их ненадобностью.

В отдельных камерах несовершеннолетние содержались в арестных домах Белгорода, Грайворона, Щигров, тюрьмах Нового Оскола, Обояни и Старого Оскола, то есть лишь в нескольких из 15 уездных городов губернии [10; 6; 8; 5; 9].

В документах Курской губернии сохранились данные о численности несовершеннолетних правонарушителей, содержащихся в арестных помещениях и тюрьмах губернии в начале XX века. Обобщенные данные мы приводим в таблице ниже [посчитано по: 5; 6; 8; 9; 10].

Количество несовершеннолетних в арестных домах и тюрьмах Курской губернии в начале XX в.

год	арестные помещения (число подростков 10–17 лет)	тюрьмы (число подростков 10–17 лет)
1903	110	–
1908	66	2
1909	6	1
1910	15	–
1911	9	1

Как видно из таблицы, в начале XX в. число несовершеннолетних, содержащихся в арестных домах Курской губернии, могло достигать более 100 человек, в тюрьмах же их число было незначительным. Однако отметим, что в начале XX в. к несовершеннолетним не применялось наказание в виде ссылки (пересыльные арестанты составляли значительную часть всех осужденных в Курской губернии), до этого времени юные преступники содержались главным образом в тюрьмах. Так, в 1857 г. численность несовершеннолетних арестантов только в Курской губернской тюрьме составляла 26 человек [12, л. 7].

Новое законодательство также было призвано изменить тюремный режим, который наравне с взрослыми разделяли большинство подростков.

Частью тюремной жизни был труд арестантов. Организация труда в местах заключения требовала значительной поддержки со стороны государства.

Необходимы были средства на постройку мастерских, приобретение инструментов. Заключенные часто не владели никаким ремеслом, что требовало затрат на их обучение. Поскольку средств на развитие ремесел не хватало, частым явлением было отсутствие занятости арестантов.

В Курской губернии уровень организации труда арестантов был очень низким. Тюремная администрация, как правило, не обращала внимания на эту сторону тюремной жизни, оставляя арестантам право выбора вида занятий и не возражая против праздности.

В 1878 г. на основании положений Устава о содержащихся под стражею и Общей тюремной инструкции был разработан «Проект инструкции по устройству работ в Курском тюремном замке» [15, л. 6–8 об.]. В первом пункте Инструкции закреплялась обязанность смотрителя тюремного замка заботиться о том, чтобы осужденные не оставались в праздности. Арестанты должны были заниматься ремеслами или обучаться им. Мещане и крестьяне могли привлекаться по распоряжению местного начальства на общественные работы. Оговаривались условия оплаты труда арестантов. Не оплачивались работы, производимые для нужд тюремного замка. За работы на продажу и по заказу частных лиц арестанты получали одну треть вырученного от них дохода.

Однако на деле инструкция так и осталась проектом. Так, в 1882 г. начальник Главного тюремного управления Враской при личном осмотре Курской губернской тюрьмы обратил внимание на то, что в тюрьме действовали небольшие сапожная, столярная и «портняжная» мастерские, «арестанты праздно проводят время» [18, л. 4 об., 5].

Мало что изменилось и после введения Закона от 6 января 1886 г. об обязательности труда заключенных [20]. При этом в распорядке дня арестантов, составлявшемся для каждой тюрьмы, работы были неотъемлемым компонентом. Так, распорядок дня в Курской губернской тюрьме в 1910 г. был следующим [7, л. 70]:

	летом	**зимой**
1. Утренняя поверка	**4.00 – 5.00**	**5.00 – 6.00**
2. Умывание, утренняя молитва, уборка камер и чай	**5.00 – 6.00**	**6.00 – 7.00**
3. Выход на работы	**6.00 – 11.30**	**7.00 – 11.30**
4. Дневная поверка	**11.30 – 12.00**	**11.30 – 12.00**
5. Обед	**12.00 – 13.30**	**12.00 – 13.00**
6. Работы после обеда	**13.30 – 18.00**	**13.00 – 17.00**
7. Ужин	**18.00 – 19.00**	**17.00 – 18.00**
8. Поверка и вечерняя молитва	**19.00 – 20.00**	**18.00 – 19.00**

Нужно отметить, что в этой части тюремного режима курские тюрьмы мало чем отличались от иных тюрем империи. В 1898 г., по Отчету Главного

тюремного управления, из 6 200 заключенных несовершеннолетних меньше 1000 чел. были заняты работой [19, с. 148].

Неразрешимой задачей стало проведение в местах заключения воспитательных и обучающих мероприятий. Это требовало наличия специально обученных для работы с трудными детьми воспитателей, значительных затрат на школьное и ремесленное оборудование.

В Курской губернии обучение молодежи грамоте было организовано лишь в нескольких тюремных замках. Тюремные школы были созданы в Курске, Судже, Старом Осколе, Грайвороне, Щиграх, Рыльске, Короче [16, л. 1; 17, л. 1]. В Курской тюрьме занятия регулярно проводили студенты духовной семинарии, священник тюремной домовой церкви, в Старом Осколе - дьякон местной церкви, в Судже – учителя приходского училища [31, с. 41, 46]. В остальных эта обязанность была возложена на местных священников и выполнялась эпизодически. Главной причиной этого было отсутствие отдельных помещений и школьного оборудования. Отметим также, что тюремные школы действовали не постоянно. Так, в 1910 г. ни в одной из тюрем, в которых содержались несовершеннолетние, обучение грамоте не велось [7, л. 7, 11, 17, 29, 31, 33, 35, 39, 43, 47, 51, 65]. То же можно сказать и о состоянии школьного обучения в арестных домах [5, л. 2, 8, 10, 12; 9, л. 2–15].

Таким образом, в период либерализации общественных отношений к несовершеннолетним по-прежнему применялось наказание в виде тюремного заключения, в том числе в провинции, где численность данной категории правонарушителей была невелика. Единственной нормой, отличавшей исполнение наказания в виде тюремного заключения в отношении несовершеннолетних от взрослых заключенных, в Курской губернии оставалось их раздельное содержание. Данное положение не изменилось и в начале XX в. Ни Устав о содержащихся под стражею 1909 г., ни Общая тюремная инструкция 1915 г. не установили особого режима исполнения наказания в виде тюремного заключения для несовершеннолетних.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 359.
2. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 704.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 707.
4. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 13052.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14033.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14772.
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14791.
8. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14807.
9. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14833.
10. ГАКО. Ф. 33. Оп. 3. Д. 693.
11. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 2178.
12. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 121.

13. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 229.
14. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 359.
15. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 414.
16. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 475.
17. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 477.
18. ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 492.
19. Отчет по Главному тюремному управлению за 1898 г. // Журнал министерства юстиции. 1901. № 5.
20. ПСЗ-III. 1886. СПб., 1888. № 3447.
21. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1857.
22. Тюремный вестник. 1917. № 1.
23. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (редакция 1845 года). СПб., 1845.
24. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (издание 1857 года) // Свод законов Российской империи. Т. XV. Законы уголовные. СПб., 1857.
25. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (издание 1916 года). СПб., 1916.
26. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (издание 1885 г.). СПб., 1902.
27. Дриль Д.А. Тюрьма и принудительное воспитание // Журнал министерства юстиции. 1900. № 3.
28. Колосок С.В. Условия отбывания наказания заключенными Иркутской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Сибирский юридический вестник. 2000. № 3 // URL: http://law.isu.ru (дата обращения: 09.08.2007 г.).
29. Познышев С.В. К вопросу о несовершеннолетних преступниках // Вопросы права. 1910. Кн. 11.
30. Познышев С.В. Очерки тюрьмоведения. Пг., 1915.
31. Уголовно-исполнительная система Курской области: становление, развитие и реформирование / сост. Н.А. Постников. Курск, 2004. С. 41, 46.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ КУРСКОГО КРАЯ

Л.В. Палий

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕДОСТУПНОГО ДОСУГА ДЕТЕЙ В ПУШКИНСКОМ САДУ ГОРОДА КУРСКА (НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

В 1899 г. городскую инфраструктуру Курска пополнил новый зеленый объект. Историческим курьезом является тот факт, что новый сад был открыт через 93 года после издания указа о его создании. Причина столь длительной проволочки была вполне объяснима. Пожаловав казенную землю в центре города, на которой ранее располагался генерал-губернаторский дом под разведение сада, император Александр I фактически предлагал городу самостоятельно изыскать средства на его устройство. И это в то время как сами горожане, а именно купцы, ходатайствовали об отведении этого же участка под устройство торговли. Не удивительно, что в первое время, ограничиваясь формальными мероприятиями о подготовке к работам и сборе необходимых средств, а затем, пользуясь благоприятными обстоятельствами, связанными с войной, сменой правителей отцы города все-таки смогли превратить выгодное место в торговую площадь, позже получившую название Навозной. Последняя благополучно существовала до 80-х годов XIX в., фигурировала на всех городских планах и стабильно приносила доход от аренды торговых лавок в бюджет Курска. Но к концу столетия губернские власти вспомнили о невыполненной воле почившего монарха и потребовали ее выполнить, помимо других аргументов упирая также на тот факт, что земля была передана казной городу только при условии разведения сада. Окончательную точку в споре поставил Сенат, который вынес вердикт о том, что указ все-таки необходимо выполнить и никаких компромиссов в виде устройства сада где-нибудь еще в городе быть не может.

В итоге в начале 1890-х годов очень медленно и явно с большой неохотой городские власти приступили к перепланировке и благоустройству Навозной площади. Уже в процессе работы возникла мысль о необходимости создания не просто очередного увеселительного объекта, а именно детского общественного сада. Впервые она прозвучала в публичной лекции «Наш долг перед детьми», прочитанной гласным курской городской думы В.И. Долженковым 25 марта

1894 года [12, с. 96]. Инициатива нашла поддержку у многих представителей местной интеллигенции, в частности у членов V отдела Общества содействия начальному образованию в Курской губернии. Совместно с В.И. Долженковым они стали настойчиво добиваться ее осуществления через городскую думу.

17 августа 1894 г. на ее очередном заседании было решено: при составлении проекта сада учесть, что основная часть свободного места должна быть отведена под игры детей школьного возраста [2, л. 176]. Однако до того момента, когда было принято официальное решение городских властей пришлось ждать еще четыре года. Помимо чисто организационных проблем предполагаемое оборудование детской площадки также вызвало отдельное разбирательство, так как проект сада, представленный городской думой не понравился губернатору. В журнале заседания думы мнение последнего было сформулировано так, что отвергнув спроектированный по поручению губернатора киевским садовником Маршаль план сада в английском стиле, дума предпочла: «…план, представляющий вид не сада, а плаца, обсаженного по краям деревьями» [8, л. 11]. Поскольку стороны вновь ждали окончательного решения Сената, то работы, по всей видимости, были практически остановлены.

Только 6 октября 1898 г. проблема в организационной части слегка сдвинулась с мертвой точки. Городская управа сообщила, что решением, принятым на заседании думы 1 сентября разработка вопроса «…о дальнейшем разведении на бывшей Навозной площади сада», а также и организация в нем детских игр и упражнений передается в городскую училищную комиссию. Последняя, совместно с Обществом содействия начальному образованию в Курской губернии должна разработать и представить на рассмотрение и утверждение думы подробный проект [2, л. 193]. Малоэффективная переписка, состоявшая из запросов администрации губернатора и поначалу редких, а затем и совсем прекратившихся отписок городской управы, продолжалась до января 1899 года [2, л.189–195, 196–197]. Пожалуй, единственно важным на этом этапе стало решение, принятое 24 ноября 1898 года на заседании думы по предложению гласного Н.К. Реймера: в год празднования юбилея А.С. Пушкина, присвоить имя великого русского поэта открывающемуся детскому саду [3, л. 21].

Кроме того уже окончательно стало понятно, что Пушкинский сад после открытия поступит в ведение V отдела Общества содействия начальному образованию, участвовавшего ранее в разработке проекта, а теперь приступившего к его непосредственному воплощению в жизнь. О том, насколько серьезно члены отдела подошли к поставленной задаче, свидетельствуют консультации с известными специалистами того времени: по физическому воспитанию – профессором П.Ф. Лесгафтом и организации детских игр И.М. Радецким. Также осуществлялось изучение опыта устройства подобных садов в Полтаве и Киеве [12, с. 96–97]. За счет выделенных городскими властями средств [17, с. 142–143] летом 1899 года было возведено несколько необходимых построек, устроен водопровод, лавочки, две площадки с песочницами для самых маленьких детей [12, с. 97]. К открытию так же были построены приспособления для гимнастических упражнений, качели, горка и кегельбан, закуплены всевозможные иг-

рушки [12, с. 97–98]. Многое удалось приобрести за счет пожертвований сочувствующих новому делу горожан [12, с. 98–99].

15 августа 1899 года в присутствии представителей городской администрации, председателя и членов Общества содействия начальному образованию сад был торжественно открыт для маленьких посетителей [12, с. 99]. Заведование предприятием осуществлял уполномоченный, в обязанности которого входило решение многочисленных организационных вопросов: наблюдение за благоустройством и порядком в саду, организация дежурств добровольных помощников, осуществлявших в несколько смен ежедневный надзор за играми и поддерживавших общественный порядок [12, с. 99–100, 109].

Для посетителей Пушкинский был открыт с девяти часов утра до сумерек. В будние дни с четырех часов, а в праздничные с двенадцати часов дня до семи часов вечера дети могли бесплатно пользоваться имевшимися в саду игрушками и участвовать в специально устраивавшихся подвижных играх [12, с. 106].

Поскольку открытие сада случилось практически в конце лета, а закрытие на зиму произошло 2 ноября, первый сезон работы пришелся большей частью на осеннее время. Но это не помешало ему быстро завоевать популярность у детей самых разных слоев городского общества. По приблизительным данным дежурных в сентябре ежедневно в саду бывало в среднем двести – двести пятьдесят человек, причем в праздничные дни эта цифра значительно возрастала. Например, 19 сентября в дневнике дежурств была зафиксирована одна тысяча посетителей [12, с. 102]. В целом, по окончании сезона, несмотря на некоторые просчеты и неудачи в организации, деятельность V отдела в Пушкинском саду, была признана удовлетворительной и чрезвычайно полезной для городского общества [12, с. 69].

Сведений о сезоне 1900 года в архивных документах пока удалось найти очень мало. В сущности, это лишь одно постановление курской городской думы от 23 марта о разрешении сбора пожертвований на приобретение игрушек для детей, посещающих сад. Но можно предположить, что работа продолжалась в русле совершенствования разработанной ранее модели организации детского досуга и подвижных игр [4, л. 19].

Работа в 1901 году, благодаря ранней весне началась 22 апреля, но уже 1 августа сад пришлось закрыть. Поводом послужил обвал крупного участка Тускарной горы, произошедший 31 июля. Катастрофа, ставшая причиной разрушений нескольких домов, гибели людей [5, л. 35] произошла из-за прорвавшейся магистральной водопроводной трубы. Вода подмыла грунт и спровоцировала оползень [1, л. 7, 16, 19–21, 25]. Образовавшийся провал дошел до угла, расположенного на самом верху горы Пушкинского сада, пострадала его зеленая ограда, часть составлявшего ее кустарника сползла вниз [5, л. 35, 106].

Но до своего закрытия сад функционировал в уже привычном режиме, ежедневно принимая в будни от четырехсот до пятисот, а в праздники до восьмиста детей [13, с. 36]. Особой гордостью членов V отдела стал своеобразный педагогический эксперимент, проведенный летом этого года, одновременно по-

способствовавший дальнейшему благоустройству территории. В мае под руководством Р.А. Благовещенской и студента-агронома А.С. Бондарцева дети сажали деревья, кустарники, устраивали цветочные клумбы, за которыми потом сами же и ухаживали в течение всего лета [13, с. 39].

Но в то же время ежегодный отчет членов V отдела свидетельствует о том, что возникли серьезные основания оценивать прошедший сезон как менее удачный, в сравнении с предыдущими. Факт существования детского сада утратил свою новизну, возникла необходимость в постоянной напряженной работе по организации его нормального функционирования. Но проблема заключалась в том, что принцип добровольности и безвозмездности перестал быть эффективным. Желающих дежурить в саду становилось все меньше, в то время как детей, посещавших сад, наоборот становилось все больше [13, с. 37]. По мнению управляющего садом Л.В. Красовского, единственным выходом в создавшемся положении могло бы стать приглашение специалиста по организации подвижных игр, который, получая плату за свою деятельность, смог бы организовать работу с детьми и немногими оставшимися добровольными дежурными [13, с. 38].

В 1902 году сложилась напряженная ситуация с решением хозяйственных вопросов, которые находились в ведении городской управы. По невыясненным пока причинам, власти своевременно не подготовили сад к началу сезона. Заведующему садом Л.В. Красовскому пришлось открыть сад 4 мая, несмотря на то, что еще не был осуществлен, за исключением посадки четырехсот деревьев, необходимый минимум мероприятий по благоустройству: генеральная очистка территории, ремонт построек, устройство водопровода [14, с. 43]. Работы проводились в июне, в самый разгар сезона, что, несомненно, причиняло неудобства посетителям [14, с. 43].

Характеризуя лето 1902 года, необходимо отметить, что, несмотря на так и неизжитые окончательно организационные проблемы, в целом работа с детьми в саду значительно расширилась и планомерно осуществлялась по нескольким направлениям. Во-первых, на весь сезон с 20 мая по 6 сентября для организации подвижных игр была приглашена слушательница Петербургских курсов профессора Лесгафта С.Г. Никольская [14, с. 3]. Во-вторых, был продолжен опыт привлечения детей к благоустройству сада. Под руководством старших группа детей из десяти – двенадцати человек работала в цветниках. А в сентябре вместе с Р.А. Благовещенской сажали тюльпаны [14, с. 47]. Как и в прошлом году устраивались чтения и обсуждения книг [14, с. 47]. Новшеством были постановки силами детей спектаклей, организация загородных прогулок и создание под руководством взрослых своеобразной системы детского самоуправления [14, с. 45–48].

С наступлением зимы, в Пушкинском саду был устроен бесплатный каток. С 1 декабря 1902 года он был открыт для детей всех возрастов с двух до шести часов вечера. Организаторы позаботились об освещении и благоустройстве. Рядом с катком была оборудована удобная и теплая беседка для переодевания и согревания. Можно было взять напрокат коньки или лыжи, их выдавали

всем желающим также бесплатно [14, с. 52]. Не удивительно, что количество детей, посещавших сад, было стабильно высоким, в летние месяцы от ста до пятисот, а в зимние до трехсот человек ежедневно [14, с. 43, 52].

И все же, какими бы прекрасными ни были результаты деятельности членов V отдела Общества содействия начальному образованию, но они мало способствовали уменьшению расходов казны на содержание сада. Городское управление, явно не располагая свободными средствами, не могло позволить постоянные и довольно крупные затраты без хотя бы их минимального возмещения. Поэтому, возможно еще в конце 1902 года и, несомненно, с января 1903 года Пушкинский сад решено было сдать в арендное содержание. Причем желающих заключить договор долго искать не пришлось. Именно в этот момент в затруднительном положении оказался Общественный клуб, не сумевший урегулировать отношения с земством по поводу аренды Лазаретного сада.

Уже в конце января постановлением городской думы арендный договор с Общественным клубом был окончательно утвержден [9, с. 96]. Необходимо уточнить, что, арендуя сад, клуб фактически получал в полное распоряжение только его часть, так называемое отделение. Остальная же территория должна была, как и прежде оставаться общедоступной для детей и других посетителей.

Об условиях подписанного контракта мы можем судить только по нескольким косвенным фактам. Сад сдавался на десять лет [6, л. 3], исходя из данных сметы городских доходов за 1904 год с действительно самым низким ежегодным платежом – 500 рублей [7, л. 130]. Не менее выгодным для арендатора стало и то обстоятельство, что все расходы по содержанию общедоступной части сада, по всей видимости, городская управа оставляла за собой. Это предположение подтверждается наличием в смете на 1904 год статьи расхода на жалованье сторожу в детском саду [7, л. 133]. Кроме того, сразу же после утверждения договора Советом старшин было подано ходатайство о расширении отводимой клубу площади. Причем в случае положительного решения вопроса арендатор соглашался взять на себя дополнительные обязательства по содержанию построек и игровых площадок в детской части сада [9, с. 96].

Несмотря на уменьшение территории, предназначенной для детских игр, деятельность членов V отдела оставалась такой же интенсивной. Сад попрежнему активно посещался детьми: от 100 до 600 человек ежедневно [15, с. 3]. Для организации подвижных игр и координации всей работы вновь была приглашена специалист с курсов профессора П.Ф. Лесгафта Е.И. Смирнова [15, с. 3]. В фондах ГАКО сохранился ее отчет, который дает нам возможность узнать несколько интересных подробностей из повседневной жизни Пушкинского сада летом 1903 года. Вот что Е.И. Смирнова писала о своем первом впечатлении, когда она 23 мая приступила к работе: «Помню хорошо, когда я впервые шла в сад, то думала встретить отдельную площадку, предназначенную для игр. Оказалось не то. Большой сад был разделен на две половины. Одна, чистая с цветами на клумбах, предназначалась для гулянья публики и принадлежала клубу, вторая, довольно запущенная, и была детским садом» [15, с. 44].

Далее автор отчета отмечает, что соседство с Клубом доставило ей немало горьких минут и очень мешало нормальному функционированию сада: «Можно сказать, с нашим садом не церемонились, бросали в него сор, старые веники, чистили ковры. Лужайка наша была изрыта устройством фейерверка. Наша единственная беседка до половины лета была в распоряжении клуба и в ней пили, ели и веселились взрослые, а детей выгоняли. Благодаря тому, что наша труба для поливки площадки была испорчена от частого употребления в клубном саду, наша площадка с половины лета или поливалась кое-как, или оставалась сухой, и когда бегали дети, то сад обращался в пыльную площадь» [15, с. 44].

Но если неудобства, создававшиеся строительными работами, можно было перетерпеть как временное явление, то картины так называемого «русского веселья» совсем не предназначенные для детских глаз, не делали чести клубу [15, с. 50]. Еще одним источником негативных эмоций и впечатлений был находящийся рядом базар. «Очень мало поучительного можно видеть каждый день – драки, ссоры и всякого рода грязь, проходя мимо которой, невольно прибавляешь шаг», – добавляла руководительница играми. А между тем, посещавшие сад дети ежедневно должны были видеть все эти неприглядные сцены, так как попасть в него можно было лишь пройдя через базар. Лучший же вход со стороны присутственных мест находился в клубном отделении [15, с. 44, 50]. Обращаясь к городским властям, Е.И. Смирнова пишет: «Нельзя закрывать на это глаза, мириться с такими условиями, где много сил тратится непроизводительно необходимо создать обстановку более благоприятную для воспитания будущего общества» [15, с. 50].

Сложно сказать, какова была реакция на отчет со стороны городских властей и членов Общественного клуба, документальных свидетельств об этом пока не найдено. Во всяком случае, в 1904 году от заведующей играми Анны Баталиной подобных жалоб не поступало. Сад уже традиционно посещался большим количеством детей, работа с которыми велась по хорошо отлаженной, проверенной годами модели [16, с. 36]. Но видимо это был и последний год нормального функционирования детского сада.

Маловероятно, что события неспокойного следующего года, конфликтная ситуация с Лазаретным садом, принесшая в том числе и материальные потери, позволили Обществу содействия начальному образованию должным образом продолжить работу с детьми в 1905 году. Косвенно это подтверждает и информация из приложения к всеподданнейшему отчету курского губернатора за 1906 год, где сказано, что детское отделение Пушкинского сада перестало функционировать в 1906 году [11, с. 131], а значит предшествующий сезон, даже если он и был открыт, вряд ли был полноценным. Если опираться на заметку в Курских губернских ведомостях об открытии детского отделения Пушкинского сада, то становится ясно, что детский сад в изначальном своем виде не функционировал и в 1907 году [10].

Уже в следующем 1908 году Общественный клуб взял на содержание детское отделение Пушкинского сада, тем самым позволив хоть и не в прежних

масштабах, но возродить его существование. Правда, не все планы удалось осуществить единовременно. Так по согласованию с Обществом содействия начальному образованию предполагалось выделить средства и на приглашение дежурных и заведующего садом [9, с. 105]. Но, осуществить задуманное, по всей видимости, удалось, лишь к 1910 году [9, с. 129].

В 1911 году капитальному ремонту подверглись практически все помещения, выделялись крупные средства на устройство самых разных развлечений, содержание детского отделения сада [9, с. 129]. Сведений об организационной работе в этот период пока найти не удалось. Поэтому остается лишь предполагать, как велась работа с детьми и велась ли она вообще. Рискнем предположить, что для Общественного клуба это направление деятельности не было профильным, поэтому скорее всего все сводилось к поддержанию порядка с помощью дежурных и заведующего. Также раздел в смете городских расходов за 1914 год с подробным перечнем работ, объем и характер которых свидетельствует об обслуживании небольшой территории сада, наводит на мысль о том, что накануне войны детское отделение сада вновь перешло на баланс города [18, с. 235]. Как это часто бывает хорошее начинание социальной направленности так и не смогло развиться должным образом, а опыт подобной общедоступной формы организации досуга детей мало востребованным.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6796.
2. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 5921.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 7845.
4. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9339.
5. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 9706.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 11278.
7. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 12183.
8. ГАКО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 319.
9. Исторический очерк курского Общественного Клуба. Курск, 1913.
10. Курские губернские ведомости. 1908. № 95. 17 июня.
11. Обзор Курской губернии за 1906 год. Курск,1907.
12. Отчет Общества Содействия начальному образованию в Курской губернии с 19 апреля 1898 г. по 1 января 1900 г. Курск, 1900.
13. Отчет Общества Содействия начальному образованию в Курской губернии за 1901 год. Курск, 1902.
14. Отчет Общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1902 год. (5-й год существования). Курск, 1903.
15. Отчет общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1903 г. Курск, 1904.
16. Отчет Общества содействия начальному образованию в Курской губернии за 1904 г. С приложением краткого обзора деятельности Общества за 1905 г. Курск, 1906.

17. Смета доходов и расходов г. Курска на 1899 год. Курск, 1898.
18. Смета доходов и расходов города Курска на 1914 г. Харьков,1914.

И.В. Пинаева

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В XIX – начале XX вв.

Свято-Троицкий женский монастырь, получивший свое название от главного храма, освященного во имя Святой Троицы, был основан в Курске в первой четверти XVII в.. Согласно архивным данным в 1631 году монастырь уже существовал [5, л. 1]. Известно, что в XVII в. монастырь дважды подвергался разорению: в 1634 г. монастырская слобода была сожжена войсками гетмана Вишневецкого, а в 1680 г. страшный пожар уничтожил обитель и соборный храм, однако уже в следующем году монастырь был восстановлен [4, л. 1]. В 1695 г., при игуменьи Пелагии, в обители была построена каменная двухэтажная церковь [6, л. 1]. В середине XVIII в., потеряв приход и слободу, отошедшие к Воскресенской церкви, монастырю пришлось пережить непростые времена.

В начале XIX в. наступил новый этап в жизни обители, связанный с именем игуменьи Апполинарии, выполнявшей обязанности настоятельницы с 1801 г. по 1805 г. Изменился внешний вид монастырских строений – крыши церкви и колокольни были покрыты железом. Также произошли изменения в составе монашествующих – в 1805 г. была учреждена должность благочинной [12, с. 5]. В дальнейшем, при игуменьи Анфии, под управлением которой находился монастырь с 1807 г. по 1818 г., на монастырской колокольне был установлен новый колокол, весом 194 пуда (более 3 тонн). При игуменьи Досифеи, в 1829 г., в монастыре были выстроены каменные настоятельские кельи [2, с. 28].

В первой четверти XIX в. был расширен монастырский двор. Согласно первому официальному плану обители, составленному в 1822 г., она занимала пространство «длиною 40 сажень, а шириною 53,5 сажень» (длиной 85 метров и шириной 114 метров). В 1824 г. обитель получила в свое распоряжение прилегающие к ней с юго-восточной стороны дом и сад, пожертвованные Степаном Гавриловичем Гладковым. Во второй половине 20-х гг. благодаря пожертвованию Ефросиньи Спешневой монастырь получил новый участок земли длиной в 16 и шириной в 15 сажень (длиной 34 метра и шириной 32 метра) [9, с. 8]. В последствии на этой территории были построены просфорня и игуменский корпус. В 1829 г. Евгенией Коптевой были пожертвованы в пользу обители два дома с флигелем. Благодаря пожертвованиям монастырская территории увели-

чилась и к 1851 г. занимала пространство «в 71 сажень длины и 37 сажень ширины» (длиной 151 м и шириной 79 м). Но такая площадь была слишком мала для свободного размещения всех монахинь и послушниц монастыря, на территории которого было расположено 37 келий, «в коих помещалось 398 душ женского пола» [12, с. 5].

Архитектурный облик обители значительно изменился в лучшую сторону в первой половине XIX в., благодаря деятельности игуменьи Тавифы. В 1832 г. стараниями игуменьи с трех сторон монастыря была построена каменная ограда, также были выстроены Святые врата с небольшими кельями по сторонам. При этой же настоятельнице был построен новый каменный храм. Долгое время на территории обители располагалась только одна двухэтажная холодная церковь. В 1834 г. игуменья Тавифа обратилась к главе Курской епархии, высокопреосвященному Илиодору, с ходатайством о разрешении строительства новой теплой церкви. Соответствующие разрешение было получено и в 1836 г. был возведен новый каменный одноэтажный храм, получивший название Новодворского. Здание новой церкви было возведено частично на собственные средства монастыря, частично на пожертвования курян. Так купеческая вдова Анисия Гладкова пожертвовала на строительство 5000 рублей ассигнациями [9, с. 12].

В 1860 г., при игуменьи Алевтине, к Троицкой церкви был пристроен придел в честь Рождества Крестителя Господня. Стараниям настоятельницы местные иконы Спасителя и Божьей Матери были украшены серебряными позолоченными ризами. Ко времени настоятельства Алевтины в ведении монастыря осталось лишь три десятины пахотной земли, конечно же, этого не хватало для обеспечения его нужд. Поэтому игуменья обратилась к Епархиальному начальству с просьбой «о приписке монастырю земли», просьба была выполнена, и в 1865 г. обитель получила в свое владение 150 десятин земли (1 638 тыс. кв. м) в Стакановой даче Щигровского уезда [13, с. 79].

Заботясь об украшении монастыря и расширении его владений, игуменья не забывала о благоустройстве жизни сестер, не оставляла без попечительства нуждающихся. В 1854 г. была открыта больница на 10 кроватей для монахинь и послушниц Троицкой обители. Для лечения больных был приглашен врач [10, с. 61]. Изначально больница размещалась во флигеле, купленном у причта Кафедрального собора, в дальнейшем из тесного флигеля была переведена в один из домов внутри монастыря. Больница содержалась на средства, выдаваемые ежегодно (до 1861 г.) Курским попечительством о бедных духовного звания (по 300 рублей в год), а также за счет пожертвований. Глава епархии, высокопреосвященный Илиодор, прислал лично от себя 500 рублей, помещик Аркадий Нелидов завещал на содержание больницы по 200 рублей в год. Тогда же, в 1854 г., при монастыре была устроена богадельня «для восьми престарелых и увечных сестер», которая содержалась на средства благотворителей [5, л. 2].

Дело благоустройства обители вполне успешно продолжила игуменья Софья, занимавшая пост настоятельницы в течение 44 лет, с 1865 г. по 1909 г. В 1866 г. были сделаны новый иконостас и царские врата в монастырской церкви.

В том же году выстроен новый деревянный трехэтажный корпус, в котором разместились больница и богадельня. Немного позже был построен каменный двухэтажный дом для просфорни. В 1867 г. настоятельница изыскала средства на покупку прилегавшего к монастырю с южной стороны места длиной 35 и шириной 9 сажень (длиной 74 м и шириной 19 м), чтобы расширить территорию монастырского двора.

Монахини занимались просветительской деятельностью, долгое время они по собственной инициативе обучали девочек в кельях. Но монастырские покои не могли вместить всех желающих, поэтому согласно указу Святейшего Синода 14 февраля 1869 г. при монастыре была открыта школа с четырехгодичным курсом обучения. Начальницей школы стала игуменья Софья, также выполнявшая обязанности попечительницы двух приютов. Сначала в школе обучались 30 девочек-сирот из духовного сословия. В мае 1888 г. школа получила статус Церковно-приходской, в школу стали принимать детей (девочек) бедного населения всех сословий города Курска и число обучающихся возросло до 50 человек. При игуменьи Софьи в жизни монастыря произошло еще одно значительное событие – был устроен водопровод. До этого монахини вынуждены были носить воду из Тускари. Средства, необходимые для устройства водопровода обитель получила от Тимской помещицы Барковой, пожертвовавшей две тысячи рублей. Обитель вела вполне благоустроенную жизнь, согласно данным за 1882 г. путем сбора пожертвований от различных лиц монастырская казна была пополнена суммой 22 972 рубля ассигнациями [9, с. 23]. Из этой суммы в 1883 г. были отпущены средства на церковные потребности – 1 731 рубль, на монастырские потребности – 3 790 руб., «на конюшенные потребности» – 186 руб., а также на содержание монастырской мельницы, больницы и школы – более тысячи рублей. В 1883 г. в монастырскую казну поступила сумма в тысячу рублей серебром, кроме того, ежегодный доход 1 100 рублей серебром приносили сданные в аренду 150 десятин монастырской земли в Щигровском уезде. В этом же году значительно расширились монастырские владения благодаря пожертвованию курского купца Филиппа Сазонова, отдавшего в пользу монастыря 23 десятины (более 250 тыс. кв. м) земли [1, л. 2]. В 1890 г. на этой территории был устроен Александро-Невский скит [5, л. 1 об.]. Значительно увеличилось число насельниц монастыря, так согласно данным за 1887 г. число монашествующих составило 425 человек, из них: 16 штатных монахинь, 10 «по открытому штату», 9 заштатных, 16 указных штатных послушниц, 155 сверхштатных послушниц и 32 заштатных послушницы, а также 187 неуказных послушниц на временном послушании [2, л. 2]. Существуют сведения, согласно которым, в этот период в обители получило развитие иконоотделочное ремесло, приносившее дополнительный доход [14, с. 35].

Средства на содержание обитель получала из различных источников: ежегодные отчисления из Государственного казначейства в пользу монастыря в начале XX в. составили 380 р. 90 коп. (данные за 1904 г., 1909 гг.), доход от сдачи в аренду монастырских земель составлял 2150 р., проценты с капитала в

пользу монастыря давали прибыль 1062 р., продажа свеч и просфор приносила в казну обители 1847 р. 50 коп. [7, л. 2; 7, л. 2].

В середине 1910 г., при настоятельнице Емилии, началось строительство нового, более вместительного школьного здания на 100 человек, 25 сентября 1911 г. оно было освящено. Столь быстрое возведение школьного здания было возможно благодаря материальной помощи, оказанной обители жителями города, особенно Михаилом Васильевичем и Пелагеей Тихоновной Зубковыми. В том же году был вновь устроен и освящен придел Троицкой церкви во имя Святителя Иоасафа и Преподобного Серафима Саровского Чудотворца [9, с. 36].

Согласно данным за 1913 г. обители принадлежали земельные угодья в размере 170 десятин (1 857 тыс. кв. м) и мельница в с. Виногробль недалеко от Курска [8, л. 1 об.]. В монастыре проживали 44 монахини и 426 послушниц. В дальнейшем их количество еще более увеличилось, так в 1916 г. число монашествующих вместе с проживающими в скиту составило 700 человек [3, л. 2]. В 1917 г. Свято-Троицкая обитель вместе с Александро-Невским скитом насчитывала 635 монахинь и послушниц.

Незадолго до Октябрьской революции 1917 г. монастырь имел следующий вид: всю середину монастырского двора занимала Свято-Троицкая церковь. Церковь имела форму удлиненного креста с башенками и каменной колокольней, стены были окрашены бледно-голубой краской. Стены и купол верхней холодной Свято-Троицкой церкви украшали белые лепные изображения, храмовая икона Святой Троицы была украшена серебряной ризой, в церкви хранились древние иконы, в том числе Явление Воскресшего Господа Иисуса Христа Марии Магдалине и Успение Богоматери в ризе расшитой жемчугом и бусами. В нижней церкви, освященной в честь Смоленской иконы Богоматери, иконостас был белый с золотом. В северо-западном углу этой церкви была погребена игуменья Алевтина. Храм Новодворской Богоматери был небольшим, иконостас в храме «нового стиля» – белый с позолотой. Храмовую икону украшали жемчуг и драгоценные камни. Здесь же хранилась Тихвинская икона Богоматери, подаренная монастырю женой Николая Трубицына Евдокией. В обители хранились два Евангелия Московской печати 1681 и 1784 гг. Помимо храмов и келий на территории монастыря были расположены церковно-приходская школа, гостиный двор и каменная лавка. Все здания были в хорошем состоянии и не требовали ремонта [12, с. 5].

За свою более чем трехсотлетнюю историю Курский Свято-Троицкий женский монастырь преодолел множество трудностей, подвергался разорению и сожжению, но благодаря усилиям настоятельниц и помощи верующих всегда возрождался, восстанавливался и примером праведной жизни своих насельниц вселял веру в сердца людей. Несмотря на трудности, возникавшие иногда в жизни Свято-Троицкой обители, она никогда не оставляла без внимания благотворительную деятельность и развитие образования, помогая бедным и нуждающимся.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 20. Оп. 2. Д. 375.
2. ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 400.
3. ГАКО. Ф. 20. Оп. 3л. Д. 187.
4. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 7.
5. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 8.
6. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 10.
7. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАКО. Ф. 654. Оп. 1. Д. 15.
9. Курский Свято-Троицкий монастырь: исторический очерк / Сост. игуменья Емилия. Курск: Епархиальная типография, 1912. 45 с.
10. Арцыбашева Т.Н. Курский край и монастырская культура. Курск: Изд-во Курск.гос. пед. института, 1998. 72 с.
11. Белоусова М. Из истории Курского Свято-Троицкого женского монастыря // Труды 1-й международной краеведческой конференции … Курск, 2006. Ч. 2. С. 26–29.
12. Пискарев С.П. Из истории курского Свято-Троицкого женского монастыря // Курские епархиальные ведомости. 1993. № 5–6. С. 4–7.
13. Семенова Е. Убранство храмов и почитаемые иконы Курского Свято-Троицкого женского монастыря // Труды 1-й международной краеведческой конференции… Курск, 2006. Ч. 2. С. 76–80.
14. Стрелков А.Т. Занимательные страницы истории, прочитанные в Курских архивах. Курск: ООО «Регион-фото», 2004. 78 с.

БИОГРАФИСТИКА И ПРОСОПОГРАФИЯ

Е.А. Абакумова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СТАРОСТЫ ОБОЯНСКОЙ МЕЩАНСКОЙ УПРАВЫ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ А.И. ПЕНУШКИНА В 80-х гг. XIX ВЕКА

Постоянные органы мещанского самоуправления имели разный состав в различных городских поселениях. В зависимости от размера поселения, мещанское управление составляли: или один мещанский староста; или староста с помощниками; или мещанская управа с несколькими членами и мещанским старостою, как председателем. Это было в городах, где действовало полное городское общественное управление. Например, мещане г. Курска были членами мещанского общества с выборным органом управления – мещанской управой, состоящей из председателя (мещанского старосты) и выборных членов [3, с. 76]. Избирались они на мещанском съезде сроком на три года. Избирательные списки должны были быть утверждены губернатором. Старостам разрешалось выбирать помощников по одному на каждую полную и неполную 1 000 душ городского населения.

Вступая в должность, мещанский староста обязан был дать клятвенное обещание, в котором говорилось следующее: «что он хочет и должен в настоящем собрании рассматривать представленные на обсуждения вопросы без всякого лицеприятия по чистой своей совести, честно без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы» [2, л. 4–11]. Тем не менее, были случаи, когда мещане подавали жалобу на своего старосту губернатору.

В данной статье рассмотрим деятельность старосты Обоянской мещанской управы А.И. Пенушкина. Так, мещане Иван Винокуров, Петр Варваров и Иван Мартаков 2 ноября 1889 г. подали прошение губернатору, в котором говорилось, что обоянский мещанский староста, собрав мещанское общество для обсуждения вопроса о задолженности мещанских повинностей за прошлые годы, назначил без выборов сборщика повинностей, мещанина Михаила Чибанова. Последний в свою очередь забирал себе по 20 коп. с каждого полученного рубля. Так же указывалось, что Пенушкин допускал в мещанские собрания лиц не имеющих имущества и неплательщиков. В свою очередь мещанское обще-

ство созывалось не по отдельным повесткам, а по общей «кого встретит сторож на базаре, того и просит придти на собрание, поэтому не которые лица являлись в нетрезвом состоянии» [2, л. 7].

В свое оправдание против этих обвинений Пенушкин говорил следующее: что недоимки, которые составляли около 796 руб. 96 коп. образовались при прежних мещанских старостах, поэтому было собрано мещанское общество для обсуждения мер по взысканию задолженности. Общество приняло во внимание, что раньше сборщика не избирало, а данную обязанность исполняли сами старосты, но на заседании было принято решение назначить таковым сборщиком Михаила Чибанова. Так как его жалование не было внесено в смету 1889 г., то общество определило ему таковое из собираемой недоимки по 20 коп. с каждого взысканного рубля [2, л. 8]. Тогда же был составлен приговор, который засвидетельствовал мещанский староста.

Что же касается лиц, которые являлись на заседание в нетрезвом состоянии, то здесь указывалось, что при большом собрании общества мещанский староста всегда приглашал полицейского-надзирателя для наблюдения за тишиною [2, л. 8]; созывались мещане действительно по общей повестке, но через особого рассыльного. Рассматривая вопрос о имущественном положении лиц, участвующих в собраниях, староста отмечал следующее: списки об их имуществе в мещанской управе не ведутся, у большей же части мещан дома записаны за их матерями и женами и приглашаются в собрание только те лица, которые состоят в окладе и являются они всегда трезвыми, а недоимка состоит почти на всех мещанах от 50 коп. до 2 и 3 руб. за каждым, в т. ч. и за одним из просителей и именно Мартоковым. Так, Винокуров уплатил свою недоимку только после подачи жалобы [2, л. 9]. К тому же особой комиссии для проверки действий старосты общество не избирало; если же пожелало бы сделать это, то староста препятствовать не стал. Донося об этом Пенушкин заявил, что прошение трех мещан Винокурова, Варварова и Мартакова есть ни что иное, как недоверие и придирка к мещанской управе [2, л. 11].

Рассмотрев все выше указанное губернское правление дало соответствующее предписание помощнику обоянского уездного исправника. В этом предписании указывалось, что с отменой подушной подати с мещан, в обоянском мещанском обществе особого податного старосты для сбора повинностей не было, а эту функцию выполняли сами мещанские старосты. Это считалось нарушением, т. к. на основании устава о податях говорилось, что для сбора с мещан повинностей должен избираться особый податной староста сроком на три года [5, с. 52]. Так же отмечалось, что на писаря и письменные и материалы выделялось от 25 до 50 руб. серебром на каждую полную и не полную тысячу душ. Для этого специально составлялся приговор, который утверждал губернатор [5, с. 53].

Совмещать же обязанность податного старосты в лице мещанского старосты запрещалось законом, т. к. мещанский староста в одно и то же время являлся бы действующим лицом по сбору повинностей и контролирующим свои действия. В виду этого приговор обоянского мещанского общества постановил

признать назначение мещанина Михаила Чибанова временным податным старостою не законным. Обоянскому мещанскому старосте было предписано немедленно заняться избранием на законном основании податного старосты и представить балатировачный список на утверждение губернатора. Помимо этого отмечалось, что приглашать мещан на собрания нужно заранее и непременно особыми повестками для каждого. Согласно законам о состояниях в мещанской управе должен быть составлен и постоянно находиться точный именной список всех мещан имеющих право принимать участие в мещанских общественных собраниях [4, с. 166].

Что касается другой деятельности мещанской управы, то она заключалась в следующем:

1) проводила прием новых членов в мещанское сословие;

2) рассматривала недоимки мещан за лечение в земских больницах и т. д.

3) выдавала свидетельства для зачисления в мещанские общества других городов; удостоверения на денежные пособия; аттестаты благонадежности для открытия трактирных заведений.

Так, например, мещанин Андрей Кречетов просил выдать аттестат о поведении и неподсудности для предоставления его в Обоянскую городскую управу на открытие трактирного заведения в городе Обояни в 1885 г. и в качестве оплаты прилагал марку достоинством в 60 копеек [1, л. 19].

Примером для зачисления в мещанское общество другого города является прошение мещанина Михаила Грибанова за своего родственника Ксенофонта Харченкова. В прошении он просит выдать свидетельство обоянского мещанского общества для перехода его родственника в другое мещанское общество одного из городов Харьковской губернии вместе со всем семейством и состоянием [1, л. 4].

Ярким примером заботы мещанского общества о своих членах явилось в частности решение мещанской управы г. Дмитриева о назначении пособия мещанке А.М. Лотаревой на содержание больного мужа в размере 30 руб. 11 коп. Эти деньги были остатком суммы, в размере 150 руб., выделенной на содержание больниц [6, с. 3].

Из источников видно, что проведенное разбирательство по делу старосты А.И. Пенушкина показало его невиновность. Что же касается жалоб мещан, то на них обстоятельно ответили должностные лица.

Несмотря на некоторые внутренние нарушения, органы мещанского самоуправления играли важную роль в пореформенный период. Являясь сословными органами, мещанские общества оказывали помощь нуждающимся членам своего сословия, выполняя тем самым функцию социальной защиты.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 15.
2. ГАКО. Ф. 234. Оп. 1. Д. 19.

3. Долженков И.А. Мещанские общества в Курской губернии в 1861–1917 гг. / Актуальные проблемы научного творчества ученых кафедры истории России. Курск, 2009. Вып. 5.
4. Законы о состояниях (Издание 1899 г. и по Прод. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг.) / Свод Законов основных государственных, гражданских, уголовных. Б.м., б.г.
5. Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 5.
6. Памятная книжка Курской губернии на 1893 год. Курск, 1892.

А.М. Борисов

БЫТЬ ВЕРНЫМ ПРИСЯГЕ – БЫТЬ ПОБЕДИТЕЛЕМ!

2015 год – год 70-летия Победы Союза Советских Социалистических Республик в Великой Отечественной войне.

«Народная, священная война» – такой она была как для поэта В.И. Лебедева-Кумача, чьё стихотворение было опубликовано уже 24 июня 1941 года в газетах «Известия» и «Красная Звезда», так и для уроженца д. Грязное-Сухотино Каминского района Тульской области Николая Павловича Иванова, который 16-летним пареньком в том же 1941 году начал самостоятельную трудовую жизнь.

К моменту призыва Николая Иванова на действительную военную службу Красная Армия одержала победы в тяжелейших сражениях под Москвой, Сталинградом и на Курской Дуге и это наполняло сердца всех советских людей чувством гордости и уверенности в окончательной победе над фашизмом. С этим чувством и горячим желанием защищать свою Родину Николай в 1943 году начал службу красноармейцем 573 стрелкового полка в Приволжском военном округе.

В Действующей армии остро ощущалась нехватка военнослужащих различных воинских специальностей, а также младшего командного состава, в связи с чем были созданы десятки специализированных военных училищ. В одно из них – Арзамасское военное пулеметно-минометное училище (АВПМУ) [5] – был направлен красноармеец Иванов в составе команды наиболее годных по уровню образования (окончил 8 классов школы), политической сознательности и общефизической подготовке сослуживцев.

Ускоренный курс подготовки курсантов в этом профильном учебном заведении (начальник училища полковник Мартанус, военный комиссар батальонный комиссар Кирин) составлял для отдельных воинских специальностей от 6 месяцев до 1 года. Несмотря на такие сокращённые сроки учебы, которые практически были в 2–3 раза меньше сроков подготовки в условиях мирного времени, сержантский и младший офицерский состав успешно овладевал специальными знаниями, умениями и навыками, необходимыми в суровых условиях боевых действий.

После окончания училища в 1944 году младший лейтенант Н.П. Иванов направляется в 53 Офицерский полк Отдельной Офицерской бригады Московского военного округа, дислоцированной в г. Горьком, а затем в Действующую армию.

Как вспоминает Н.П. Иванов «сформировали эшелоны для 2-го Белорусского фронта, в том числе пополнение офицеров, и на Минск… бомбёжки были в пути… В Минске недалеко от Дома Советов устроили нам помывку, выдали чистое бельё, покормили и к вечеру мы погрузились в машины, американские «студебеккеры» с тентами, и на фронт, в Польшу. Встретили нас представители частей и я был направлен в 237 гвардейский стрелковый полк командиром пулемётного взвода… по прибытии нас представили командиру полка гвардии подполковнику Кусенко (Юрий Минович. – *А.Б.*), который нас проинформировал о положении и поставил задачи. Вызвали посыльных от подразделений, и я был направлен в 3-й батальон… ночью познакомился с личным составом. Мне ещё 20 лет не было, а солдатам некоторым по 40 или 45 лет, волгари, они повоевали уже. На утро в бой… у немцев оборона проходила на высотке, сначала артподготовка артиллерии нашей, потом самолёты... и выбили мы немцев из траншей, они побежали… От рубежа к рубежу шли мы вперёд».

Так с 15 февраля 1945 года в 76 гвардейской стрелковой дивизии (командир – Герой Советского Союза генерал-майор Кирсанов Александр Васильевич) 70-й армии (командующий – генерал-полковник Попов Василий Степанович) 2-го Белорусского фронта под командованием Героя Советского Союза Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского начал свой боевой и победный путь гвардии младший лейтенант Иванов.

2-й Белорусский фронт был образован в феврале 1944 года, когда началось освобождение Советской Белоруссии и к середине февраля победного года вёл тяжёлые наступательные бои в Восточной Померании, которые осложнялись из-за естественных преград – многочисленных рек, входящих в речную систему главной реки региона – Одера. Гвардии младшему лейтенанту Иванову и его подразделению не раз приходилось форсировать водные преграды в условиях боя.

«24 февраля начались бои с направлением на Кёслин (Кошалин)», рассказывает Н.П. Иванов, «и дни стали похожи один на другой. В марте дивизию круто развернули, и она в боях 28 марта овладела городом, портом и военно-морской базой Гдыня, а 30 марта – важнейшим портом и военно-морской базой противника Данциг (Гданьск). Конечно, были передышки…».

После разгрома общими силами армий и Балтийского флота данцигско-гдыньской группировки противника 237 гвардейская стрелковая дивизия была выведена на доукомлектование, пополнение техники и боезапаса, а затем форсированным маршем вышла к Одеру, южнее города Штеттина [1].

Отметим, что глубина Одера достигает 10 метров, а ширина – 250 метров. В нижнем течении река разделяется на два самостоятельных рукава, между которыми располагалась низина шириной 3–5 км, затапливаемая в апреле весенним паводком.

Союзные войска к середине апреля вышли к Эльбе на участке Гамбург-Виттенберг-Магдебург, но гитлеровское руководство по-прежнему бросало главные силы против Красной Армии. На восточном фронте были сосредоточены 214 дивизий, в том числе 34 бронетанковые и 15 моторизованных, а также 14 бригад, тогда как на западном – 60 дивизий, в том числе 5 танковых, при их неполной укомплектованности личным составом и оснащённости исправной техникой [3, с. 416].

Военные историки и специалисты отмечают, что 2-й Белорусский фронт, разгромивший группировку гитлеровских войск в Восточной Померании, обеспечил этими победами успех последующих наступательных операций. План Берлинской операции предусматривал последующую задачу фронта – разгромить штеттинскую группировку противника, чем надёжно обеспечить взятие Берлина войсками 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Г.К. Жукова [3, с. 419]. В Берлинской операции значительная роль отводилась и 1-му Украинскому фронту (командующий – Маршал Советского Союза И.С. Конев). Общие силы 1-го и 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов насчитывали около 2 500 тыс. человек, 41 600 орудий и минометов, 6 250 танков и самоходно-артиллерийских установок, 7 500 боевых самолетов [3, с. 420].

Первые части 2-го Белорусского фронта начали форсирование Одера 18 и 19 апреля, а 20 апреля главные силы фронта взломали вражескую оборону на левом берегу реки и с ожесточенными боями стали продвигаться вперед [3, с. 424].

«Горячие бои развернулись в апреле… мы форсировали Одер там, где у него два русла, южнее города Штеттина – Ост-Одер и Вест-Одер. Правда уже были наведены мосты, но войск много и на лодках переправлялись под дымовой завесой. Брали Пренцлау, а затем пошли на Нойбранденбург. Там много городов, Гюстров, Бютцов и городков поменьше. Во взводе было 4 отделения, личного состава 32 человека… отделения рассредоточивались по наступающим группам и подразделениям… Побеждать помогал свой боевой опыт и опыт других, которому учились. Например, помню изучали с бойцами памятку по действиям в составе штурмовых групп [3, с. 424]… конечно, потери были в ежедневных боях и боестолкновениях. Поскольку в тылу оставались какие-то фашистские подразделения, наши части разделялись, задерживались для уничтожения этих групп противника», вспоминает Н.П. Иванов.

Высокая оценка этого ратного труда была дана командующим 2-м Белорусским фронтом Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским в своих мемуарах: «В боях этих дней наши воины проявили массовый героизм. Одно стремление вело их вперёд – не дать врагу ни минуты передышки, быстрее покончить с ним. Все действовали мужественно и умело. Плечом к плечу с пехотой шли артиллеристы, прокладывая дорогу огнём… Отступая, вражеские войска взрывали за собой мосты, минировали и разрушали дороги, пытались дать бой в каждом удобном для обороны населённом пункте. Но, несмотря на это, скорость продвижения наших войск в сутки достигала 25–30 километров. Сме-

тая все преграды, на своём пути и уничтожая сопротивлявшегося врага, наши войска неудержимо продвигались вперёд» [6].

Не менее интересна простая «солдатская» конкретика командира пулемётного взвода: «Под Гюстровым после боя я с пулемётным расчётом и с расчётом ПТР (противотанковое ружьё) был оставлен для охраны моста, а полк ушёл дальше. Сдал объект и стали нагонять своих. Сначала на повозке, на конной тяге, а потом подошли танки… Мы на Т-34 и вперёд. Не доезжая до города, кажется Бютцов, спешились. Там были опорный пункт врага. Танки начали вести огонь, артиллерия тоже. Мы за танками на фланге развернулись, открыли огонь и вперёд... не прятались, себя не жалели… К утру город был взят. Наших пленных, женщин наших, русских было очень много. Они на фермах работали…Тяжело смотреть было…».

Кроме других наград Николай Павлович бережно хранит четыре именные благодарности, объявленные приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина и свидетельствующие о мужестве и героизме ветерана:

«от 26 апреля 1945 года за форсирование реки Восточный и Западный Одер, прорыв сильно укрепленной обороны немцев на западном берегу Одера и овладение главным городом Померании и крупным морским портом ШТЕТТИН – всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ»;

«от 27 апреля 1945 года за овладение городами ПРЕНЦЛАУ, АНГЕРМЮНДЕ – важными опорными пунктами обороны немцев в Померании – всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ»;

«от 29 апреля 1945 года за овладение городами и важными узлами дорог АНКЛАМ, ФРИДЛАНД, НОЙБРАНДЕНБУРГ, ЛИХЕН и вступление на территорию провинции МЕКЛЕНБУРГ – всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ»;

«от 3 мая 1945 года за овладение городами БАРТ, БАД ДОБЕРАН, НОЙБУКОВ, ВАРИН, ВИТТЕНБЕРГЕ и соединение с союзными нам английскими войсками – всему личному составу нашего соединения, в том числе и Вам, за отличные боевые действия объявлена БЛАГОДАРНОСТЬ».

В текстах благодарностей представлена значительная часть боевого пути младшего лейтенанта Иванова.

Передовые подразделения 76-й гвардейской дивизии 3 мая вышли к Балтийскому морю и на окраине города Висмар встретились с частями 6-й воздушно-десантной дивизии экспедиционной армии союзников [1].

В городе Висмаре активные боевые действия дивизии после долгого пути к Победе завершились и ее подразделения приступили к несению патрульной службы на побережье Балтийского моря.

До конца 1945 года дивизия находилась в составе Северной группы войск и дислоцировалась на польской территории. Затем Калужская область, Новго-

родская и, наконец, город Псков. В 1946 году прославленная дивизия (за годы войны высокое звание Героя Советского Союза в дивизии получили 50 бойцов, в том числе 9 однополчан Н.П. Иванова, а свыше 12 тысяч награждены орденами и медалям [1]) была преобразована в воздушно-десантную и до своего увольнения в запас старший лейтенант Иванов совершил более сотни прыжков с парашютом.

В 2012 году Николай Павлович делился с курянами своими воспоминаниями о форсировании Одера, последних боях, впечатлениях о союзниках, участии в составе почётного караула во встрече Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери, последующей жизни и службе в органах безопасности [2, с. 5].

После демобилизации в 1948 году, Николай Павлович Иванов работал инспектором пожарной охраны, а с 1949 года продолжил военную службу в органах безопасности, в том числе с 1951 года в Управление МГБ СССР по Курской области.

Рутинная, на первый взгляд, работа оперативника наполнена многими чередующимися конкретными событиями и делами, имеющими значение для целей государственной безопасности. Например, длительной была командировка, связанная с обеспечением государственной безопасности при подготовке и проведении 3–12 апреля 1952 года Международного экономического совещания в Москве.

Страны социалистического лагеря в то время подвергались дискриминационным экономическим мерам воздействия со стороны западных государств, что обусловило необходимость расширения экономического взаимодействия между ними, а также с развивающимися странами. В работе московского совещания приняли участие 680 официальных лиц и специалистов из 49 стран, в том числе Великобритании, Франции, Италии, Дании, Норвегии, Канады, Турции, ФРГ, Японии, Бразилии, Саудовской Аравии, Австралии и др. [7]. Естественно, подобные мероприятия использовались разведывательными органами участвующих стран для достижения своих целей. Выполнение задачи по вскрытию таких попыток потребовало привлечения дополнительного контингента чекистов.

Аналогичная задача была поставлена в 1957 году в связи с проведением в столице СССР VI Международного фестиваля молодёжи и студентов, гостями которого стали более 34 000 человек из 131-й страны мира [4, с. 419–421].

Как вспоминает ветеран-чекист, работа по наружному наблюдению «была крайне ответственной и трудной. Чтобы проследить за действиями подготовленных сотрудников западных спецслужб, надо было, помимо специальных навыков, иметь ещё и редкую выносливость. Аппаратура, которой мы пользовались, была тогда крайне несовершенной, громоздкой, а пользоваться ею приходилось в самых различных условиях: подчас на ходу, в метро, в общественном транспорте. При этом надо ведь не только чтобы объект, которого ведёшь, тебя не заметил, но и покой честных советских граждан нельзя было нарушить» [2, с. 5].

Интересен один случай из практики оперативной работы, который рассказал корреспонденту газеты Николай Павлович: «один объект мне пришлось вести аж до Одессы. Связи нет, деньги кончились, за объектом на Одесском вокзале легковушка подъехала, но и я не отстал. Довёл до места и только на следующий день к обеду передал одесским оперативникам» [2, с. 5].

Одна из последних наград – юбилейная медаль «70 ГОД ВЫЗВАЛЕННЯ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ АД НЯМЕЦКА-ФАШЫСЦКІХ ЗАХОПНІКАУ», которой ветеран награждён за ратные подвиги.

Добавим одно: многочисленные боевые и послевоенные награды и поощрения Николая Павловича Иванова говорят нам о том, что вся его жизнь – пример служения Родине. Жизненный вектор – «вперед» задан в суровые годы войны, а маленькие и большие жизненные победы и служебные достижения – освящены Победой 1945 года, которую он одержал вместе с советскими воинами, со всем советским народом 70 лет назад.

Источники и литература:

1. 237-й гвардейский парашютно-десантный Торуньский Краснознаменный полк // URL: http://sdrvdv.ru/237-j-gvardejskij-parashyutno-desantnyj-torunskij-krasnoznamennyj-polk (дата обращения: 02.09.2015 г.).
2. Блинков А. А начиналось всё в пехоте. К 95-летию органов ВЧК-КГБ-ФСБ // Курская правда. 2012. 6 сент.
3. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1984. 560 с.
4. Гришакова Л.В., Гришаков В.Ю. Подготовка к VI Всемирному фестивалю молодёжи и студентов 1957 г. (на материалах Чкаловской области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета № 16 (135) / декабрь 2011. С. 419–421.
5. Крупенников А.А. Солдатский путь: Воспоминания о жизни и воинском долге // URL: http://aakrupennikov.livejournal.com/605. html (дата обращения: 25.09.2015 г.).
6. Рокоссовский К.К. Солдатский долг. 5 изд. М.: Воениздат, 1988. 367 с. // URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/rokossovsky/25.html (дата обращения: 24.09.2015 г.).
7. Чичкин А. Забытая идея… Без срока давности. К 50-летию международного совещания в Москве «О новом мировом экономическом порядке» // Аналитический журнал «Русский предприниматель. 5–6 (5) июль–август 2002 // URL: http://worldcrisis.ru/crisis/2067705 (дата обращения: 12.09.2015 г.).
8. Официальный сайт Главного государственного управления юстиции Псковской области. Архивное управление // URL: http://archive.pskov.ru/node/480polk (дата обращения: 02.09.2015 г.).

Н.Е. Цепляева

СВЯЩЕННИК М.И. ПОЛИЩУК – ПРИМЕР БЕЗЗАВЕТНОГО СЛУЖЕНИЯ ЦЕРКВИ

Об этом удивительном человеке я впервые услышала от одной очень старенькой бабушки, которой сейчас, к сожалению, уже нет в живых. Звали ее Екатерина Михайловна Волобуева. Именно она рассказала, что в Успенском храме в поселке Медвенка служил батюшка, которого большевики арестовали в двадцатые годы прошлого века, и с тех пор его никто уже никогда здесь не видел. Слова Екатерины Михайловны послужили отправной точкой для моих поисков. К сожалению, других старожилов, которые помнили этого священника, я не нашла, несмотря на то, что я обращалась к жителям с просьбой поделиться воспоминаниями о нем в том числе в своей статье, опубликованной в районной газете. Но у меня было важное свидетельство: пострадавший за веру Христову священник был и звали его отец Моисей. Еще Екатерина Михайловна сообщила, что у отца Моисея были жена и дети. Я задумалась: если они не проживают на территории Медвенского района, можно попытаться найти их адреса.

Следующим моим шагом было посещение паспортного стола: я надеялась там обнаружить хоть какие-то данные о нем самом или его возможных родственниках. К сожалению, они вынуждены были уехать из родного села так давно, что узнать, куда они выбыли, не представлялось возможным. Не было сведений и в местном архиве. Я не знала даже фамилию священника.

Казалось бы, тупик. Но как мне хотелось, чтобы память о верном служителе Церкви не потерялась хотя бы в родном селе! В это же время мне подарили книгу С.Н. Емельянова «Попытки модернизации органов церковного управления Русской православной церкви в условиях религиозной политики государственных органов власти в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.)». И я в ней нахожу ключевую для моих поисков фразу: «Нередко церковнослужителям приходилось довольствоваться содержанием, не соответствующим их сану. Так, прихожане Успенской церкви Медвенской слободы Обоянского уезда на сходе 12 июля 1920 г. постановили закрыть существующую вакансию диакона в приходе из-за бедности жителей слободы. Но направили в Епархиальный совет прошение возвести в сан диакона псаломщика М. Палещука с оставлением за ним в последующем содержания псаломщика» [1, с. 116].

Так появилась важная «нить»: фамилия священника, вероятно, Палещук. Меня поразил его судьбоносный выбор. Это время Гражданской войны, гонений на Церковь, лишения духовенства избирательных прав – священнослужителей так и называли «лишенцы». В 1920 году решиться на то, чтобы, будучи обычным прихожанином псаломщиком, стать священнослужителем – это уже немалое свидетельство веры. Я обратилась к настоятелю храма протоиерею Сергию Васину, который поддержал мое стремление восстановить добрую память о священнике, пострадавшем за веру Христову, и направил запрос о нем в ФСБ РФ Управление по Курской области. Вскоре поступил ответ от

07.06.2006 г. № 10/5-С-350: «Согласно заявления, запрашиваемые Вами архивные данные в отношении Полищук Моисея Иосифовича.

Из материалов дела следует, что Полищук М.И. родился 4 сентября 1888 года, происходит из крестьян Волынской губернии Украина; украинец; поданный РСФСР; до момента ареста проживал в селе Медвенка Медвенского района ЦЧО; служитель религиозного культа – священник при Медвенской церкви; женат, имел 6 детей; беспартийный; лишен избирательных прав в 1918 году; грамотный; окончил духовную семинарию.

Полищук М.И. был арестован 4 июля 1932 года. Обвинялся в том, «что систематически проводил среди населения а/советскую агитацию, направленную к срыву проводимых мероприятий Советской власти и Партии, распускал провокационные слухи о гибели Сов. власти и последующей жестокой расправы над активом».

Постановлением Тройки при ПП ОГПУ по ЦЧО от 27 августа 1932 года за антисоветскую агитацию по ст. 58-10 УК РСФСР заключен в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет.

Реабилитирован Полищук М.И. заключением прокуратуры Курской области от 28 августа 1989 года.

Сведениями о месте отбытия наказания; дате, месте и причине смерти; месте захоронения Полищук М.И. не располагаем. За более подробной информацией рекомендуем обратиться в Главный информационный центр МВД РФ (ГИЦ МВД РФ) по адресу: 117836, Москва, ул. Новочеремушкинская, 67.

Основание: арх-след. дела № П-12615».

Из вышеперечисленного мы узнали очень много информации. Во-первых, арест отца Моисея состоялся не в двадцатые годы, а в 1932. Если к этому прибавить пять лет, то вот он тридцать седьмой год – чудовищный по количеству расстрелянных, замученных жертв репрессий. Интересуясь дальнейшей судьбой отца Моисея, мы сделали следующий запрос. Из ФСБ РФ Управления по Вологодской области нам пришел ответ от 19.02.2007 г. № 10/4 – П-83:

«По материалам архивного дела П-13408, Полищук Моисей Иосифович, 04.09.1888 г. р., уроженец села Цегов Владимиро-Волынского уезда Волынской губ., происходит из крестьян-кулаков, окончил 2-х классное училище в 1909 г., священник, женат, имеет 7 человек детей, семья проживает в Медвенковской [так в тексте. – *Н.Ц.*] слободе ЦЧО, в 1932 г. тройкой ПП ОГПУ ЦЧО по ст.58-10 УК был осужден на 5 лет ИТЛ, отбывал в Темниковских лагерях (ст. Потьма), в 1933 г. освобожден с заменой заключения ссылкой в Северный край на оставшийся срок, которую отбывал в д. Майка Калининского сельсовета Вологодского района Северной (ныне Вологодской) области.

Из заключения по следственному делу: «…Полищук систематически среди местного населения, главным образом колхозников, проводил контрреволюционную пораженческую агитацию, распространял пораженческие слухи о неизбежности гибели Советской власти и колхозов, предстоящем голоде в СССР, подбивал колхозников на бегство в город, опошлял стахановское движение…».

Полищук М.И. был арестован 30.06.1937 г. Вологодским горотделом НКВД. Осужден 17.09.1937 г. тройкой при УНКВД по Севобласти за контрреволюционную агитацию к ВМН – расстрелу. Приговор приведен в исполнение 29.09.1937 г. Сведений о месте исполнения приговора и захоронения в деле не имеется. Полищук Моисей Иосифович реабилитирован 17.04.1989 г. прокуратурой Вологодской области по Указу ПВС СССР от 16.01.1989 г.».

Также была выслана ксерокопия фотографии отца Моисея. Память о нем продолжает жить в сердцах прихожан Успенского храма, в котором молятся за упокой его души. И мне хочется, чтобы как можно больше людей знали о подвиге веры этого человека, о примере беззаветного служения Церкви.

Источники и литература:

1. Емельянов С.Н. Попытки модернизации органов церковного управления Русской православной церкви в условиях гражданской войны (1917–1920 гг.): комплексно-исторический анализ. Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 277 с.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

О.Н. Аргунов

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ РАЗРУШЕННОГО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Изучая проблему восстановления сельскохозяйственной отрасли Курской области в годы и после окончания Великой Отечественной войны, невозможно не обратиться к архивным источникам. С учетом того, что курский регион на протяжении уже нескольких веков является одним из ключевых аграрных районов России, данной отрасли отводится основополагающая роль в развитии экономики области. Соответственно, первостепенное внимание уделялось не только проблеме восстановления сельского хозяйства, разрушенного в годы войны, но развитию данного сектора экономики в целом. Это напрямую отразилось на составе архивных фондов Государственного архива Курской области. Источники по данной теме можно найти в самых различных фондах: начиная от фондов органов государственной власти и самоуправления, заканчивая фондами промышленных предприятий города Курска и области.

Здесь же стоит обратить внимание на весьма важный факт: массив архивных источников по истории восстановления сельского хозяйства настолько огромен, что полностью его изучить, на наш взгляд, не представляется возможным. Поэтому, в «необъятном море» архивных документов, в которых содержится информация о рассматриваемом вопросе, следует выделить «островки» наиболее характерных и типичных материалов, при этом не следует забывать и об уникальных архивных источниках, также находящихся на хранении в фондах Государственного архива Курской области. Исходя из этого, рассмотрение вопроса источникового потенциала фондов Госархива Курской области следует начать с обзора фондов органов государственной власти изучаемого периода.

Наиболее значимым в этом отношении, является фонд Курского областного Совета депутатов трудящихся и его исполнительного комитета (Р-3322). По содержащимся в нем документам можно проследить все особенности восстановительных процессов в сельскохозяйственной отрасли региона, начиная

от первых дней после освобождения региона от немецких захватчиков и заканчивая окончанием восстановления во второй половине 1950-х годов. Фактически, это единственный фонд в Государственном архиве Курской области, по документам которого можно наиболее подробно изучить данное историческое событие.

Также, весьма важным является тот факт, что документы данного фонда отражают события локального характера, которые по каким-либо причинам невозможно проследить в других архивных фондах. Например, события первых месяцев после освобождения Курской области от оккупации (восстановление партийно-государственных структур и колхозно-совхозной системы, подготовка к весеннему севу и к битве на Курском выступе, проведение отселения населения из прифронтовой полосы, уборочная кампания лета – осени 1943-го г. и др.). Ход данных мероприятий можно легко восстановить по различной переписке с высшими органами республиканской и союзной власти, а также с исполнительными комитетами районных и сельских Советов, докладным запискам в облисполком. Так, в материалах 10-й описи фонда облисполкома автору настоящей работы удалось обнаружить весьма интересные документы о возрождении колхозно-совхозной системы на освобожденных территориях весной 1943 г. и первых шагах на пути к восстановлению сельскохозяйственной отрасли: докладную записку председателя Курского облисполкома исполняющему обязанности Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР К.Д. Памфилову «О проводимых мероприятиях по восстановлению хозяйства в освобожденных районах Курской области» [5, л. 81–86 об.]; докладную записку начальника УНКВД по Курской области полковника госбезопасности Аксенова от 11 мая 1943 г. председателю Курского облисполкома В.В. Волчкову «О состоянии районов Курской области, подготовке и ходе весеннего сева» [6, л. 150–153 об.] и др. Эти и еще многие другие документы помогли нам целостно восстановить указанные выше события.

Также данная опись содержит документы, отражающие ход восстановления сельского хозяйства на территории курского региона и в более поздние годы. К примеру, представлено большое количество телеграмм и отчетов в правительство о ходе полевых работ, уходе за посевами, уборке урожая, засыпке семян и т. д. [7, л. 71; 9, л. 221–240; 11, л. 60–68]. Здесь же имеются и весьма интересные документы, отражающее реальное положение области в военный послеоккупационный и послевоенный периоды.

К примеру, записка Г.М. Маленкову, в которой секретарь Курского обкома ВКП(б) П.И. Доронин и председатель облисполкома В.В. Волчков просят выделить области дополнительную зерновую ссуду для весеннего сева и снабжения продовольствием населения колхозов, датированная 17 марта 1945 г. В ней приводится настоящая урожайность зерновых культур в военном «благополучном» 1944-м сельскохозяйственном году: средняя урожайность составила менее 5,0 ц с га [8, л. 13].

Или же еще один довольно интересный документ, который в меньшей степени относится к процессу восстановления сельскохозяйственной отрасли

региона, но показывает объективную картину послевоенной сельской повседневности: решение суженого заседания исполкома Курского областного Совета депутатов трудящихся от 15 мая 1950 г. № 4сс «О ходе работ по разминированию территории районов Курской области», из которого мы узнаем, что даже спустя 5 лет после окончания Великой Отечественной войны еще более 14,3 тыс. га земель остаются не разминированными. Только за 5 месяцев 1950 г. произошло 28 подрывов, в которых пострадало 79 человек, из них 45 погибли, в том числе 41 ребенок [12, л. 21–23]. Ужасные цифры, которые с каждым последующим годом становились все меньше, но не менее страшными.

Иногда в документах, которые, казалось бы, имеют косвенное отношение к изучаемой проблеме, можно обнаружить весь важные сведения. Так, из справки о накоплении навоза на животноводческих фермах на 1 октября1954 г. мы узнаем восстановленное поголовье скота по Курской области в новых граница в то время как в типовых документах (сведениях и отчетах) по данному вопросу конкретных цифр не приводится [10, л. 373–374].

Однако главную значимость документы данной описи представляют потому, что именно в них содержатся итоговые цифры по восстановлению аграрной отрасли Курской области: это годовые сводные отчеты о хозяйственной и финансовой деятельности колхозов и совхозов региона [например: 13, л. 130–139]. Они позволяют нам сделать объективные выводы о ходе восстановительных работ в сельском хозяйстве, и каких результатов смогли добиться курские колхозники в этом нелегком деле.

Не менее интересные документы общего характера, раскрывающие специфику восстановления аграрной отрасли региона, были обнаружены автором в описях №№ 25, 26, 27 того же архивного фонда. Они также представляют интерес для нашего исследования, т. к. в них содержится большое количество важной статистической информации и общесоюзных документов, на основании которых местные власти осуществляли восстановительную политику в регионе. К примеру, «Государственный план развития сельского хозяйства на 1943 г.» [14, л. 1–82]. Материалы, содержащиеся в архивных делах описи № 27, помогают нам понять особенности финансирования восстановления сельскохозяйственной отрасли [15, л. 40–40 об.]. Благодаря анализу этих документов мы приходим к выводу о том, что помимо «выкачивания» денег из колхозов для восстановления разрушенной промышленности, государство практически ежегодно списывало большое количество колхозных долгов, понимая трудное положение данной отрасли народного хозяйства.

Отдельно стоит сказать о документах, содержащихся в описях № 22 и 30 архивного фонда «Курский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет». В них находятся на хранении протоколы сессий областного Совета депутатов трудящихся, по которым мы можем проследить, какими путями шло развитие отрасли, какие меры предлагались для решения насущных проблем, и как руководство области находило выходы из различных кризисных ситуаций; а также решения облисполкома, которые позволяют нам понять особенности руководства сельским хозяйством в изучаемый период со

стороны областного государственного аппарата. Весьма примечательными в этом плане являются протоколы XV-й сессии Областного Совета депутатов трудящихся, на заседаниях исполкома которой партийно-государственное руководство области пыталось выработать единый механизм действий в условиях засухи весны – лета 1946 г. и ее последствий [16, л. 2–20]. Можно сказать, что принятые решения являются историческими, т. к. они во многом определили дальнейший ход развития сельского хозяйства Курской области в оставшиеся годы пребывания у власти И.В. Сталина.

Но в то же время данный фонд не в полной мере отражает ситуацию в курской деревне. Более подробно узнать ситуацию в районах, отдельных сельских советах и колхозах нам помогают архивные фонды районных Советов депутатов трудящихся и их исполнительных комитетов. В них содержится самая разнообразная информация: от протоколов заседаний исполкомов райсоветов и их решений, являющихся типичными документами для данных фондов [17, л. 1–27 об. и др.], до годовых отчетов сельсоветов и колхозов, содержащие подробные статистические данные о состоянии хозяйства в изучаемый период [26, л. 1–94 и др.].

Документы этих архивных фондов отражают такое практически неизученное в Курской области историческое явление, как выселение колхозников «в отдаленные места Родины» во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. «О выселении лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в колхозах и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни», согласно которому выселялись не только «тунеядцы», «лодыри», «бездельники», «фашистские прихвостни и пособники», но и зачастую больные люди, по различным объективным причинам не имеющие возможности принять участия в колхозном труде. Приведем пример.

В архивном фонде «Горшеченский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» имеется копия общественного приговора колхозников сельхозартели имени Орджоникидзе Ключевского сельсовета от 25 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны члена сельхозартели им. Орджоникидзе Костину Марию Алексеевны рождения 1908 года», в которой значится следующее:

«Костина Мария Алексеевна ведет паразитический антиобщественный образ жизни, занимается спекуляцией [и] продажей валенок и принимает заказы на валенки.

Занимается побочными доходами к тому же колхозам давала весной в 1947 году хлеб взаимообразно, а получала в двойном размере, этим самым наносила ущерб колхозам. Занималась самогоноварением.

Во время переписи скота скрыла в своем личном хозяйстве двух овец, за что привлекалась общественным судом к ответственности. Незаконно пользуется 0,5 га огорода, в то время когда положено 0,25 га после раздела их семьи.

В колхозе перед оккупацией района стащила колхозную пасеку и до сих пор ее не возвратила, имея 10 старых ульев. В колхозе стащила селе строевой лес, соху, хомут, которые были обнаружены и отобраны в 1944 году.

В колхозном труде работает только на штатных выгодных для нее колхозных работах, а в этом году дали ей участки свеклы и подсолнечника, они у нее погибли, так как в решающие дни ухода за посевами она уехала спекулировать в Донбасс, а после, чтоб скрыть свое преступление наняла колхозников, которые обработали ее участки от сорняков, за что ей записали трудодни. Она как лодырь видна из-за того, что в ответственные дни весеннего сева в колхозе не работала, в мае имеет только 4 трудодня, за 15 дней июня – 5 трудодней.

При немецкой оккупации активно помогала немцам – была бригадиром и, кроме того, собирала продукты для немецкой армии.

Семья раскулачивалась – муж ее и свекор в 1937 году сосланы как враги народа. Костина своим антиобщественным поведением подрывает колхоз и труд честных колхозников, исходя из чего и на основании Указа Президиума Верховного Совета, общее собрание колхозников постановило Костину Марию Алексеевну 1908 года рождения, как врага колхозного строя и честных колхозников выселить в отдаленные районы страны сроком на 8 лет.

Просить Исполком Горшеченского Райсовета депутатов трудящихся утвердить настоящее постановление» [18, л. 7].

А вот примеры неправильного выселения, обнаруженные в архивных фондах «Дмитриевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет» и «Солнцевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет»: так, по решению исполкома Курского облсовета от 26 апреля 1951 г. № 645 «Решение Исполкома Дмитриевского райсовета депутатов трудящихся от 9 февраля 1951 г. по вопросу выселения за пределы области гр. Лобанковой Анны Петровны» вышеуказанная гражданка могла вернуться на прежнее место жительства, т. к. «проверкой, произведенной райисполкомом, установлено, что Лобанкова А.П. 1927 года рождения, работала в сельсовете счетоводом, после увольнения выезжала из района для подыскания работы по специальности, а, возвратясь домой, работала в колхозе, выработанные же трудодни записывались на ее младшую сестру» [19, л. 1]. Или же решение исполкома Солнцевкиго райсовета от 13 июля 1918 г., исходя из которого решение о выселении Соклаковой Марии Сергеевны 1900 г. р. из колхоза «Путь к социализму» Коровинского сельсовета было признано неправильным, в связи с тем, что колхозница уже давно болела и была признана инвалидом (туберкулез легких) [20, л. 46].

И подобных примеров как обоснованного выселения, так и необоснованного в архивных фондах районных органов исполнительной власти несколько сотен, и их список вряд ли исчерпывающий.

Стоит отметить, что реализация данного Указа в курском регионе в некоторой степени повлияла на темпы восстановления и развитие сельскохозяйственной отрасли: была укреплена трудовая дисциплина, а сельская среда очищена от антиколхозных и антиобщественных элементов.

Борясь за укрепление колхозного строя, высшее руководство страны искало меры воздействия на колхозное крестьянство и руководство колхозов и местных органов власти, чтобы искоренить бесхозяйственное отношение к общественному имуществу в сельской среде. Опыт показывал, что только жесткие административно-командные меры давали реальные результаты в этом деле, исходя из этого 19 сентября 1946 г. было издано совместное постановление Совета Министров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) № 2157 «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» [27, с. 336–341], на основании которого был создан Совет по делам колхозов во главе с А.А. Андреевым, имевшим своих представителей в каждой области. Той же осень в Курской области появился представитель по делам колхозов при Правительстве СССР. Представителем Совета был изначально был Н.С. Захаров, позднее им стал А.С. Шамшин. Документы, освещающие деятельность данного контролирующего органа, находятся на хранении в Государственном архиве Курской области (фонд Р-4821).

Типичными документами для вышеуказанного архивного фонда являются различного рода справки о состоянии дел в колхозах и МТС Курской области, такие как, к примеру: «О неудовлетворительном выполнении Постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 года в Беловском районе, Курской области» [25, л. 14–22], «О проверке выполнения договоров МТС в колхозах Щигровского района» [21, л. 1–4], «О состоянии с подготовкой колхозных кадров» [22, л. 6–18] и др. Подобные документы имеются практически по каждому району Курской области в границах до 1954 г., что особенно важно для нашего исследования: мы можем воссоздать целостную картину положения дел в сельском хозяйстве курского региона, т. к. даже типичные документы данного архивного фонда представляют практически все проблемы, имевшиеся в аграрном секторе экономики области во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Большой интерес также представляют документы о передовых хозяйственных достижениях колхозов в период подъема производства (1947–1948 гг.): в них подробно описываются не только количественные показатели передовых колхозов, но и качественные характеристики методов ведения хозяйства, а также последующее их распространение на другие колхозы региона [23, л. 2–40, 50–68, 97–102, 141–147 об., 192–209, 276, 309–325, 351–361, 448–462, 484–190, 501–512, 516–517]. Все эти документы по-своему уникальны, т. к. они практически в полной мере отражают процесс начала интенсификации сельскохозяйственного производства в конце 1940-х гг.

Также в поле зрения нашего внимания попал один документ, находящийся на хранении в данном фонде: это справка о расписании рабочего дня (21 марта 1950 г.) бригадира четвертой бригады колхоза имени Сталина Медвенского района М.Г. Черникова. Считаем целесообразным привести в настоящей работе ее полный текст:

«Рабочий день бригадира 4-й бригады начинается с 5 часов утра, к этому времени он является на базу бригады, проверяет состояние тягла и работу конюхов.

К 6 часам утра на базу приходят колхозники – члены данной бригады и бригадир дает им наряды на работы.

21 марта наряд был следующий:

11 человек (называет фамилии) были назначены на работы по заготовке камня. 3 человека, при одной паре волов, должны подвезти сено на МТФ, 12 человек получили работу по уборке свежего навоза, им дается две пары волов.

13 человек получили наряд на подкормку озимых и 1 человек на подвозку конского навоза в парники. Распределение людей на работу заняло у бригадира примерно 1 час.

После наряда в 7 часов утра люди отправляются на завтрак и через час все расходятся, каждый на свою работу.

Примерно в 9–10 часов утра бригадир после завтрака идет в поле, где производится работа по подкормке озимых и остается там до 2-х часов дня, проверяет, как выполняется работа и дает необходимые указания.

После обеда, примерно в 3 часа дня, бригадир снова идет на базу, а через час он вторично идет в поле, проверяет и принимает от каждого члена бригады выполненную работу по подкормке озимых, записывает себе в блокнот для назначения трудодней.

К 6–7 часам вечера бригадир приходит в правление колхоза и дает сведения бухгалтерии о выполненных работах за день.

В 8–9 часов вечера бригадир докладывает председателю колхоза о работе за истекший день, получает наряд на следующий день и на этом рабочий день бригадира заканчивается» [24, л. 20]

Как мы видим, документы материалы архивного фонда «Представитель по делам колхозов...» наиболее полно отражают различные аспекты не только политики восстановления аграрного сектора экономики Курской области, но и показывают основные вехи политики партии и правительства в деревне во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг.

Не меньший интерес для нас представляют документы архивного фонда «Областная плановая комиссия исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся» (Р-3272), которая содержит статистические материалы, характеризующие развитие сельского хозяйства на протяжении всего изучаемого периода. Это и годовые планы и отчеты о состоянии отрасли [например: 1, л. 2–4], сведения о посевных площадях, урожайности, валовых сборах урожая и наличии скота как по колхозам, так и по всем категориям хозяйств [например: 2, л. 62–67, 86–92], пятилетние планы развития народного хозяйства региона (аграрной отрасли в частности) [3] и итоговые показатели пятилеток [4] и пр. Данные документы обеспечивают нас достаточно точными статистическими данными, на основании которых мы можем делать вполне объективные выводы не только о характере восстановительных процессов в

сельском хозяйстве Курской области, но и о развитии аграрного сектора экономики в целом.

Достоин внимания и следующий факт: это лишь малая часть тех источников по истории восстановления разрушенного в годы Великой Отечественной войны сельского хозяйства Курской области, которые находятся на хранении в Государственном архиве Курской области. Нам еще предстоит изучить материалы фонда «Сельскохозяйственного управления исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся» (Р-3861) и многих других профильных и непрофильных фондов.

Резюмируя вышесказанное, и беря во внимание тот факт, что на хранении в Государственном архиве Курской области находятся документы сельских Советов нашего региона, МТС, промышленных, транспортных, коммунальных предприятий, учреждений образования, которые активно помогали в восстановлении аграрного сектора экономики области, источниковый потенциал по изучаемой теме можно считать практически неисчерпаемым, а всеобъемлющее и детальное его изучение займет еще не один десяток лет. Однако представленные в настоящей работе источники могут в полной мере дать объективное представление о восстановительных процессах в сельском хозяйстве и послужить основой для дальнейшего многолетнего исследования данной темы.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-3272 (Областная плановая комиссия исполнительного комитета Курского областного Совета депутатов трудящихся). Оп. 2. Д. 5.
2. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 24.
3. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 72.
4. ГАКО. Ф. Р-3272. Оп. 2. Д. 100.
5. ГАКО. Ф. Р-3322 (Курский областной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 10. Д. 5.
6. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 6.
7. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 65.
8. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 110.
9. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 123.
10. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 262.
11. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 270.
12. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 276.
13. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 10. Д. 320.
14. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 26. Д. 7.
15. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 27. Д. 18.
16. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 30. Д. 10.
17. ГАКО. Ф. Р-3913 (Беловский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 2.

18. ГАКО. Ф. Р-3922 (Горшеченский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 2. Д. 4.
19. ГАКО. Ф. Р-3924 (Дмитриевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 371.
20. ГАКО. Ф. Р-3947 (Солнцевский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 3. Д. 86.
21. ГАКО. Ф. Р-4821 (Представитель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Курской области). Оп. 1. Д. 2.
22. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 9.
23. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 37.
24. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 78.
25. ГАКО. Ф. Р-4821. Оп. 1. Д. 80.
26. ГАКО. Ф. Р-5368 (Верхнелюбажский районный Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет). Оп. 2. Д. 48.
27. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 5 т. 1917–1967 гг. Сб. док-тов за 50 лет. М., 1968. Т. 3.

И.С. Ефремова

О ПОДГОТОВКЕ ГУБЕРНИИ К ПРОЕЗДУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ ЕКАТЕРИНЫ II

Материалы Курского наместнического правления

После заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора Османская Империя находилась в крайне тяжелом положении. Не взирая на усилия Франции, заинтересованной в сохранении политического влияния Турции на востоке, финансовое состояние Порты, раздираемой внутренними противоречиями, было катастрофическим [1, с. 1–2]. Мирный договор с султаном, закрепленный дополнительными соглашениями 1779 г., не обеспечил ожидаемой стабильности. Турецкие власти неоднократно осложняли движение российского флота через черноморские проливы; в Буковине и Крыму периодически возникали вооруженные провокации. Присоединение Крымского полуострова 1783 г. имело целью обезопасить границы империи от ежегодных татарских набегов и, вместе с тем, обеспечить надежный плацдарм для укрепления позиций на черноморском побережье [2, с. 386–388].

Начиная с 1784 г., российский императорский двор фактически готовился к очередной военной кампании. Пользуясь временным ослаблением Порты, Екатерина II стремилась обеспечить соответствующий военный потенциал страны (строительство крепостей вдоль южных границ, укрепление флота) и заручиться поддержкой в Европе [5, с. 1–6]. С начала 1780-х гг. между Россией

и Австрией фактически оформился антитурецкий альянс, негласно одобряемый Пруссией. Административные преобразования и грандиозное строительство, развернутые в Новороссии «Великим князем Таврическим» также вызывали опасения турецких властей, одновременно порождая массу слухов [4, с. 572–589]. Как когда-то с целью ознакомления с новоприсоединенными белорусскими землями Екатерина II организовала путешествие в Могилев, так и Крымский полуостров нуждался в императорской ревизии [2, с. 392–400].

С середины 1780-х гг. по предложению Великого князя Г. Потемкина было решено приступить к подготовке путешествия императрицы из Санкт-Петербурга в Крым. В политико-экономическом аспекте «крымский вояж» должен был разрешить несколько важнейших вопросов. Помимо общей оценки состояния флота и степени укрепления границ императрицей было запланировано несколько встреч с европейскими государями, имевших целью обсуждение дальнейших действия против Османской Империи [3, с. 173–175].

Предполагаемый маршрут растягивался на 5 657 верст. На всем пути следования в вечернее время дороги освящались огнями; императорский кортеж сопровождался всадниками с факелами. Из казны было выделено более 10 млн руб. на строительство дворцов, ночлегов, обеденных мест, реконструкцию дорог и мостов, обеспечение провиантом лошадей и обслуживающего персонала на станциях. Подготовка в финансовом и исполнительном аспектах строго контролировалось Правительствующим Сенатом и чиновниками местной администрации [1, с. 7–11]. Регламентировался церемониал встречи императрицы. О приезде Екатерины II в город возвещали колокольный звон, пушечная пальба, фейерверки и иллюминации. Вдоль улиц, через которые следовала процессия, с хлебом-солью стояли городские начальники, духовенство, члены Присутственных мест, учащиеся народных училищ. Императорская свита составляла около трех тысяч человек. Кортеж включал 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 запасных саней. В общей сложности путешествие длилось с января 1787 г. до 11 июля. Обратный путь в столицу пролегал через Полтаву – Харьков – Курск – Орел – Тулу – Москву. Провожали и встречали императрицу под колокольные переливы Казанского Собора [5, с. 28, 32, 34, 35, 45, 50, 51].

Итог путешествия превзошел все ожидания. Взору императорской особы предстала «возмужавшая», окрепшая в надежных руках Потемкина Новороссия. Хотя официально «екатерининский вояж» провозглашался как увеселительное мероприятие для развлечения императорского двора, он полностью выполнил свое истинное, политическое, назначение. Посредством встреч со Станиславом Понятовским и Иосифом II императрица убедилась в политической стабильности своего «европейского тыла» в случае войны с Портой. Последняя в свою очередь не заставила себя долго ждать. 16 августа 1787 г. Турция объявила Австрии и России войну [2, с. 406–418].

Публикуемые документы хранятся в Ф. 26 «Курское наместническое правление» Государственного архива Курской области и относятся к разряду особо ценных. Публикация осуществляется по подлинникам в соответствии с современными грамматическими и синтаксическими нормами.

Публикацию подготовила главный палеограф отдела научно-справочного аппарата И.С. Ефремова.

№ 1

Копия

Господин генерал-поручик Кличка.

Предпринятое нами путешествие для осмотра разных губерний положили Мы с помощью Божиею исполнить в январе будущего 1787-го года; вследствие чего дан указ Наш Сенату о поставке для проезда Нашего потребного числа лошадей по новой Порховской дороге через Смоленск, Мстислав, Новгород Северский, Чернигов, Киев, откуда шествие Наше до Екатеринослава будет водою; от Екатеринослава же через Херсон в область Таврическую и возвратно через Черкаск, Бахмут, Тор, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Тулу и Москву. Доставляя при сем маршрут, уверены Мы, что со стороны вашей все потребные приготовления и распоряжения к выгодному проезду Нашему учинены будут. Пребываем в прочем вам благосклонны.

Подлинный подписан собственною Ея Императорского Величества рукою тако:

Екатерина.

С подлинника читал коллежский асессор Павел Типленков.

В Санкт-Петербург
Марта 2. 1786.

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 34

№ 2

Генерала поручика правящего должность Орловского и Курского генерал-губернатора и кавалера Клички Курскому наместническому правлению предложение.

Каково имел я счастье получить высочайший Её Императорского Величества от 2-го марта рескрипт касательно предпринятого Её Величеством путешествия для осмотра разных губерний, а оного равно тех маршрутов влагаю списки, из коих наместническое правление усмотрит, что высочайшее путешествие воспоследует из Карпова через Курскую губернию в Орел, по чему и помещаю правлению предложить, дабы пролегающая от Харьковской до Орловской губернии через прописанные в маршруте города и селения дорога была в наилучшее приведена состояние, мосты и гати исправлены бы были со всевозможнейшею удобностью к проезду, на буграх и горах снято бы было столько земли, сколько потребно для выгодного проезда. В чем предписать земским ис-

правникам, уездным землемерам и предводителям, с тем чтобы исправники, согласясь с предводителями, сделали предложение исправить то жителям казенных и владельческих селений и нужными к тому с тех селений материалами, исполнив все то в течение нынешнего лета, но в свободное от крестьянской работы время. Касательно же мостов, зависящих исправлением от Казенной палаты, об оных не оставлю я даже особенного предписания помянутой палате. Притом исправники и землемеры уведомили бы правление, где на назначенных станциях имеются помещичьи дома и оным бы приложили планы, и где таковых нет.

Марта 16 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 33

№ 3

Копия

Господин генерал поручик Кличка.

Из приложенного при сем расписания станов для предпринимаемого нами путешествия усмотрите и ночлеги; а в доставляемых тут же чертежах и найдете, какие в оных местах дворцы путевые примерно достаточны быть могут. Строение оных предполагается в тех единственно местах, где неудобно воспользоваться обывательскими домами; где же назначены станы для перемены иметь, по летнему времени, по одному или по два чистых покоев, или шалашей, или палаток. О потребной сумме на содержание означенных дворцов не оставить заблаговременно снестись с нашим действительным статским советником и генерал-прокурором князем Вяземским, дабы о назначении ее не умедлить дать наше повеление. В прочем уверены мы, что вы не оставите путь сократить все возможное хозяйство, пребывая вам благосклонны.

На подлинном подписано собственной Её Императорского Величества рукою тако

Екатерина

Мая 6 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 71–73.

№ 4

26 мая 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички Курскому наместническому правлению предложение

Из полученного мною с нарочным эстафетом высочайшего именного Её Императорского Величества повеления с приложенным при том расписанием станций с назначением обеденных столов, ночлегов и пребывания Её Императорского Величества и с примерных чертежей, какие могут быть в тех местах достаточны путевые дворцы препровождаю при сем копии. Из коих благоволит наместническое правление усмотреть, что по тракту высочайшего в Курской губернии путешествия, кроме Курска, назначены в уездном городе Белегороде ночлег и обед. Вместо постоялого двора в Красном кургане ночлег, в Медвяном Колодезе обед и в Ольховатых ночлег и так для ночлегов три, а для обеда один дворец должно построить по образу чертежей, при сем в копии вставляемых. То приложенную наместническому правлению посредством нижних земельных съездов дать знать близ живущим тех мест дворянам, а особливо кои лесом запасены, не согласятся ли они приступить к построению прописанных путевых дворцов. Где же перемены одни лошадей назначены и господских домов там нет, как мне только известно об одном в Обояни господина Сафонова доме, то я надеюсь, что близ живущие от тех мест господа дворяне, изъясненные в высочайшем повелении построить домики или поставить шалаши, или палатки, о чем правление заблаговременно и долженствует наведаться об их соглашении, что тем удобные исполнить посланную ныне по поводу положения в высочайше пожалованной грамоте оные находятся в собрании в Курске. Еже ли бы охотники к построению вышеизъявленных путевых дворцов не сыскались, тогда приказать архитектору, учиняя смету с ценами, доставить ко мне с пополнением, сколько всей суммы на построение оных дворцов и снабжение потребными против описания мебелями неудобно будет. Стараясь искупить потребное число материалов еже ли в Курской губернии почему-либо неудобно, то хотя с поставкой из Орловской.

Мая 23 дня 1786 года
Орел

Таблица 1. Станции, подлежащие оборудованию обеденными столами, ночлегами и местами отдыха

Число станций		Версты	Назначение обеденных столов, ночлегов и отдохновения
	губернский город Харьков	28	ночлег и пребывание сутки
	Борщева	25	
	Черемошное	25	обед
	город Белгород	24	ночлег и обед
	постоялый двор Озерова	21	
	постоялый двор Ильинского	24	ночлег
	Обоянь	25	
	Медвяной Колодезь	25	обед
	постоялый двор Селихова	18	
	губернский город Курск	16	ночлег день и обед

Число станций		Версты	Назначение обеденных столов, ночлегов и отдохновения
	Курасово	15	
	Усороковаго Колодезя	25	
	Ольховатое	21	ночлег
	Очки	17	
	Борисоглебская	23	обед
	Хотетово	24	
	губернский город Орел	25	ночлег день и обед
	Квасовская на Обтухе	17	
	Железница	17	
	город Мщенск	19	ночлег
	Шушинские постоялые дворы	15	
	Большое Скуратово	15	обед
	Малое Скуратово	20	
	Сергиевское	22	ночлег
	Лопатово	17	
	Колпна	21	
	губернский город Тула	23	обед, ночлег и день

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 90–91.

№ 5

Получено 22 июня 1786 года
Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички
Курскому наместническому правлению предложение

По поводу высочайшего повеления об устроении для шествия Её Императорского Величества путевых дворцов по произведении торгов с объявившими желание взять на себя постройку оных здешними купцами Вязмитиновым, Бутовым и господином надворным советником Переверзевым заключены надлежащие контракты, и велено производить строение, дабы оное совершено могло быть будущего года к последним числам апреля месяца; но дабы действие сей работы с надлежащею прочностью и благоуспешностью было производимо, препоручить сие наблюдению и смотрению, касательно строящегося в Ольховатке дворца – губернскому архитектору и Строенной экспедиции асессору, которые и будут иметь присмотр, непреложно кому время позволит. Строящейся же по новой дороге близ Ивинского хутова – губернскому землемеру, который находясь там при исправлении дорог и прочего ему порученного и надле-

жащий за строением присмотр иметь будет, как равно и за производимою пристройкою в Медвяном Колодезе. О чем и благоволит наместническое правление сообщить казенной палате.

Июня 20 дня 1786 года
Село Уколово

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 97–97 об.

№ 6

Получено 6 июля 1786 года
Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички
Курскому наместническому правлению предложение

Курской округи деревень Долгой и Тазовой экономические крестьяне доносили мне, что они подлежащее с них число фашин и бревен для исправления по Курской округе дороги к Высочайшему Её Императорского Величества шествию выставили, хотя же и работники от них назначенные отряжены, но колику они по причине исправления ими дороги, лежащей от Курска на Коренную, чувствуют против прочих отягощение, просили об освобождении отряженных из их селений работников моего предписания, а как небезызвестно мне, что исправляемая ими коренская дорога немалого стоит труда к спомоществованию же Курской округи в приведении большой дороги в исправность назначены рабочие люди и из других уездов, то и нахожу я их просьбу достойною уважения. Чего для и рекомендую Курскому наместническому правлению сделать свое распоряжение, касательно освобождения прописанных селений от поставки работников к исправлению большой дороги, дабы они в рассуждении исправляемых ими переправ не были излишне против прочих отягощаемы.

Июля 4 дня 1786 года
Уколово

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 102.

№ 7

Получено 24 августа 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского

генерал-губернатора и кавалера Клички
Курскому наместническому правлению предложение

По поводу отнесенного Черниговским в Орловское наместническое правление требования, касательно сделания для извозчиков, кои наряжены будут на станции с лошадьми к высочайшему Её Императорского Величества шествию платья цвета, присвоенного наместничествам. Орловское наместническое правление при предписании своего мнения просило моего об оном разрешения. Вследствие чего и дал я оному предложение, дабы платья для извозчиков сделано было цвету Орловского наместничества с тем, что уже не при каждой паре, но при трех лошадях один человек должен быть, дабы облегчение обывателям поставкой лошадей обязанным делаемое умалением числа извозчиков заменило одеяние и их цветное платье. К постановлению же единообразного по сей части во вверенных мне губерниях распоряжения предлагаю Курскому наместническому правлению, дабы благоволило дать свои замечания судам и городничим об извещении поставщиков лошадей уже не для каждой пары, но для трех лошадей было наряжено один человек, здоровый и в езде знающий, которого и снабдить одеждою: кафтаном красным, с голубыми отворотами, – сделав оное их простого русского сукна. Об исполнении чего городничие и нижние земские суды надлежащее возымеют наблюдение. Одеяние в одинаковое платье этим почитаю я благопристойнее, что и короне принадлежащие жители здешней губернии по сделанному указанною палатою распоряжению, через сие правление исполняемому, будут уже снабжать оным наряжаемых от себя извозчиков.

Августа 24 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 134–134 об.

№ 8

Получено 25 сентября 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского
генерал-губернатора и кавалера Клички
Курскому наместническому правлению предложение

Орловское наместническое правление по требованию моему доставило ко мне расписание, на какой именно станции должны быть выставлены назначенные из Курской губернии для высочайшего Её Императорского Величества шествия лошади и именно: Малоархангельской округи село Очки 550 лошадей, в село Борисоглебское 550 лошадей и Мценской округи село Котятово 461 лошадь. Вследствие чего, уведомляя о сем Курское наместническое правление, рекомендую при отправлении наряженных из Курской губернии лошадей в Киевское и Новгородсеверское наместничества приказать, дабы сии лошади по

проезде Её Императорского Величества в Киев следовали оттуда прямо в Орловскую губернию на прописанные станции.

Сентября 25 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 154.

№ 9

Получено 19 октября 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички Курскому наместническому правлению предложение

Правительствующий Сенат от 17-го минувшего сентября по поводу представления Могилевской казенной палаты, касательно назначения суммы на приготовление провианта и фуража для продовольствия будущих на станциях лошадей и при них людей по случаю высочейшего Её Императорского Величества шествия предписывает мне между прочим, что ежели у обывателей близ назначаемых для высочайшего шествия станций живущих окажется в припасах недостаток, тогда неминуемо должно заготовить оные от казны, а по сему и должно собрать сведения, как о количестве, так и о цене провианта и фуража у обывателей имеющегося, по коим ежели необходимо надобность окажется, казенная палата приступила бы заблаговременно к заготовлению провианта и фуража необходимо нужного количества, употребя на то потребное число из состоящих в наличности. Что же касается на обратном пути лежащих губерний, хотя в расписании о станциях точно и не показано, когда благоудобно будет Ея Величеству начать возвратной путь через оные, а при том неизвестно, в какое время с первой дороги на другую лошади переведены будут, но при всем том не нужно кажется заготовлять во оных губерниях прежде, пока господа начальники губерний получат уведомления о переводе к ним лошадей. По поводу сего Ея Императорского Величества указа рекомендую наместническому правлению. 1-е, собрать от нижних земских судов сведения, какие назначены где для помещения лошадей и будущих при них людей селений и где имеются и в каком расстоянии для пастбищ удобные места, каковые сведений и касательно

городов на пути лежащих истребовать от городничих. 2-е, есть ли из близ живущих к станциям охотники взять на себя поставку нужного для продовольствия лошадей и людей фуража и провианта и по каким именно ценам и, собрав оные сведения, доставить казенной палате, уведомив при том, на каких станциях сколько и из какой губернии в здешнюю назначено поставить лошадей и сколько на какие именно станции в другие губернии из Курской должно отправить, дабы де казенная палата могла по тому о заготовлении провианта и фуража надлежащие со своей стороны сделать распоряжения.

Октября 16 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 176–177.

№ 10

Получено 30 октября 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички Курскому наместническому правлению предложение

Правительствующий Сенат на представления мои, касательно ассигнования суммы на сделание для шествия Её Императорского Величества через вверенные мне губернии по тракту мостов и на исправление перевозов указом от 8 октября предписывает мне, чтобы исчисленную в представлении Курской казенной палаты на построение мостов и прочего, и именно в Курской округе чрез реку Сем [Сейм. – *И.Е.*] двух мостов и при них частей и одного парома – 2220 рублей, в Белгороде чрез реку Везелку на мост – 467 рублей 50 копеек, на чати – 1400 рублей, чрез реку Донец – 411 рублей 40 копеек, в Обояни чрез реку Псел на мост – 748 рублей, на гати – 3050 рублей. Сумма употреблена была из имеющейся в Курской губернии строительной, стараясь всемерно, чтоб в таковых издержках предотвратить всякое излишество и дабы все построение производимо с прочностью, что и подлежит бдению указанной палате; что ж подлежит до отпуска на исправление во всей губернии мостов и перевозов, то по собрании из всех губерний нужных к тому сведений последует решение впредь, а между тем, как прежде на таковые надобности каждогодние были отпуска денег, так и ныне то ж самое происходит, следовательно и должно казенным палатам стараться, чтоб не выходить из ассигнуемой им суммы, разве какая чрезвычайность, когда востребует. Вследствие чего и рекомендую наместническому правлению, снесясь в сумме с казенною палатой, сделать надлежащее во исполнение указа Правительствующего Сената распоряжение.

Октября 26 дня 1786 года

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 180–180 об.

№ 11

Получено 30 октября 1786 года

Генерала поручика, правящего должность орловского и курского генерал-губернатора и кавалера Клички Курскому наместническому правлению предложение

По поводу высочайшего Ея Императорского Величества благоизволения на предпринятие в последующем годе путешествия для осмотра разных губерний правлению известно, что и Курское наместничество при возвратном Её Величества пути будет осчастливлено высочайшим чрез оное проездом. Восхитительные чувствования столь возжеланнейшее прибытие объемлющие ни чем более изъявлены быть не могут, как исправлением всеми служения своего с усердием, верностью и следственно приведением в надлежащую исправность порученной каждому части. Я не оставил в данных от меня 30 марта уголовного суда и гражданской палатам предложениях напомнить об одном: ныне желаю, дабы правление обратило на производство дел во всех ему подчиненных местах свое внимание и требовало, чтобы всем приходящее служение трудоборной об окончании дел неусыпностью жертвовало благоугожению Всемилостивейшей государыне. Оставаясь в полной надежде по всевысочайшему Её Величества прибытию зреть везде достойные оного успехи в служении каждого, ласкаюсь иметь удовольственную тогда обязанность отдавать померную трудам каждого справедливость. Что представляю оному времени. Предлагаю наместническому правлению прекратить дотоле относимые ко мне о награждении чинами представления, сообща об оном равномерного и в палатах исполнения.

Октября 27 дня
Орел

ГАКО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 181–181 об.

Источники и литература:

1. Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в полуденный край России в 1787 году // Журнал Министерства народного просвещения. 1872. Ч. CLXII.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. СПб, 1885.
3. Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959.
4. Исабель де Мадариага. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002.
5. Лефорт А.А. История царствования государыни императрицы Екатерины II. Книга IV. М., 1838.

А.А. Сойников

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ (1960-е – 1970-е гг.): НА МАТЕРИАЛАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Тема развития культурно-просветительной работы в 1960-е – 1970-е гг. на протяжении десятилетий была предметом исследования в исторической и обществоведческой науке. В результате появились различные направления изучения культурно-досуговой сферы, сформировались соответствующие подходы и школы. Правда, историков советского времени привлекали преимущественно положительные аспекты работы учреждений культуры. С начала 1990-х гг. интерес к проблеме значительно снизился. Тем не менее, часть историков и обществоведов продолжает исследование вопросов истории культурно-просветительной работы. Разработка новых подходов к их изучению требует поиска и введения в научный оборот архивных документов. Это в полной мере относится и к исследованию истории культурно-просветительной работы в Курской области в 1960-е – 1970-е гг.

Основная масса источников по указанной теме сосредоточена в Государственном архиве Курской области (ГАКО).

Архивные документы по данной проблематике обладают рядом особенностей. Во-первых, они всегда открыты исследователям и не содержат так называемых «закрытых» тем. В этом состоит их отличие от документов политического, социально-экономического, научно-технического и другого характера, многие из которых остаются недоступными для изучения. Во-вторых, архивные материалы в целом адекватно отражают реалии развития культурно-просветительной работы в Курской области в рассматриваемый период. Наиболее явственно это обнаруживается при сопоставлении их с опубликованными документами. Последние нередко приукрашивали действительность, давали искаженную картину происходивших процессов, избегали постановки насущных проблем. В-третьих, для содержательного аспекта архивных источников по данной проблеме в целом характерна позитивная направленность, созидательный характер.

Архивные документы можно классифицировать по следующим группам.

Первую составляют документы Курского облисполкома (фонд Р-3322), областного управления культуры (фонд Р-214), областного дома народного творчества (фонд Р-5367) и Курского городского отдела культуры (фонд Р-505). В них нашла отражение деятельность органов власти и управления по развитию культурно-просветительной работы в Курской области в 1960-е – 1970-е гг.

В фонде Р-3322 сосредоточены подлинники постановлений и распоряжений Курского облисполкома, доклады и выступления на сессиях областного со-

вета депутатов трудящихся (народных депутатов) по вопросам деятельности учреждений культуры, материалы о выполнении постановлений высших партийно-государственных органов в области культуры, переписка с Советом Министров РСФСР, министерствами культуры СССР и РСФСР, Курским обкомом партии, гор- и райисполкомами о работе клубов и библиотек, строительстве культурных объектов, их материально-техническом оснащении и т. д. Интерес представляют сведения о потребности учреждений культуры в специалистах, пятилетние планы подготовки кадров, справки информативного характера по текущим вопросам культурно-просветительной работы [47, л. 19–106; 48, л. 1–47; 49; 50; 51].

Существенное значение для исследования темы имеют документы фонда управления культуры Курской области. В нем интерес представляют протоколы заседаний коллегии управления, подготовительные материалы к ним, стенограммы совещаний, приказы, инструктивные письма по основной деятельности, аналитические справки о состоянии культурно-просветительной работы за отдельные годы. В материалах фонда содержатся переписка с обкомом партии и облисполкомом, городскими и районными отделами культуры, союзным и российским министерствами культуры по основной деятельности [8, л. 7–340; 12; 13; 18; 23]. Значительное место занимают документы съездов работников культуры и кинофикации, докладные, отчеты и справки о состоянии материальной базы учреждений культуры, деятельности кружков и коллективов художественной самодеятельности, организации смотров, выставок, конкурсов, совершенствовании содержания и форм работы клубных учреждений и библиотек, материалы их проверок и т. д. [14, л. 295–296; 15; 19, л. 308–309; 25, л. 53–56; 27; 28, л. 13–15; 31; 35, л. 106–139]. Много внимания в источниках уделено подбору кадров культурно-просветительных учреждений, стабилизации их состава, прежде всего, на селе, повышению квалификации работников [24, л. 65–70; 25, л. 53–56; 35, л. 51–65; 38, л. 20–52].

В фонде Р-5367 находятся источники о деятельности областного дома народного творчества, отражающие методическую работу и оказание конкретной помощи руководителям кружков и коллективов художественной самодеятельности учреждений культуры [53, л. 3–25].

В фонде Р-505 содержатся материалы о работе учреждений культуры г. Курска. Здесь также находятся источники об оказании шефской помощи селу учреждениями культуры областного центра. В частности, нашла отражение деятельность областного драматического театра им. А.С. Пушкина, областной филармонии, дворца культуры комбината химического волокна по организации семинаров в районах, консультаций, закреплению представителей творческой интеллигенции за конкретными сельскими клубами и т. д. [46, д. 433].

Анализ данной группы источников позволит выявить, как концептуальные положения нормативно-правовых актов реализовывались в деятельности управления культуры Курской области, как осуществлялось им непосредственное руководство учреждениями культуры.

Вторую группу составили документы о деятельности средних специальных учебных заведений и массовых форм подготовки кадров для сферы культуры.

Специалистов средней квалификации в рассматриваемый период готовили Обоянский библиотечный техникум, музыкальное училище и культпросветучилище в г. Курске. Источники об их деятельности представлены в основном в виде справок о проверках, отчетами о работе учебных заведений по конкретным направлениям подготовки кадров, информационными материалами, протоколами заседания коллегии областного управления культуры. В документах обобщается опыт работы педагогических коллективов по совершенствованию учебно-воспитательного процесса, отражена работа администраций, преподавательских и ученических коллективов по взаимодействию с местными органами власти и управления, общественными организациями, предприятиями, учреждениями, колхозами и совхозами в решении вопросов социальной защиты, повышения квалификации педагогов, оказания шефской помощи, развития учебно-материальной базы и т. д. Интерес представляют отчеты и справки о ходе реализации реформы средней специальной школы конца 1950-х – середины 1960-х гг. Они показывают, как средние специальные образовательные учреждения реагировали на необходимость модернизации, в каких условиях она осуществлялась, какие противоречия, трудности, негативные тенденции обнаружились в ходе реализации реформы, как они повлияли на итоги реформирования [29, л. 5–12; 31, л. 10–131; 32, л. 166–177; 35, л. 140–151; 37, л. 173–189; 40, л. 51–65; 41, л. 48–62; 43, л. 46–47; 45, л. 20].

В фондах Курского областного управления культуры и областного дома народного творчества нашли отражение вопросы обучения кадров для сельских клубов на различных курсах. Например, были организованы шестимесячные курсы по подготовке заведующих бригадными клубами «Спутник», а в 1967 г. по распоряжению облисполкома вместо них стали работать двухгодичные курсы в Курске и Обояни. В 1971 г. они были реорганизованы для обучения баянистов и руководителей духовых оркестров [9, л. 143; 14, л. 447–455; 31, л. 188–189; 40, л. 17, 20; 52, л. 1–5]. В рассматриваемый период также организовывались курсы по обучению руководителей художественной самодеятельности при районных и сельских домах культуры, музыкальных и средних школах [53, л. 4].

Данная группа источников при сопоставлении с другими документами, находящимися, в частности, в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) [4, л. 27; 6, л. 60; 5, л. 77], позволит создать объективное представление о реальных процессах, происходивших в системе подготовки кадров для сферы культуры, проанализировать последствия решений в данной области, принимаемых центральными и местными властными структурами.

Третья группа источников представлена статистическими материалами. Они преимущественно сосредоточены в фонде Р-214. Прежде всего, это документы о показателях работы учреждений культуры, содержащие данные о количестве и видах проведенных мероприятий (лекции, концерты, кружки, кол-

лективы и т.д.), состоянии материальной базы государственных клубов и библиотек, колхозных и совхозных клубов, количественном и качественном составе кадров, повышении их квалификации, изменении состава работников на протяжении рассматриваемого периода и т.д. [11, л. 35, 41, 44; 16, л. 42–43; 20; 21, л. 3–4; 33, л. 3–4; 38, л.3; 42, л. 42]. Ряд документов позволяет провести сравнительный анализ деятельности учреждений культуры Курской области и других регионов России за отдельные годы [30].

Интерес представляют сметы и производственно-финансовые планы подведомственных учреждений и организаций областного управления культуры, отчеты о выполнении бюджета, документы о выделении средств для обучения кадров в учебных заведениях и системе массовых форм подготовки [9, л. 96; 11, л. 1–4; 17, л. 1–29; 22, л. 11; 26, л. 28; 30, л.35; 52, л. 11]. Указанные источники позволяют определить основные направления хозяйственно-финансовой деятельности учреждений культуры и учебных заведений.

В фонде Р-214 также представлены статистические данные о руководящих и педагогических работниках средних специальных учебных заведений, массовых форм подготовки, их заработной плате, материально-технической обеспеченности учебно-воспитательного процесса (наличие и состояние учебных корпусов, приобретение хозяйственного инвентаря, оборудования, мебели, учебных материалов, наглядных пособий, музыкальных инструментов, театральных костюмов, капитальный ремонт и др.), об успеваемости учащихся и слушателей, их социальном составе, изменениях в ученических и педагогических коллективах и т. д. [10; 29, л. 5–6; д. 34, л. 21; 44, л. 58–59; 39, л. 7; 42, л. 18]. Их изучение позволяет выявить количественные (а в некоторых случаях и качественные) показатели подготовки кадров в 1960-е – 1970-е гг.

Вместе тем, требуется критический анализ всей совокупности статистических материалов. Во-первых, в документах содержатся отдельные расхождения по ряду показателей, например, количеству проведенных мероприятий в учреждениях культуры Курской области в отдельные годы. Дело в том, что итоговые отчеты, направленные в Министерство культуры РСФСР, неоднократно корректировались. При этом в ГАКО они отсутствуют и содержатся в фонде А-501 ГАРФ [1, л. 18, 120; 2, л. 4; 3, л. 129]. Во-вторых, в фондах ГАКО нередко отсутствуют статистические данные о работе колхозных клубов, что затрудняет объективный анализ реального состояния культурно-просветительной работы в сельской местности. В-третьих, исследователю в отдельных случаях придется столкнуться с проблемой достоверности статистических данных. Так, в источниках одни и те же мероприятия, например, праздники русской зимы, встречи весны, могли быть отнесены или к эстетическому, или атеистическому, или к патриотическому направлению деятельности. Выявить же завышение показателей работы учреждений культуры практически не представляется возможным.

В целом изучение и анализ статистических данных позволяет исследовать количественные показатели деятельности учреждений культуры Курской обла-

сти, подготовки кадров, а в некоторых случаях выявить и качественные характеристики их работы.

Таким образом, в архивных источниках отражено общее состояние культурно-просветительной работы в Курской области в 1960-е – 1970-е гг. Они позволяют определить основные направления деятельности государственных органов власти и управления по развитию данной сферы. Документы свидетельствуют о том, что в указанный период властные структуры региона осуществляли поиск подходов к совершенствованию культурно-просветительной работы, прежде всего, в сельской местности, пытались вывести ее на качественно новый уровень развития, разрабатывали различные способы решения поставленных задач. Вместе с тем, архивные источники в содержательном плане исходят из безошибочности концепции культурно-досуговой деятельности, сформулированной в рассматриваемый период правящей партией. Поэтому учреждениям культуры отводилась роль исполнителей постановлений и распоряжений партийных и государственных органов, а возможности для реализации творческого потенциала значительно ограничивались.

Источники и литература:

1. Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. А-501. Оп. 1. Д. 5279.
2. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 5559.
3. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 6262.
4. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 6280.
5. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 7266.
6. ГАРФ. Ф. А-501. Оп. 1. Д. 6843.
7. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 336.
8. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 424.
9. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 435.
10. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 442.
11. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 454.
12. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 456.
13. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 458.
14. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 459.
15. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 461.
16. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 475.
17. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 482.
18. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 486.
19. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 488.
20. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 503.
21. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 513.
22. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 517.
23. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 522.

24. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 524.
25. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 525.
26. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 551.
27. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 559.
28. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 560.
29. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 562.
30. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 586.
31. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 599.
32. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 602.
33. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 623.
34. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 624.
35. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 637.
36. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 668.
37. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 669.
38. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 684.
39. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 694.
40. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 696.
41. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 697.
42. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 732.
43. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 735.
44. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 763.
45. ГАКО. Ф. Р-214. Оп. 1. Д. 766.
46. ГАКО. Ф. Р-505. Оп. 1. Д. 433.
47. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1725.
48. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1726.
49. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1729.
50. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 1730.
51. ГАКО. Ф. Р-3322. Оп. 44. Д. 2622.
52. ГАКО. Ф. Р-5367. Оп. 1. Д. 336.
53. ГАКО. Ф. Р-5367. Оп. 1. Д. 400.

ИСТОРИЯ АРХИВНОГО ДЕЛА

В.К. Виноградова, С.В. Резникова

ИЗ ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ НАУЧНО-СПРАВОЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Начало комплектования архива печатными изданиями можно отнести к началу XX века, когда была создана Курская губернская ученая архивная комиссия (23 апреля 1903 г.). Ученая комиссия, вела большую работу по сбору и обработке архивных дел. Результаты этой деятельности отражались в Трудах комиссии (вышло 2 выпуска Трудов). Курская губернская архивная ученая комиссия сотрудничала со многими комиссиями губерний России. Велся обмен печатными изданиями со Смоленской, Саратовской, Тульской, Ставропольской, Калужской, Витебской, Оренбургской, Самарской, Черниговской, Нижегородской комиссиями [1, л. 403, 422, 462, 516, 555, 606, 625, 640; 2, л. 4, 25, 26, 86, 108, 109]. Это послужило началом создания библиотеки. Помимо архивных комиссий свои издания присылали: Московский архив Министерства юстиции («Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции…»; «Сборник Московского архива Министерства юстиции») [1, л. 207, 548, 608, 624). Типографии Сенатского архива (Сборник «Сенатский архив. 1909–1913 г.»; «Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве». СПб.: 1911–1915») [1, л. 410, 453; 2, л. 15]; архив Государственного Совета (Опись дел в 15-и томах) [1, л. 564]; Историко-филологическое общество при императорском Харьковском университете (сборники трудов) [1, л. 556]; «Комитет для устройства празднования 300-летия царствования Дома Романовых» («Россия под скипетром Романовых»; «Бояре Романовы и воцарение Михаила Федоровича». СПб., 1913) [1, л. 516]; Канцелярия Государственной Думы (Сте-

нографические отчеты Государственной Думы III и IV созыва; «Указатели к стенографическим отчетам»; «Обзоры деятельности комиссий и отделов Государственной Думы» 1913–1915 гг.) [1, л. 432, 450]; Киево-Печерская Успенская Лавра передала Курской архивной комиссии книгу «Святитель Иосаф Горленко».

Свои печатные издания библиотеке посылали курские губернские учреждения и общества: Курская казенная палата; Курское губернское земство; Курский комитет Всероссийского Союза городов помощи больным и раненым воинам; Семеновская метеорологическая обсерватория; Курская Мариинская женская гимназия. На основании постановлений Курского Губернского Дворянского собрания в библиотеку комиссии была передана «Летопись Курского дворянства» т. 1. Курск. 1913 [1, л. 564].

Архивная ученая комиссия для библиотеки закупала книги в частных книжных магазинах (книжный магазин Шибанова в Москве), получала в дар от частных лиц [3] Златоверховникова Н.И. («Курские губернские ведомости за 1903–1906 гг.; «Русский Вестник» за 1808, 1809, 1810, 1815, 1816 гг. отд. тома; авторские экземпляры («Купчинский И.А. Театр в Курске. Курск. 1905) [3].

Всего по каталогу значится более тысячи названий. Однако, следует заметить, что часть печатных изданий находилась также в библиотеке Курского историко-археологического и кустарного музея.

В период революции 1917 года и последовавшей за ней гражданской войны архивная работа в области практически не велась. И только в 1922 году президиум Курского губисполкома, согласно постановлению ВЦИК от 30 января 1921 года об организации при губернских исполкомах архивных отделений, вынес решение образовать при Курском губисполкоме на правах отдела – Курский губернский архивный отдел «губархив», который до этого находился в ведении губернского отдела народного образования. Губархив тесно сотрудничал с Курской губернской ученой архивной комиссией, которая существовала с 1903 года.

Прием документов и печатных изданий в губархбюро начался в 1923 году. Большая работа была проведена в деле концентрации научно-справочной литературы и фотоматериалов: собрано 756 книг, 854 негатива, 253 позитива [7]. В «Отчете заведующего Курским губернским архивным бюро за 1924 год» отмечено, что «при Губархбюро имеется библиотека в составе 150 книг, чисто справочного характера и руководству по архивному делу» [7, л. 13, 18].

Комплектование библиотеки проводилось путем собирания дореволюционных изданий: исторических книг, словарей, справочников, официальных изданий, газет.

В период с 1926 по 1930 год было массовое поступление книг. Эта литература поступала из губернского краеведческого музея; Центральной Семеновской библиотеки; Управления Московской Киево-Воронежской Железной дороги (печатные издания); Курского Окружного Статистического Отдела; библиотеки Курской 4-й Пехотной школы; иностранной библиотеки города Льгова;

Губернского литературного издательства. Периодическая печать поступала от редакции газеты «Курская правда» [7, л. 11, 5].

На 1 мая 1927 года библиотека разделена на две части: библиотека по организации и технике архивного дела, охватывающая 199 книг и библиотека справочного характера, содержащая своды законов бывшей Российской империи, статистические сборники, научно-исследовательские труды, справочники, различные местные и небольшое количество центральных журналов, печатные приказы местных органов, местная беллетристика и прочая литература, изданная на территории Курской губернии в количестве 4 005 экземпляров и эта библиотека постоянно пополнялась [16, л. 47].

В «Отчете Курского Отделения Центрально-Черноземного Архивного Бюро о работе за I полугодие 1931 года» приводятся сведения о том, что книгохранилище библиотеки насчитывает уже 40 тыс. экземпляров плюс обменный фонд до 15 тыс. экземпляров; масса газет, листовок, плакатов; 328 комплектов газет [17, л. 47]. Прием книг в 1930-е годы достигал до 2 тыс. экземпляров в полугодие, происходила концентрация архивов бывших церквей и других культовых учреждений. В библиотеку влилась вся литература Курского Педтехникума. В 1934 году Курское Областное Архивное Управление уведомляет все районные редакции газет, это 23 района на тот момент, об обязательной передаче 2-х экземпляров печатных изданий в областной архив Курской области. Журналы выписывались Областным Архивным Бюро ЦЧО [6, л. 22].

В 30-е годы при такой загруженности книгохранилищ назрел вопрос о разгрузке помещений для новых поступающих печатных изданий. В августе 1934 года Центральное Архивное Управление прислало Курскому областному архивному управлению следующее распоряжение: «…из имеющихся в Вашем распоряжении книг Вы должны оставить в составе архивно-справочной библиотеки ОАУ всю архивоведческую литературу, историческую литературу, все издания краеведческого характера, относящиеся к истории края, развитию производительных сил края, его экономике и проч., справочные и ведомственные издания, законодательные материалы, статистические материалы и т. п. Книги, не имеющие архивно-справочного значения, как напр. книги беллетристического содержания, по естествознанию, математике, медицине и т. п. в архивно-справочной храниться не должны» [5, л. 34]. Эта работа была проведена и в сводном годовом и полугодовом отчетах Архивного Отдела Управления НКВД по Курской области за 1940 год научно-справочная библиотека насчитывает 25 734 единицы хранения, из которых разобрано и заинвентаризовано 16 959 единиц хранения и 8 775 единиц хранения составляет обменный фонд [9, л. 23].

С 1940 года библиотека начала записывать печатные издания в инвентарные книги, которые сохранились до нашего времени[1]. В них была занесена ли-

[1] Инвентарные книги на библиотечный фонд начали вестись с 1940 года. В них была занесена литература, изданная до 1917 года, краеведческие издания, журналы, газеты (эти книги сохранились до нашего времени).

тература, изданная до 1917 года, краеведческая литература, журналы и газеты. Комплектование велось за счет получения обязательных экземпляров. В 1941 году комплектование книжного фонда практически не велось. Сотрудники занимались разбором, систематизацией и описанием печатных экземпляров. Только в августе 1941 года в библиотеку архива было передано 102 экз. книг и журналов («Архивное дело за 1923–1941 гг.») в качестве обязательных экземпляров. Источник поступления в документах не указан [10, л. 1–4 об.].

С началом Великой Отечественной войны и оккупации Курской области фонды Государственного архива, а с ними и печатные издания из фондов научно-справочной библиотеки были эвакуированы в Уфу в Центральный государственный архив Башкирской АССР, где для этого было выделено помещение [11, л. 58]. В 1943 году, после освобождения Курской области от немецко-фашистских захватчиков документы Государственного архива и библиотеки были возвращены из эвакуации. На конец 1943 года в библиотеке значилось 16 682 экз. книг и журналов и 602 подшивок газет. 136 подшивок газет («Курские губернские ведомости» 1887, 1889, 1914 гг. и др.) были уничтожены [12, л. 1–40]. С середины 1943 года возобновили свою работу типографии районов Курской области, освобожденных от немецко-фашистских захватчиков. В библиотеку вновь стали поступать обязательные экземпляры газет и других печатных изданий [11, л. 52]. В связи с постановлением СНК СССР от 29.03.1941 г. № 723 о едином государственном архивном фонде в 1943–1945 гг. библиотекой проводилась работа по сбору печатных изданий (листовок, плакатов, номеров газет), выходивших в свет до 01.08.1943 г. [11, л. 15]. В 1945 году из музея в научно-справочную библиотеку было передано 69 экземпляров печатных и рукописных изданий, из них два рукописных издания комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» с факсимиле почерка автора на одном из них [13, л. 5–16 об.].

В 1950-е годы библиотека получала печатные издания от учебных заведений (Труды Курского Центрально-Черноземного заповедника), других изданий (газеты районные, «Курская правда», журнал «Блокнот агитатора», поступали в библиотеку непосредственно из редакций [15, л. 73], 2 центральные газеты: «Правда» и «Известия». Кроме того, в библиотеку поступала литература из Государственных архивов других областей, относящиеся к истории Курского края. Так из Воронежского Госархива было передано 45 экземпляров краеведческой литературы [14, л. 2, 4, 6–7 об.]. В целях упорядочения фондов библиотеки в 1940–1950-е гг. были отобраны и переданы художественная литература и дублетные экземпляры общественно-политического литературы библиотекам города, учебным заведениям (библиотеке УНКГБ по Курской области, Педагогическому институту, Суворовскому училищу) в количестве 500 экземпляров, а

В 1947 году, согласно инструкции ГАО МВД от 4 июля вся литература библиотечного фонда была подразделена на два отдела: отдел изданий дореволюционного периода и отдел эпохи Октябрьской революции и социалистического строительства (Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 351. Л. 2). Литература общественно-политическая, изданная в 1920–1940-е гг., стала записываться в инвентарные книги с 1950 года.

также в Центральный Государственный литературный архив трофейной литературы на немецком языке [11].

Комплектование библиотеки в 60–90 гг. XX века проводилось через библиотечный коллектор, путем просмотра тематических планов книжных издательств: «Наука», «Высшая школа», «Советские энциклопедии», «Русский язык», «Политиздат», «Центрально-Черноземное книжное издательство», «Издательство МГУ» и заказа по ним литературы по истории, краеведению, архивоведению, энциклопедические издания и словари.

В этот период фонды библиотеки пополнились такими многотомными изданиями: «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 6-и т.» (М.: Воениздат, 1960–1965); «История Отечественной войны 1941–1945 гг. в фотографиях и кинодокументах: в 5-и т.» (М.: Планета, 1985–1989); «История второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12-и т.» (М.: Воениздат, 1973–1982); «История русского драматического театра: в 7-и т.» (М.: Искусство, 1977–1987); «История СССР с древнейших времен до наших дней: в 12-и т.» (М.: Наука, 1966–1980); «Археологический ежегодник» (ежегодное издание Археологической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР) (М.: Наука, 1953–1988); Энциклопедиями и словарями русского языка: «Словарь русского языка XI–XVII вв.: Т. 1–14. (М.: Наука, 1975–1988). Кроме того заказывались издания через магазин «Книга-почтой», наложенным платежом из других архивов и учебных заведений. Закупались в книжных магазинах города.

Помимо печатных изданий научно-справочная библиотека комплектовалась периодическими изданиями: путем подписки через «Союзпечать». Выписывались областные, районные, многотиражные газеты; журналы исторического профиля, такие как «Вопросы истории», «Военно-исторический журнал», «История СССР», «История КПСС», «Ведомости Верховного Совета СССР и РСФСР», «Постановления правительства СССР и РСФСР», а также профильные издания: «Советские архивы», «Исторический архив». Пополнялся фонд библиотеки также трудами курских ученых: Л.М. Райского, П.В. Иванова, И.З. Баскевича и др.; писателей: В. Овечкина, Е. Носова, А. Харитоновского, М. Колосова; поэтов: Е. Полянского, Н. Корнеева.

С середины 90-х годов XX века до начала 2000-х годов в комплектовании печатными изданиями произошли изменения. С началом перестройки прекратили свою деятельность библиотечные коллекторы. Первоначально книги библиотека получала через «Союзпечать» одновременно с периодическими изданиями и частично закупала в книжных магазинах. Однако в связи с отсутствием финансирования от этого пришлось отказаться. Осталась лишь подписка на периодические издания (журналы) и газеты «Курская правда» и «Городские известия». В 1995 году вышло решение Курской областной Думы от 23.04.1995 г. № 34 «Об обязательном экземпляре документов области», который определял список организаций, получающих обязательные печатные экземпляры от типографий, редакций газет, учреждений [4, Л. 46–48]. Однако научно-справочная библиотека в этот список не вошла. Лишь усилиями Архивного управления

Курской эта несправедливость была ликвидирована. Постановлением Курской областной Думы от 14.08.1996 г. № 147-15 научно-справочная библиотека Госархива была включена в перечень учреждений и организаций, получающих обязательные экземпляры изданий [18]. Всем редакциям, действующим на территории Курской области (частным и государственным), высшим учебным заведениям были направлены письма, обязывающие выполнять Постановление Курской Государственной Думы. Однако не все редакции выполняли его. Докомплектовывать газеты приходилось через Комитет информации и печати Курской области, который в конце года предоставлял недостающие номера районных и многотиражных газет. Лишь Закон Курской области «Об обязательном экземпляре документов Курской области» от 25.12.2007 г., окончательно закрепил за научно-справочной библиотекой Государственного архива Курской области право получать все печатные издания, изготовленные на территории Курской области [19].

Комплектование библиотеки в 2000-е годы происходило путем подписки на периодические издания (журналы) через ФГУП «Почта России».

В настоящее время через организацию ООО «Урал-Пресс Черноземье», получения обязательных экземпляров печатных изданий от типографий, организаций, учебных заведений: («Юго-Западный университет»; «Курский государственный университет», Курская сельскохозяйственная академия им. И.И. Иванова; Курский институт социального образования (Филиал РГСУ)).

Однако большую часть книг поступивших в научно-справочную библиотеку составляют подарочные экземпляры. Авторами их являются курские краеведы: президент Курского областного краеведческого общества, член Союза писателей, к. и. н. Ю. А. Бугров. Г. Александров, журналист, краевед, историк, член Союза писателей; фотокорреспондент, член Союза журналистов Виктор Викторов; директор историко-культурного центра «Коренная пустынь» Вячеслав Лысых; член Союза архитекторов, курский архитектор Марк Теплицкий Воспоминания; художник, создатель галереи «АЯ» Олег Радин; историк, библиограф, краевед А.И. Раздорский; родственники видных деятелей Курского края. Так внук нашего земляка ученого-зоолога И.И. Пузанова. А.С. Пузанов Подарил мемуары своего деда (Пузанов И. «Мемуары»: в 3-х т. (Одесса, 2014)). Фонды библиотеки также пополняются трудами курских ученых: профессорами А.Ю. Друговской, С.П. Щавелевым, Г.А. Салтык, В.В. Коровиным; Кандидатами исторических наук А.Н. Манжосовым, Н.Г. Кононовым.

В настоящее время фонды научно-справочной библиотеки насчитывают более 55 тыс. печатных изданий. Все они широко используются исследователями в читальном зале госархива.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 20.
2. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26.
3. ГАКО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 28.

4. ГАКО. Ф. Р-1234. Оп. 1. Д. 15.
5. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 11.
7. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 33.
8. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 77.
9. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 158.
10. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 198.
11. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 218.
12. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 219.
13. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 269.
14. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 371.
15. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 403.
16. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 2. Д. 25.
17. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 3. Д. 91.
18. Курская правда. 1996. 22 авг.
19. Закон Курской области № 1273КО от 28.12.2007 «Об обязательном экземпляре документов» // ИПП ГАРАНТ. РУ. http // www.garat.ru / hotlaw / 169971. (дата обращения: 16.09.2016 г.).

А.Ю. Друговская

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОГО ФОНДА АКАДЕМИКА Н.М. ДРУЖИНИНА В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из направлений в деятельности Государственного архива Курской области является собирание и сохранность ценных документов, касающихся истории нашего края. С этой целью в архиве комплектуются личные фонды известных деятелей науки и культуры. Эта кропотливая и большая работа требует особого внимания и умения профессионально работать с документами. Наш рассказ о том, как в Курском архиве формировался личный фонд выдающегося ученого-историка, Лауреата Государственной и Ленинской премий нашего земляка Николая Михайловича Дружинина, – 130-летие со дня рождения которого отметили куряне.

Наш выдающийся земляк, один из корифеев отечественной исторической науки академик Николай Михайлович Дружинин всю свою жизнь был связан с родным городом Курском. Здесь он родился 13 января 1886 г., здесь прошли его детские и отроческие годы, здесь он неоднократно бывал в годы юности, навещая родных и близких. Приезжал в Курск Николай Михайлович вместе с супругой Еленой Иосафовной Дружининой (ее отец профессор математики И.И. Чистяков был уроженцем Курска) и в более поздний период, в частности, в 1956 г. Он поддерживал творческие связи с учеными Курского педагогиче-

ского института в 1950–1960-е гг. В течение нескольких лет Николай Михайлович переписывался с талантливым курским историком, кандидатом исторических наук, доцентом, зав. кафедрой историей СССР Лидией Алексеевной Медведской. Оригиналы ее писем Н.М. Дружинин сохранил и передал в архив Академии наук РФ, а письма самого Николая Михайловича хранятся в личном фонде курского ученого.

Тем не менее, Н.М. Дружинин откликнулся на просьбу руководства Государственного архива Курской области о передаче в Курск некоторых материалов ученого. Об этом свидетельствует письмо Николая Михайловича в адрес сотрудников Курского государственного архива. Письмо от 27 сентября 1971 г., написанное на специальном бланке, было адресовано старшему научному сотруднику Лилии Михайловне Миненковой. Николай Михайлович писал: «Глубокоуважаемая товарищ Миненкова! Я получил предложение от администрации Государственного архива Курской области передать документы, связанные с моей научной работой, в Курский государственный архив. Товарищи предлагают обращаться по всем вопросам, связанным с этой передачей к Вам, как старшему научному сотруднику Архива» [2, л. 1].

Он сообщает также о существующих в Академии наук правилах передачи документов в архив. «На основании этих правил, – писал Н.М. Дружинин, – я, как действительный член Академии наук СССР, обязан сдать все материалы в Архив Академии. Поэтому полтора года назад я произвел эту передачу, за исключением тех материалов, которые нужны мне для текущей научной работы. Все остальные документы постепенно должны быть переданы в тот же Архив» [2, л. 1].

Уже в этом письме ученый определяет критерии, которыми он руководствовался в подборе материалов для Курского архива. Он дает им краткую характеристику и сообщает, что передаваемые им материалы в основе своей не были ранее опубликованы. Это дублеты не появившихся в печати его рецензий на научные работы разных авторов, его личные воспоминания о Московской 5-й гимназии, которую он закончил, о революционной работе в 1905 г. в Саратове, куда был выслан на время судебного следствия, а также дублеты некоторых номеров гимназического журнала, который он издавал в 1898–1899 гг. Далее Николай Михайлович делает резюме со свойственной ему скромностью и деликатностью: «Если эти материалы представляют для Вас какую-нибудь ценность, я перешлю их Вам по указанному адресу» [2, л. 1 об.].

Вот как вспоминает о переписке с Н.М. Дружининым и формировании его личного фонда сотрудник Курского государственного архива Лилия Михайловна Миненкова: «В начале 1970-х гг. госархив Курской области проводил работу по комплектованию архивных фондов документами личного происхождения – выдающихся деятелей науки, культуры, искусства – уроженцев Курской области. В этой связи началась переписка по созданию индивидуального фонда личного происхождения Николая Михайловича Дружинина. Сотрудники Госархива обратились к нему с личной просьбой – выслать документы, имевшие научную и историческую ценность. Академик откликнулся и прислал в ад-

рес госархива ряд своих книг с дарственными надписями, в том числе его знаменитые «Воспоминания и мысли историка». Особый интерес представляют его воспоминания об историке С.И. Лившице [5, с. 234–237], о 5-й московской гимназии, а также личные фотографии» [4].

В следующем «заказном» письме Н.М. Дружинина в адрес Л.М. Миненковой дана более развернутая и детальная характеристика личных документов, которые он отправил в двух пакетах по адресу, данному администрацией Курского архива. «Сюда входят, – писал Николай Михайлович, – 1) научные отзывы на исторические книги и статьи, которые я писал как член редколлегии «Вопросов истории» (1945–1955 гг.) и как старший научный сотрудник института истории Академии наук СССР; 2) Мои воспоминания о школьных годах, о революционной работе в Саратове в 1905 г. и некоторых умерших товарищах; 3) коллекция фотографий, снятых в разные годы с меня и моих близких. Для связи с моими воспоминаниями я прилагаю для библиотеки архива напечатанные воспоминания о смежных периодах» [2, л. 4].

Что же касается рецензий и отзывов Н.М. Дружинина, то они являются дублетами бумаг, сданных им в Архив Академии наук и ранее, как мы отмечали, не публиковавшиеся. Как замечает сам Николай Михайлович, «они выражают мои взгляды на разные вопросы советской исторической науки и с этой точки зрения могут иметь значение как элементы личного фонда» [2, л. 4 об.].

Воспоминания, представленные в личном фонде Н.М. Дружинина, были написаны по просьбе разных учреждений и лиц, в том числе кафедры истории Саратовского университета, товарищей по гимназии и т. д. Уникальные «Воспоминания» Дружинина о Курске были, как известно, написаны по предложению доцента Л.А. Медведской. Передавая свои материалы в Государственный архив Курской области, Николай Михайлович прислал книгу «Исторические записки» (вып. XXVI, исторический цикл), изданную в Курске в 1966 г. к 80-летию ученого под ред. доц. Л. А. Медведской. В этом сборнике впервые были опубликованы воспоминания о Курске [5, с. 5]. В книге Н.М. Дружинин оставил дарственную надпись: «Библиотеке Курского архива от автора воспоминаний. Москва. 10/XI-1971 г.»

В личном фонде Н.М. Дружинина имеется его книга «Воспоминания и мысли историка» (М., 1967 г.), также оставившего в ней свой автограф: «Библиотеке Курского архива от автора». 10/XI-1971 г. Как известно, эта книга положила начало жанру научных биографий историков. На фоне картины жизни студентов Московского университета в начале XX века, фактов личной биографии, основных этапов советского государства автор воспроизвёл процесс формирования своих научных интересов, показал свою творческую лабораторию, высказал взгляды на особенности и значение исследовательской работы. «Профессия историка, – писал Н.М. Дружинин, – связана с напряженным трудом и требует от человека суровой и длительной школы. Но если историк любит свою науку, если он находит радость в творческих исканиях, если его труд двигает вперед познание прошлого и служит лучшим идеям человечества, он будет

вполне вознагражден сознанием своих плодотворных усилий и достигнутых результатов».

В фонде хранятся и поздравительные открытки ученого в адрес сотрудников архива, в частности, Л.М. Миненковой. В одной из них Николай Михайлович писал: «Глубокоуважаемая Лилия Михайловна! Сердечно благодарю за новогодний привет! Шлю Вам и всему коллективу Вашего архива самые лучшие пожелания! Н. Дружинин». В другой праздничной открытке он пожелал «всем сотрудникам архива успехов в их благородном деле!» Это ли не свидетельство высочайшей культуры, любви и уважения к людям – хранителям исторической памяти. Благодаря этим людям, союзу историков и архивистов сохранились документы, о которых мы рассказали в настоящем очерке.

Если же проанализировать имеющиеся в фонде Н.М. Дружинина документы с точки зрения их содержания, в частности, его воспоминания, то они проливают дополнительный свет на личность ученого, его нравственный облик. Особенно примечательным является в этом отношении очерк об известном историке С.И. Лившице, с которым Николай Михайлович работал около десяти лет в Музее революции [1, л. 1–6].

Н.М. Дружинин считал этот период в своей жизни чрезвычайно важным, оставившим заметный след в его биографии. «Для меня лично Музей Революции СССР послужил расширенной школой политико-просветительной работы, не только пополнив мои знания, но и ставшим новым этапом моего гражданского воспитания» [5, с. 221], – писал Н.М. Дружинин. Николай Михайлович подчеркивал также, что это был период становления нового мира, постепенного развертывания его экспозиции и критического обсуждения методологии и техники музейного дела [1, л. 1]. Именно, прежде всего, под этим углом зрения оценивает Николай Михайлович работу в Музее, вспоминая о людях, стоявших у истоков музейного дела в послереволюционный период. Он дает им высокую оценку не только с профессиональной точки зрения, но и нравственной. Эти оценки и характеристики соответствуют нравственному кодексу Н.М. Дружинина и раскрывают собственные черты его личности, те критерии, которых он сам придерживался в оценке людей и их вклада в развитие музейного дела. Например, он отмечал выдающиеся организаторские способности директора музея С.И. Мицкевича. «Он сумел подобрать и сплотить в товарищеский коллектив, – писал Н.М. Дружинин, – музейных сотрудников, превосходно поставил работу архива, библиотеки и фотоотдела, энергично собирал разнообразные экспонаты и, что особенно важно, – вдохновлял своих помощников не только интересом к развитию музея, но и личным примером самоотверженного труда. В коллективе Музея революции не было в это время ни политических разногласий, ни личных столкновений и склок» [1, л. 1]. Еще раз подчеркиваем, что эти критерии отражают не только собственные деловые качества ученого, но и те нравственные принципы, которыми он руководствовался в своем анализе постановки и развития музееведения в стране, в оценке своих коллег. Так вспоминая о С.И. Лившице, он выделял в нем такие качества «как замечательная работоспособность, безраздельная увлеченность работой, высочайшая

организованность (он никогда не отвлекался в сторону), а при подготовке экспозиции проводил в музее не только дни, но иногда и ночи» [1, л. 2].

По словам Н.М. Дружинина, С.И. Лившиц активно выступал с критическими замечаниями, постоянно изучал старую и новую литературу, всевозможные источники, пригодные для музейной экспозиции. Он придавал значение подлинным документам – рукописям и нелегальным изданиям, понимал, что этот материал интересен для наиболее подготовленных посетителей Музея. Что же касается рядовых зрителей – рабочих, крестьян, то им нужны зримые экспонаты, не только фотографии выдающихся борцов за свободу, но и художественные изображения драматических эпизодов революционной борьбы.

Н.М. Дружинин подчеркивал, что наиболее притягательную силу для массового зрителя имеют вещественные реликвии – «подлинные предметы революционной деятельности, помогающие конкретно воспринять характер происходивших событий» [1, л. 2].

Николай Михайлович разделял мнение Лившица и других сотрудников Музея о роли художественных произведений в освещении революционных событий прошлого. Он был также вслед за Лившицем сторонником введения в экспозиции не только подлинных предметов минувшего, но и вспомогательных материалов – диаграмм, карт, лозунгов и т. п. Н.М. Дружинин высоко ценил в Лившице его постоянный поиск новых приемов показа музейного мастерства, совершенствование самой музейной работы, её содержательной и методологической стороны. «Он никогда не удовлетворялся тем, что было достигнуто, никогда «не почивал на лаврах», он постоянно был в движении, в искании» [1, л. 3], – писал Н.М. Дружинин. Эти качества были присущи и самому Николаю Михайловичу.

Н.М. Дружинин придавал значение и вопросу компоновки фотографий, отмечая, что Лившиц «у себя в кабинете погружался в фолианты собранных книг и составление пояснительных надписей к экспонатам». Его зал постоянно обновлялся, становился всё выше в научном и художественном отношении [1, л. 4].

Николай Михайлович вспоминал о Лившице как о талантливом, творческом человеке, имевшим также способность в короткие сроки овладевать ранее незнакомыми языками. Например, испанским языком он овладел в период подготовки выставки, посвященной героическим событиям 1930-х годов в Испании, где разгоралась гражданская война. При этом Лившиц детально изучил историю Испании, постарался выяснить особенности этой страны и ее народа. Испанская выставка, по воспоминаниям Н.М. Дружинина, была первым откликом в стране на происходившие события и привлекла к себе внимание множества посетителей.

Отмечая научные заслуги С.И. Лившица, Николай Михайлович писал, что «хорошее знание истории Испании обеспечило С.И. Лившицу место научного сотрудника в институте истории Академии наук, где он проявил такие же способности и такую же преданность науке, какие обнаружил раньше в Музее революции. К этому времени он вырос в опытного исследователя-историка» [1,

л. 5]. За два месяца до начала Великой Отечественной войны он защитил кандидатскую диссертацию «Испания в 1918–1923 гг.».

Николай Михайлович с огромным уважением к личности своего коллеги подчёркивал его «внутреннее научное горение», которое он соединял с другими высокими качествами: он был всегда бескорыстен, он всегда отличался искренним чувством товарищества и сохранял неизменную объективность в оценке мнений и действий окружающих людей [1, л. 5].

Таким образом, как мы показали, воспоминания Н.М. Дружинина о С.И. Лившице являются ценным историческим источником, они отражают историю развития музейного дела в молодой Советской республике, те принципы, на которых оно базировалось, призванное сохранять историю страны и ее прошлое. Немаловажную роль при этом играл человеческий фактор, люди, которые стояли у его истоков. В «Воспоминаниях» как в фокусе отражена личность самого Дружинина, его замечательные профессиональные и человеческие качества, его гражданская позиция, любовь и преданность науке, уважение к людям.

Как мы уже отмечали, в фонде Н.М. Дружинина, содержатся документы, освещающие научную деятельность учёного. Это оригиналы, машинописные копии рецензий, отзывов Николая Михайловича на труды советских ученых. Не ставя перед собой задачу проанализировать их как исторический источник (этот вопрос требует самостоятельного изучения), охарактеризуем в общих чертах их значение для раскрытия творческой лаборатории учёного. Находящиеся в фонде эти документы хронологически относятся к концу 40-х – концу 60-х годов XX в. Прежде всего, они дают представление о состоянии Отечественной историографии указанного периода. В основном эти работы посвящены истории России XVIII–XIX вв. и по своей проблематике непосредственно связаны с многообразным спектром научных изысканий самого рецензента. Об этом достаточно полно свидетельствует перечень рецензируемых работ (это монографии, диссертации, статьи, учебные пособия и т. п.). Они отражают те направления в изучении истории России XVIII–XIX вв., которые были близки в научном отношении Н.М. Дружинину. Отметим некоторые из них:

1) история общественного движения в России в конце XVIII в.;

2) русско-турецкая война 1877–1878 гг.;

3) политическая и общественная жизнь в Петербурге в 30–50-х гг. XIX в.;

4) история развития капиталистических отношений в России;

5) банки в России в период разложения крепостничества и развития капиталистических отношений;

6) военные реформы 60–70-х гг XIX в.;

7) правительственные проекты представительных учреждений в период 1860–1870-х гг.;

8) кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. и др.

Среди рецензируемых работ выделяется докторская диссертация известного историка П.А. Зайончковского и его монография «Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов (внутренняя политика 1878–1882 годов)» [3, л. 30–33, 58–62]. Проблематика этих работ позволяет сделать вывод о вкладе в

развитие исторической науки не только самого автора, исследовавшего чрезвычайно важные вопросы в истории России, но и рецензента в лице академика Н.М. Дружинина, давшего высокую оценку этим трудам и тем самым способствовавшего продвижению новых научных идей. Обращают на себя внимание работы, посвященные социально-экономическому развитию различных регионов России. Например, Н.М. Дружинин подготовил отзывы на монографию Н.Н. Лешенко «Крестьянское движение на Украине в связи с проведением реформы 1861 г. (60-ые годы XIX в.)», на исследование П.В. Гугушвили «Развитие сельского хозяйства в Грузии и Закавказье» (1968 г.); на статью А.В. Хилькевича «О некоторых особенностях крестьянской реформы 1861–1863 гг. в Белоруссии». Истории присоединения Средней Азии к России была посвящена работа М.К. Рожковой. Историю Казахской ССР в досоветский период исследовал А.Н. Нусурбеков. Отзывы академика Н.М. Дружинина на эти работы характеризуют его как исследователя широкого диапазона, крупного специалиста по истории национального вопроса в дореволюционной России.

Тщательному и глубокому анализу подверг ученый и историографическую статью известного исследователя, прошедшего «школу академика Н.М. Дружинина», П.Г. Рындзюнского «Изучение социально-экономической истории России XIX века в советской историографии (1917–1934 гг.)» [3, л. 93–95].

Выступая как крупный специалист по истории освободительного движения в России, Н.М. Дружинин рецензировал не только научные исследования советских историков, но и художественные, научно-популярные труды. Например, в июне 1951 г. он подготовил отзыв о романе Юрия Калугина «Соединенные славяне», [3, л. 9–13] в 1964 г. – отзыв о рукописи известной книги Г.П. Шторма «Потаенный Радищев» [3, л. 45–77].

Н.М. Дружинин, являясь автором фундаментальных трудов по социально-экономической истории России, истории революционного движения XIX в., как известно, свыше двадцати лет занимался преподавательской деятельностью. Наверное, поэтому столь взыскательно и критично он отнесся к рецензированию курса лекций Э.Н. Бурджалова и В.Н. Яковлева «История СССР. Первая половина XIX века» (М., 1946 г.) [3, л. 1–5].

Таким образом, рецензирование научных исследований в сфере исторической науки, на наш взгляд, раскрывает еще одну грань таланта ученого, обладавшего масштабным научным мышлением и фундаментальными знаниями. Он был бескомпромиссным, принципиальным человеком, глубоко преданным исторической науке, обогащавшим ее не только своими собственными научными трудами, но и своей поддержкой привлекавшего к историческим исследованиям новые, свежие, молодые силы. Наука и нравственность были всегда рядом в жизни и творческой деятельности академика Н.М. Дружинина. Представленный в его фонде комплекс документов убедительно свидетельствует об этом. Казалось бы, разные по «жанру» и содержанию эти архивные материалы, составляют, как мы убедились, единое целое и раскрывают нравственный кодекс

академика Н.М. Дружинина, его разностороннюю научную деятельность ученого, всю свою жизнь посвятившего развитию исторической науки.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-1017. Оп. 1. Д. 6.
2. ГАКО. Ф. Р-1017. Оп. 1. Д. 7.
3. ГАКО. Ф. Р-1017. Оп. 1. Д. 8.
4. Личный архив А.Ю. Друговской.
5. Дружинин Н.М. Избранные труды. М.: Наука, 1990. Т. 4.
6. История публикации «Воспоминаний» освещена в статье А.Ю. Друговской // Городские известия. 2015. 30 янв.

В.В. Раков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУРСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ В 1917–1921 гг.

Как известно, Курская губернская ученая архивная комиссия (КГУАК) была создана 23 апреля 1903 г. [даты до 01.02.1918 по старому стилю. – *В.Р.*] на основании «Положения о губернских исторических архивных и ученых комиссий» от 13 апреля 1884 г. К моменту революционных потрясений 1917 г. она внесла существенный вклад в дело сохранения и популяризации культурно-исторического наследия в целом, и исторических документов – в частности [3, с. 6–8].

Имевшие место весной 1917 г. в отдельных городах погромы и уничтожение документов, прежде всего жандармерии и полиции, побудили Временное правительство предпринять определенные меры по защите архивов. Уже 8 апреля 1917 г. на общем собрании Союза российских архивных деятелей был принят Устав Союза, утвержденный 16 июня 1917 г. Министром народного просвещения А.А. Мануйловым. Создаваемый Союз имел своей целью объединение архивных деятелей на общих принципах и методах работы для правильной постановке архивного дела в России, охраны документов и всяких архивных материалов, защиты профессиональных интересов архивистов и издания научных работ по архивоведению. Финансовые средства Союза формировались за счет членских взносов, пожертвований, доходов от издательской деятельности и других поступлений. Членам Союза вменялось в обязанность доводить до сведения союза и местных архивных установлений о всех необходимых мерах для спасения архивных материалов [1, л. 13–14 об.].

По поручению межведомственного совещания, созванного Академией наук, Союз российских архивных деятелей 12 июля 1917 г. принял решение о созыве съезда. В оргбюро по подготовке съезда вошли известные архивисты, археографы, палеографы, историки, общественные деятели: А.С. Лаппо-

Данилевский (Председатель Союза), Н.В. Голицын (его заместитель), Д.П. Струков, В.Г. Дружинин, А.И. Лебедев, А.С. Николаев, К.Я. Здравомыслов, Н.И. Веселовский, А.В. Шебалов, А.Е. Пресняков, А.С. Раевский. В губернские ученые архивные комиссии, епархиальные церковно-археологические учреждения, археологические и исторические общества в октябре 1917 г. было направлено циркулярное письмо, содержащее ряд вопросов по организации этого съезда [1, л. 8].

Кроме общественности вопросами охраны культурно-исторического наследия занимался и образованный при Комиссаре Временного Правительства над бывшим Министерством Двора (Ф.А. Головин) Совет по делам искусств, которому было поручено обсудить меры, обеспечивающие сохранность художественно-исторических памятников и собраний и возбуждение соответствующих вопросов перед Временным правительством [1, л. 17–17 об.].

17 октября 1917 г. в адрес КГУАК пришло письмо, подписанное Ф.А. Головиным, в котором говорилось: «В связи с переживаемыми событиями участились повсеместно в России случаи посягательств, как отдельных личностей, так и групп населения на памятники, имеющие историческое и художественное значение. Разрушаются памятники лиц царствовавшего дома и исторических деятелей, как-то: Екатерины II в Екатеринославе, Александру III в Феодосии и т. д.; подвергаются порче и расхищаются исторические ценности из дворцовых, правительственных и общественных зданий, а также церквей; занимаются различными самочинными организациями постройки, имеющие историческое и художественное значение, причем иные из них, не будучи приспособлены к тем целям, ради которых они захватываются, подвергаются почве и разрушению; наконец, в связи с возникающими нуждами в помещениях для военных целей и для потребностей создавшихся учреждений, предпринимается переделка или перестройка зданий указанной категории, искажающая навсегда их художественный облик» [1, л. 17].

Проблема сохранения документов и предметов культурно-исторического наследия имела актуальный характер и для Курской губернии. В августе 1917 г. по распоряжению военных властей в г. Курск прибыла эвакуированная из Каменец-Подольского губернская типография. Из-за отсутствия в городе свободных помещений по распоряжению Курского губернского комиссара Временного правительства типография была размещена в здании присутственных мест в комнате, занятой канцелярией губернского статистического комитета. Эта комната составляла часть помещений, отданных МВД России для надобностей Историко-археологического и кустарного музея, находившегося в ведение КГУАК. Для изолирования музея и типографии две имевшиеся в комнатке двери были наглухо заделаны. Книги, столы и другие предметы, находившиеся в комнате, занимаемой типографией, были перенесены и расположены в оставшихся за музеем комнатах [1, л. 7]. Эти действия, хоть и носившие временный характер, стесняли работу музея и архивной комиссии.

По запросу Московского архивного управления, обратившегося в КГУАК, ее председатель Н.И. Злотоверховников 15 сентября 1918 г. дал согла-

сие «занять должность уполномоченного в деле охраны и разборки архивов Курской губернии» и в этом же месяце приступил к работе. Для учета всех имеющихся на территории губернии архивных материалов, обеспечения их сохранности и концентрации в одном месте была образована комиссия, в состав которой вошли представители Курской коллегии народного просвещения, других советских органов, вскоре переименованная в «Губернскую коллегию по архивному делу» [3, с. 5–6]. Но ежедневной практической работой из-за отсутствия необходимых, самое главное – квалифицированных кадров занималась не коллегия, а, как свидетельствуют приведённые ниже материалы, КГУАК.

С установлением в губернии Советской власти КГУАК распущена не была. Причинами тому стал ряд обстоятельств. Во-первых, комиссия в целом была аполитична, в ее составе не было одиозных фигур, ассоциировавшихся со старым режимом. Во-вторых, она была единственным компетентным органом в архивном и музейном деле. В-третьих, ее общественный характер не требовал государственного финансирования.

Инспектор Московского областного архивного управления А. Изюмов, посетивший Курскую губернию в период с 28 августа по 16 сентября 1918 г. информировал центр: «Ученая архивная комиссия там жива и работает, но она как-то не смогла захватить всех архивов» [3, с. 8].

Наступление на помещения, занимаемые музеем, продолжились уже при советской власти: 1 марта 1918 г. [здесь и далее даты по новому стилю. – *В.Р.*] Курский Революционный Совет направил в адрес Курского археологического музея письмо следующего содержания: «Прошу отвести часть помещения, занимаемого музеем для размещения Военно-ученого архива Штаба Юго-Западного фронта, как аналогичного с музеем учреждения» [1, л. 19].

Комиссия в составе представителя городской комиссии Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Л. Разумова, заведующего Военно-ученым архивом Штаба Юго-Западного фронта М.О. Бендер и заведующего Курским историко-археологическим музеем Н.И. Златоверховникова составила 20 марта 1918 г. акт о временном отводе под Военно-ученый архив Штаба части помещений музея: «а) комната, примыкающая к типографии, размером 12х5 аршин с одним окном, железными решетками в 12 стёкол, с одной печкой, б) часть вестибюля с таким же окном и одной печкой, в) первая комната исторического отдела с тремя таковыми же окнами разм. 13х14 арш., нагреваемая через арки двумя печами и г) для общего с музеем хода коридор, нагреваемый одной печью…» [1, л. 20]. К счастью, пребывание Военно-ученого архива Штаба Юго-Западного фронта в помещении музей оказалось не долгим: 2 апреля 1918 г. архив был вывезен [1, л. 21].

Об условии хранения документов и их состоянии свидетельствует рапорт и. о. архивариуса отдела в отдел внутренних дел исполкома Курского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов И.И. Каменева от 10 июня 1918 г.: «…Дела выкинуты в узкий и темный коридор межевого отделения… При осмотре мне представилось полное их разрушение: дела растрепаны и потеряли всякую внутреннюю связь, представляя из себя старый хлам

годный только на обертку в лавке товаров; здесь, между прочим, и утрачены помянутые мною метрические книги» [1, л. 30 об.].

Первое при советской власти общее собрание членов Курской губернской ученой архивной комиссии состоялось 18 августа 1918 г. На нем присутствовали: К.В.Абрамович, Н.И. Златоверховников, А.А. Кандауров, А.Н. Лагофет, Л.Н. Позняков, М.Д. Рудинским, В.Н. Решетинский и И.Д. Стрельский. Председательствовал на собрании Н.И. Златоверховников. Предыдущее заседание КГУАК прошло 22 августа 1917 г., т. е. практически год назад. За этот период в стране и губернии произошло множество событий, повлиявших на порядок и условия работы КГУАК.

Персональный состав комиссии претерпел существенные изменения. Собрание почтило память умерших членов КГУАК: председателя комиссии А.Н. Кобылина, Г.Н. Бочарова, А.К. Введенского, В.Н. Волжина, Н.В. Жердева, А.Н. Знаменского, К.Н. Родионова, а также известного общественного деятеля Курской губернии В.И. Долженкова [1, л. 1].

Основным вопросом для КГУАК борьба за сохранение архивов. 10 июля 1918 г. Исполнительный комитет Курского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов поместил в газете «Голос революции» объявление о продаже 34 758 архивных дел бывшего Курского Губернского правления за 1834–1900 гг., и «старых журналов» того же Правления с 1780 г. [1, л. 23].

Как выяснилось позже, инициатором распродажи документов выступил вовсе не Губернский Совет, а архивариус Отдела внутренних дел, так определив побудительные мотивы своих действий: «…продажа являлась и в настоящее время является крайне необходимой ввиду перегрузки архива, препятствующей дальнейшему приему в архив дел и книг из упраздненных присутственных мест» [1, л. 28]. Во истину, святая наивность: спасая одно, требовали уничтожить другое!

Рапорт и. о. архивариуса отдела в Отдел Внутренних Дел исполкома Курского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Ивана Ильича Каменева от 10 июня 1918 г. раскрывал структуру архивного фонда: «В архиве Отдела Внутренних Дел, в числе прочих дел, книг и нарядов, хранятся дела: бывшей Палаты Государственных Имуществ с 1834 года по 1868, Приказа Общественного Презрения с 1799 по 1865 г., Конторы Курского Исправительного Отделения с 1905 по 1909, дела и книги военного ведомства с 1816 по 1836 г., метрические записи разных исповеданий последних лет, начиная с 1909 по 1915 г., старые дела бывшей Канцелярии Губернатора с 1799 по 1832 г., несколько экземпляров «Губернских ведомостей», «Правительственного вестника», «Сенатских объявлений» и незначительная часть материалов Статистического Комитета» [1, л. 30].

По инициативе члена КГУАК Н.Н. Лоскутова Н.И. Златоверховников обратился в отдел внутренних дел исполкома с просьбой «о желательности сохранения этих дел» [1, л. 2]. Исполком Совета приостановил продажу архивных материалов, предложив КГУАК в кратчайший срок принять решение о целесообразности сохранения этих дел [1, л. 26–26 об.]. Работа была проведена чле-

нами комиссии В.Н. Решетинским, И.Д. Стрельским и Н.И. Златоверховниковым. Они пришли к выводу, что все представленные в описях дела необходимо сохранить, о чем письменно уведомили отдел внутренних дел.

7 августа 1918 г. исполком губернского Совета предложил КГУАК в трехдневный срок принять из губернского архива все журналы Губернского Правления общим весом в несколько сотен пудов. Предложенные сроки были нереальны. К счастью, ответственный работник Исполкома губернского Совета Д.И. Гологудин отнесся с пониманием к позиции КГУАК, дав отсрочку в деле передачи архивных документов. Переноску архивных документов осуществляли в ручную, привлекая к этой работе дворника.

Члены КГУАК высказались за необходимость сохранения и передачи в ведение комиссии не только журналов, но и всех документов бывшего губернского архива, а также документов Окружного суда, полицейского управления [1, л. 2–2 об.]. Для реализации задуманного требовались денежные средства и дополнительные помещения, поскольку разместить архивы всех ликвидированных губернских учреждений в музее не представлялось возможным.

В принятом постановлении общего собрания от 18 августа 1918 г. говорилось: «… а) просить Н.И. Златоверховникова и А.А. Кандаурова лично переговорить с ответственным руководителем отдела внутренних дел: 1) о передаче в ведение Комиссии Губернского архива, архива Окружного суда и полицейского Управления, а также хранящихся в последнем предметов, так называемых вещественных доказательств, 2) об отсрочке приёма архивных материалов в музей, 3) о приостановке вообще продажи архивных материалов до рассмотрения их Курскою Ученою Архивною Комиссией; б) возбудить ходатайство перед Московским областным Управлением архивами о денежном воспомоществовании Комиссии; в) в случае отказа со стороны ответственного Руководителя Отделом внутренних дел удовлетворить означенное ходатайство Комиссии, продолжить переноску журналов губернского Правления м архивных материалов исторического значения в музей, и израсходовать на это до половины наличных средств» [1, л. 3–3 об.].

Нам не удалось выявить документов, свидетельствующих о заседаниях КГУАК в 1919 г. Возможно, комиссия не работала из-за сложной военно-политической обстановки и смены режимов, но вероятнее всего, имеет место утрата этих документов.

Первая попытка возобновить работу КГУАК была предпринята 18 января 1920 г. Однако, собрание, объявленное на эту дату, не состоялось из-за малочисленности прибывших членов комиссии. На повторное заседание 25 января 1920 г. прибыло треть от общего числа членов комиссии, что позволило принять решение о правомочности начала работы. Кстати сказать, треть – это всего 6 человек. На заседании комиссии председательствовал заведующий подотделом по делам музеев, охране памятников искусства и старины Матвей Васильевич Васильков. Немногим позже, 20 февраля 1920 г. он будет назначен на должность Уполномоченного Главного управления архивным делом по Курской губернии [3, с. 9; 2, л. 19], сменив на этом посту Н.И. Златоверховникова,

оставившего Курск в ноябре 1919 г. вместе с отступающими частями Белой армии [3, с. 8]. Одновременно, Васильков М.В. был избран председателем КГУАК и назначен заведующим губернским архивом.

На заседании 25 января 1920 г. было принято решение о приёме новых членов в количестве, «известных своим сочувствием комиссии и могущим быть полезными своими специальными знаниями». Они представляли Курск (13 чел.) и уезды (22 чел.). КГУАК обратилась ко всем советским учреждениям губернии с просьбой оказать им всяческое содействие в обследовании архивов и принятию на хранение ценного историко-архивного материала. На собрании было принято решение о периодичности заседаний комиссии: два раза в месяц 1 и 15 числа (2 и 16 в случае выпадения праздников на основную дату). Первоочередной задачей комиссии определялась задача обследование состояния архивов, находящихся в Курске (архив Курской духовной консистории и духовного училища, архив Курской казенной палаты и Губернского правления, архив Окружного суда, военный архив), и взятия их на учет [2, л. 17 об. – 18 об.].

Уже к марту месяцу осмотр документов был завершен. М.В. Васильков надеялся на оборудование губернского архива в здании бывшей духовной консистории, но его вскоре после переоборудования передали железнодорожному трибуналу [2, л. 19 об.; 3, с. 9].

Не менее острым для КГУАК оставался вопрос ее финансирования. Поскольку денег от государства она не получала, основными источниками дохода оставались членские взносы, пожертвования и доходы от продажи печатных изданий. Последние уже несколько лет не выходили. Для вновь принятых членов комиссии был определен минимальный размер членских взносов в 25 руб., а прямо на заседании 1 марта 1920 г. проведён сбор добровольных пожертвований. Всего получили 380 руб. от 8 членов комиссии, но более половины этой суммы (200 руб.) внесли М.В. и В.М. Васильковы [2, л. 20–20 об.].

Проблема сбора членских взносов останется нерешённой до окончания деятельности КГУАК. На заседании 15 июня 1921 г. было принято решение направить всем членам комиссии письмо: «Курская ученая архивная комиссия просит Вас, не позднее 1-го августа с. г. сообщить, желаете ли Вы остаться членом комиссии. При этом комиссия уведомляет Вас, что заседанием ее от 7 июня с. г. членский взнос определен в размере 5 000 руб., каковые могут быть внесены в два срока, первый – к 1 января 1922 года (за 2-ю половину текущего года). В виду регистрации членов комиссии просьба сообщить о желании остаться членом комиссии обязательно к 1 августа с. г.» [2, л. 5].

На заседании КГУАК 15 марта 1920 г. председателем было объявлено о перевозке библиотеки и архива комиссии из пострадавшего от пожара здания бывшего губернского правления в дом бывшего Филипцова банка, в котором уже размещался музей. В то время, этот переезд считался временным, так как М.В. Васильков надеялся получить под губернский центральный архив здание бывшей духовной консистории. В поисках средств на содержание комиссии было предпринято обращение в Губернский отдел народного образования с

предложением закупить для школьных библиотек труды комиссии, а также другие научные издания, опубликованные до 1917 г.

Озабоченность членов комиссии вызывала низкая посещаемость ее собраний. Причины, по мнению комиссии, состояли в следующем: «Из обстоятельного обмена мнениями выяснилось, что кроме общих неблагоприятных условий современной общественно-государственной жизни, как-то: подавление духовных интересов материальными, постоянные заботы о куске насущного хлеба, частые неотложные физические работы, отнимающие много сил и свободного от службы времени, невнимание к ученым запросам лиц, власть имущих, ближайшими причинами этого нежелательного явления служат: неосведомлённость членов о времени заседаний и удручающая внешняя их обстановка (тесное и неуютное помещение, грязный вход со двора)…» [2, л. 22–22 об.].

Но ключевым, как вскоре выяснилось, стал, казалось бы, несущественный вопрос: определение дня совместного заседания КГУАК с Обществом изучения Курского края. Именно этому краеведческому обществу и будет отдано предпочтение партийных и государственных структур в деле правильного изучения и интерпретации нашей истории.

Последний сохранившийся протокол (точнее – черновые записи) заседания КГУАК датирован 1 августа 1921 г. Вероятней всего, это и было последнее заседание комиссии. На нём присутствовало 13 человек. Вопросы, вынесенные в повестку дня, а также сам ход обсуждения говорят о кризисе в работе КГУАК. Заявил о сложении своих обязанностей казначей Каблуков. Председатель Васильев информировал собравшихся об отказе Госиздата выделять библиотеке КГУАК научную литературу, а также о невозможности печатать труды комиссии в Академическом Центре (речь шла о 3-ем выпуске). Кроме того, отказано комиссии в выделении академических пайков по причине частного характера организации [2, л. 27–29].

Но дело, конечно, заключалось совсем в другом: неофициальная (общественная или, как тогда говорили, – «частная») организация да еще с дореволюционным прошлым, как по происхождению, так и по составу в условиях усиливающегося влияния государства во всех сверх, в том числе и культурной, была неудобна для чиновничьего советского аппарата из-за своей формальной независимости, и, по определению, вызывала подозрение у партийной номенклатуры.

Источники и литература:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 11.
3. Архивная служба Курской области: История и современность. Курск, 2003. 47 с.

4. Десять лет архивного строительства в Курской губернии (Краткий исторический очерк с приложением списков фондов Исторического архива и архива Октябрьской революции и характеристик фондов. Курск, [1928]. 118 с.

О.В. Тимофеенко

ИССЛЕДОВАТЕЛИ И АРХИВ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Начало формирования государственной архивной службы в РФ было положено декретом Совета Народных комиссаров «О реорганизации и централизации архивного дела РСФР» от 1 июня 1918 г. В начале сентября в Курской губернии была создана комиссия по архивному делу, переименованная на первом ее заседании 4 сентября в коллегию по архивному делу. [12, № 40, ст. 514].

В соответствии с постановлением ВЦИК от 30 января 1922 г. был создан губернский отдел (губархив) при Курском губисполкоме на правах его отдела, переименованный в бюро. Для размещения архивных документов в ноябре 1923 г. архивному бюро было отведено здание Воскресенской церкви бывшего Знаменского монастыря и часть помещения церкви бывшего женского Троицкого монастыря.

В декабре 1925 г. архивному бюро была передана часть помещения церкви бывшего женского Троицкого монастыря на ул. М. Горького,13 для хранения документов советского периода.

Согласно Положению «Об организации Единого государственного архивного фонда РСФСР» от 3 февраля 1925 г. губернский архивный фонд был распределен по двум архивам: губернский исторический архив и губернский архив Октябрьской революции (АОР).

В 1926 г. при АОРе был организован отдел печати (научно-справочная библиотека). С этого времени и стал расти интерес к изучению архивных документов.

Первые упоминания о пользователях архивной информацией приходятся на 1925 г. В документах Курского губернского архивного бюро за этот год есть сведениях о пользователях архивными материалами в читальном зале. В основном это были представители Курского историко-партийного архива (испарта): Соколов – заведующий отделом агитационной пропаганды Курского историко-партийного архива. Работал над темой «Беспорядки 1905 г. Забастовка служащих»; Брянцева Е.И. – большевичка, активный борец за дело коммунизма. Принимала активное участие в организации первого красногвардейского отряда. В 1925 г. была избрана членом губкома и одновременно заведовала испартом губкома ВКП(б). В читальном зале занималась над темой «Поднадзор г. Курска и прокламация 1905 г.» вместе с сотрудником отдела пропаганды

Вернером. В этом году здесь работал краевед Н.И. Спасский над темой «Преступления, выраженные против Николая II» [1, л. 21].

В это время архивные помещения не были пригодны для архивохранилища. Читальный зал, как таковой, отсутствовал. Не было отопления и капитального ремонта.

В 1927 г. занимающихся с архивными материалами также было мало. В основном это были сотрудники Курского испарта и Курского педагогического института. Курское архивное бюро было вынуждено отказывать в работе исследователям по разным причинам: отсутствие надлежащего штата, помещения для читального зала, «неразобранности» фондов и т. д. В этом году была заведена книга выдачи дел исследователям. Но сведения заносились не все – не указывались листы использования, и часто отсутствовала подпись получателей. За отчетный период было выдано 53 дела [2, л. 23].

Уже в 1944 г. в читальный зал было выдано 1 373 дела и 586 печатных изданий. Здесь работали представители отдела местного хозяйства, треста «Водоканализация», Курского спиртотреста, издательства газеты «Курская правда», КГПИ, картинной галереи, Горкома ВКП (б), курского краеведческого музея, комитета по делам архитектуры при СНК РСФСР [3, л. 9].

2 февраля 1944 г. в читальный зал впервые пришел работать заведующий кафедрой истории СССР, доцент Федор Иосифович Лаппо с целью написания научно-популярной статьи «Новый порядок в Курске» к сборнику, выпускаемому Курским областным издательством [8, л. 1, 2].

Ф.И. Лаппо был советским историком, кандидатом исторических наук, доцентом. С 1939 г. заведовал кафедрой истории СССР КГПИ. В период Великой Отечественной в составе народного ополчения строил оборонительные сооружения под Курском. По истории Курского и Белгородского регионов опубликовал несколько статей на архивных материалах. Под его редакцией опубликованы книги по истории Курского края. Впоследствии рукописи и документы поступили в Госархив Курской области на правах личного фонда. Лаппо был одним из первых советских историков, получивших специальное образование после революции и одним из немногих, кто преподавал и вел научную работу в довоенном и послевоенном Курске [11, с.156–157].

26 июля 1947 г. в читальном зале начал свою работу знаменитый инженер-строитель, архитектор Владислав Феликсович Габель. Работал инспектором по охране памятников отдела архитектуры Курского облисполкома. Собранные материалы по истории застройки Курска использовал в книгах, написанных в соавторстве с другими архитекторами [7, л. 1].

В 1948 г. была произведена проверка работы читального зала в соответствии с Приказом МВД СССР. Проверкой было установлено, что допуск к работе в читальный зал производится по инструкции после предоставления от учреждений или организация командировочного удостоверения, в котором обязательно указывалась тема исследования. Разрешение на занятия давал начальник Облгосархива. Исследователи знакомились с «Правилами для посетителей читальных залов государственных архивов СССР». На каждого посетителя за-

водилось личное дело, в котором находились следующие документы: анкета, личная карточка посещений читального зала, требования на выдачу документальных и печатных материалов, листы выдачи документальных материалов, копий и выписей из них. В этом году заводится книга регистрации личных дел исследователей и журнал посещений [4, л. 22, 23].

С каждым годом поток исследователей в читальный зал увеличивался. Так, в 1952 г. читальный зал посетили 35 человек. За год было выдано 436 архивных документа и 456 печатных издания. По документальным материалам работали в основном научные сотрудники КГПИ, КГМИ, Московского института народного хозяйства и областных партийных школ Курской и Орловской областей и т. д. Темы исследований также были разносторонними: роль политотделов МТС и совхозов в создании и укреплении колхозов; история школ; история коллективизации сельского хозяйства; народные сказки Курской области; говоры Курской области; состояние пчеловодства до революции 1917 г. в Курской области [5, л. 11].

Уже в 1954 г. читальный зал посетили 159 исследователей, которым было выдано 1 125 архивных дел и 1 018 печатных изданий. Было сделано 265 копий [6, л. 26, 27]. В эти годы здесь занимался Артемий Николаевич Веселов – заместитель директора по научно-учебной работе Курского пединститута, доцент, кандидат педагогических наук. В 1950 г. он начал работу над докторской диссертацией по теме «Низшее профессиональное техническое образование в дореволюционной России и СССР».

13 ноября 1951 г. по направлению областного отдела по делам архитектуры при Курском исполкоме в читальный зал оформился работать Николай Степанович Власенко – аспирант 3-го курса Московского архитектурного института с темой диссертации «Комплексная застройка, как прогрессивный социалистический метод создания городских ансамблей».

С 1952 г. от Курской областной проектной конторы «Облпроект» занимался старший архитектор Леонид Александрович Литошенко по истории строительства здания Знаменского монастыря. Впоследствии им были осуществлены в Курске такие проекты, как «Реконструкция Красной площади», «Проект площади у КГМИ», «Реконструкция роддома № 2», «реконструкция и восстановление Знаменского собора под кинотеатр» и др. Автор и коллекционер-экслибрисов. Создал 80 гравюрных серий, которые экспонировались на международных выставках в Монреале и Будапеште [9, с. 27].

Также с 1954 г. в читальном зале архива работал архитектор Сергей Иванович Федоров – главный архитектор Курска (1956–1958 гг.). Основные осуществленные проекты в Курске – жилые дома на ул. Радищева, Ватутина; комплекс сельскохозяйственного института на ул. К. Маркса; реконструкция Знаменского собора под кинотеатр на Красной площади в соавторстве с Л.А. Литошенко; сквер у памятника В.И. Ленину на Красной площади и др. Принимал участие в разработке генеральных планов Курска, районных центров и поселков Курской области [10, с. 127].

В 1956 г. в читальный зал поступает запрос от Института истории Академии наук СССР с просьбой допустить к работе академика, доктора исторических наук Николая Михайловича Дружинина для ознакомления с архивными материалами с целью написания монографии на тему «Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева в 40-50 гг. XIX в.» по фондам дореволюционного периода.

История читального зала многообразна и многолика. Интерес к изучению архивной информации растет с каждым днем. В течение последних десятилетий в читальном зале госархива Курской области ежегодно занимается более 500 пользователей: ученые, музейные работники, студенты, исследователи истории своего рода и т. д. Государственный архив Курской области хранит более 1,3 миллиона документов с XVII в. до наших дней, поэтому и темы исследований по документам очень разнообразны. Различны и цели, с которыми приходят в читальный зал: здесь пишутся монографии, диссертации, дипломные и курсовые работы. Широко используются архивные материалы для подготовки выставок, музейных экспозиций. Особую категорию среди исследователей занимают краеведы, посвятившие себя истории Курского края, которые приходят сюда на протяжении многих лет.

В последние десять лет появилась тенденция к изучению истории своего рода, семьи. Еще в 2005 г. таких исследователей были единицы, а в 2015 г. их стало более 100 человек. Это не только жители Курской области, но и те, кто живет далеко от родины предков.

Источники литературы:

1. Государственный архив Курской области (далее: ГАКО). Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 40.
2. ГАКО. Ф. Р-2968. Оп. 1. Д. 52.
3. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 255.
4. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 335.
5. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 403.
6. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 1. Д. 444.
7. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 7. Д. 1.
8. ГАКО. Ф. Р-2969. Оп. 7. Д. 435.
9. Большая курская энциклопедия (далее: БКЭ). Т. 1. Кн. 2. Персоналии. Курск, 2005.
10. БКЭ. Т. 1. Кн. 3. Персоналии. Курск, 2005.
11. Историки Курского края: биографический сл. / под ред. С.П. Щавелева. Изд. 2. Курск, 2009.
12. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства. М.,1918.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумова Екатерина Александровна – аспирантка кафедры истории России ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Абрамов Иван Олегович – студент II курса исторического факультета ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Аргунов Олег Николаевич – ведущий архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Борисов Андрей Марксович – кандидат исторических наук, доцент кафедры конституционного и административного права ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Виноградова Валентина Константиновна – главный архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Друговская Александра Юрьевна – доктор исторических наук, профессор ФГБОУВО «Курский государственный университет», заслуженный работник высшей школы РФ

Ефремова Ирина Сергеевна – главный палеограф отдела научно-справочного аппарата ОКУ «Госархив Курской области».

Кононов Николай Григорьевич – кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР.

Масленников Иван Павлович – студент IV курса исторического факультета ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Навоева Инна Валерьевна – преподаватель ОБПОУ «Курский монтажный техникум».

Палий Любовь Валерьевна – кандидат ист. наук, ст. преподаватель кафедры истории России ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Петраков Юрий Сергеевич – аспирант кафедры российской истории и документоведения ФГАОУВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Пинаева Ирина Владимировна – преподаватель ОБПОУ «Курский автотехнический колледж».

Раков Виктор Владимирович – кандидат ист. наук, зам. директора-начальник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Резникова Светлана Викторовна – ведущий архивист отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Сахневич Инна Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Курский государственный университет».

Сойников Алексей Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Тимофеенко Ольга Викторовна – старший научный сотрудник отдела использования и публикации документов ОКУ «Госархив Курской области».

Харсеева Олеся Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права ФГБОУВО «Курский государственный университет».

Цепляева Надежда Егоровна – заведующая эколого-краеведческим отделом МБУДО «Дворец детского творчества» (г. Курск)

Сборник статей

СОБЫТИЯ И ЛЮДИ В ДОКУМЕНТАХ КУРСКИХ АРХИВОВ

Выпуск XIV